

SciPress.ru

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

**Международный
научно-практический журнал**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

№07 (99) 2023

ISSN 2412-8953

9 772412 895000 >

<https://scipress.ru/philology/>

УДК 8

ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2023. №07 (99). 123 с.

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала <http://scipress.ru/philology/>

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

УДК 8

ББК 80/83

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2023

© Коллектив авторов, 2023

Главный редактор:

Плесканюк Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ.

Редакционный совет:

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, РФ

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, г. Н. Новгород, РФ

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная консерватория им Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, РФ

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, РФ

Мирзоева Лейла Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкового образования, университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Республика Казахстан

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай

Николаенко Сергей Владимирович – доктор педагогических наук, доцент, декан филологического факультета, Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, г. Витебс, Республика Беларусь

Пацюкова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ, г. Н.Новгород, РФ

Сметанина Ольга Михайловна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессионального лингвообразования Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Н.Новгород, РФ

Соснин Алексей Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Н.Новгород, РФ

Редакционная коллегия:

Андреева Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт североведения, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, РФ

Аймагамбетова Малика Муратовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранной филологии и переводческого дела, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Башкирский государственный университет, Бирский филиал, г. Бирск Республика Башкортостан, РФ

Белова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н. Новгород, РФ

Воронцова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных и европейских языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Воропаев Николай Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН, г. Москва, РФ

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Жампейсова Жанар Муратбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, регионоведения и переводческого дела, Казахская головная архитектурно-строительная академия, г. Алматы, Казахстан

Коптелова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка факультета международных отношений и международного права, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, РФ

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Новоградская-Морская Нинель Антоновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР

Овчинникова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Пепеляева Софья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии ФАиД, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Н. Новгород, РФ

Петрова Инна Михайловна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и переводоведения, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков, г. Москва, РФ

Резунова Мария Владимировна – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики французского, испанского и итальянского языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, РФ

Шашкова Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел, РФ

Щербина Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Педагогический институт Тихоокеанского Государственного университета, г. Хабаровск, РФ

***Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет,
ответственность за достоверность информации несут авторы статей***

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русский язык	6
Твердохлеб О.Г. Локативные телесные ориентиры в поэтическом языке Н.С. Гумилева	6
Германские языки	18
Альгина О.В. Синкретическая интертекстуальность в анимационных фильмах как проблема перевода.....	18
Гусева А.А., Баркина В.А. Коммуникативная стратегия ведения переговоров в настольной ролевой игре "Dungeons & Dragons" (на материале выпусков "Vox Machina")	28
Хрисонопуло Е.Ю., Маричева А.А. Семантика английского вводного <i>there</i> и достижение эквивалентности в англо-русском переводе бытийного предложения	40
Теория языка	51
Васильченко Е.Е. Речевой акт возражения и его иллокутивные типы в конфликтном диалоге (на материале сериала «Джинни и Джорджия»).....	51
Красильникова Н.В., Степанова А.В. Роль и место новогоднего обращения главы государства в политической риторике	58
Русская литература	65
Воловинская М.В. Семантика чаепития в рассказе А.П. Чехова «Крыжовник»	65
Ковальская А.С. Особенности отображения образа России в путевых письмах К. Бальмонта.....	70
Ковальская А.С. Характер пространства в книге очерков Марии Шкапской «Это было на самом деле»	78
Фольклористика	86
Сафрон Е.А., Котцелайнен К.А. Семантика глагольных форм в шведских заговорах.....	86
Журналистика	92
Бобров Д. В., Буга В. В., Акишина И. А. Роль Объединенной пресс-службы судебной системы Санкт-Петербурга в процессе взаимодействия судебной власти и СМИ ...	92
Векю В.Р. Аспекты исследования речевых практик в публичных выступлениях профессиональных политиков	105
Иващенко Е.Г., Кузьмичёв М.А. Информационная политика спортивных интернет- порталов «Спорт24» и «Матч!».....	111
Иващенко Е.Г., Штефан Д.А. Функционирование современных профессиональных изданий (на примере журнала «Журналист»)	118

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811

Твердохлеб О.Г. Локативные телесные ориентиры в поэтическом языке Н.С. Гумилева

Твердохлеб Ольга Геннадьевна

Канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания
русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет
РФ, г. Оренбург
ogtwrd@gmail.com

Locative bodily landmarks in the poetic language of N.S. Gumilev

Tverdokhleba Olga Gennadjevna

CandSci (Philology), assistant Professor of the Department
of Russian language and methodology of teaching Russian language
Orenburg State Teacher Training University, Russia, Orenburg

Аннотация. В статье исследована соматическая лексика, используемая в формировании образных пространственных номинаций в поэтическом языке Н.С. Гумилева. Характеризуются грамматические средства лексической репрезентации концепта «пространство». Выявлены пространственные телесные обстоятельства: собственно локатив, директив-старт, директив-финиш, транзитив, различающиеся по частотности употребления. Обращается внимание на особенности функционирования телесного локатива как наиболее важного пространственного компонента в создании авторской языковой картины мира. На иллюстративном материале показана различная востребованность телесных номинаций, выполняющих локативную функцию в поэтическом языке Н.С. Гумилева, что позволяет охарактеризовать некоторые особенности идиостиля главы акмеизмы. Результаты, полученные в работе, могут оказаться интересными для литературоведов, исследующих творчество Н.С. Гумилева. Полученные результаты могут быть использованы и в практике составления словаря поэта.

Ключевые слова: идиостиль, Н.С. Гумилев, соматизмы, обстоятельство, локатив.

Abstract. The article examines the somatic vocabulary used in the formation of figurative spatial nominations in the poetic language of N.S. Gumilev. The grammatical means of lexical representation of the concept "space" are characterized. Spatial bodily circumstances are revealed: the actual locative, directive-start, directive-finish, transitive, differing in frequency of use. Attention is drawn to the peculiarities of the functioning of the bodily locative as the most important spatial component in the creation of the author's linguistic picture of the world. The illustrative material shows the different demand for bodily nominations that perform a locative function in the poetic language of N.S. Gumilev, which allows us to characterize some features of the idiostyle of the chapter of acmeism. The results obtained in the work may be interesting for literary critics who study the work of N.S. Gumilev. The results obtained can also be used in the practice of compiling a poet's dictionary.

Keywords: idiostyle, N.S. Gumilev, somatisms, circumstance, locative.

Введение

«Пространство, – как указывал В.Г. Гак, – легче воспринимается человеком»; «для того, чтобы постичь пространство, достаточно открыть глаза, повернуть голову, протянуть руки и т.п. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса. Это одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком...» [1, с. 670]. Поэтому в лингвистической литературе и сегодня большое внимание уделяется анализу пространственных отношений в языке, в том числе функционированию одного из его частных пространственных значений – локативу [2-10].

Так как ориентирование человека в пространстве «строится по аналогии с ориентированием человеческого тела» [11, с. 98], то в центре внимания языковедов неуклонно оказывается м соматическая лексика, в том числе особенности ее функционирования в художественном тексте [12-13].

Данная работа также посвящена анализу соматической лексики и продолжает наше исследование, начатое в [14]. Мы подробно рассмотрим функционирование соматизмов в качестве локативного ориентира в поэтическом языке главы акмеизма Н.С. Гумилева.

В качестве языкового материала (около 200 контекстов) в данной статье использованы стихотворные строки Н.С. Гумилева, включающие в свой состав названия частей тела человека для обозначения пространственных номинаций и обнаруженные по нашему запросу «части, в том числе: части тела и органы человека»: **S, r:concr & (pt:partb & pc:hum** в НКРЯ: Национальный корпус русского языка: поэтический подкорпус: Н.С. Гумилев [21] (далее все примеры по этому источнику).

Исследование

Исследование соматической лексики выявило художественную иерархию элементов телесного пространства в поэзии Николая Сергеевича Гумилева. Для создания соматически заданного пространственного положения в своем поэтическом творчестве Н. Гумилев использует в прилагольном предложном словосочетании пространственные синтаксемы, представленные разными грамматическими формами имени существительного, номинирующего части тела.

Наиболее важным телесным пространственным ориентиром в поэтической Вселенной Н.С. Гумилева становится «**локатив**» (около 90 случаев), представленный для описания «места» [15-16], «местоположения», «пространственного соположения части тела человека и предмета» [17, с. 268, 431].

Чуть реже (более 70 случаев) пространственным телесным ориентиром становится «**директив-финиш**» [18, с. 148], репрезентированный для описания конечной телесной точки направленного действия. Реже (более 20 случаев) пространственным телесным ориентиром в поэзии Н.С. Гумилева становится «**директив-старт**», репрезентированный для описания «отправного пункта» [18, с. 148], «исходной точки движения или перемещения предмета» [17, с. 51] из названной части тела человека в немногочисленных контекстах. Очень редко ((чуть более 10 случаев)) встречаем репрезентацию соматизма в роли «транзитива». Единственными контекстами представлен «**финитив**» и «**дименсив**».

Далее в этом исследовании мы проанализируем только поэтические контексты, включающие телесный локатив.

По данным нашей картотеки, для выражения многообразных конкретных локативных значений в поэтическом тексте Н.С. Гумилева используются разные грамматические и лексические средства репрезентации телесного пространства, а именно:

- В большинстве случаев при помощи предложно-падежной формы «**на + предложный падеж**» (около 40 примеров; наиболее частотны: *на груди* (7), *на руке / на руках* (7); единичны: *на лице, на плечах, на боку, на губах, на устах, на щеках, на теле, на кудрях, на лбах, на локте, на ногах, на носу, на шее*); и при помощи предложно-падежной формы «**в + предложный падеж**» (почти 20 примеров; наиболее частотна: *в груди* (10); единичны: *в глазах / в (блеске) глаз / в (хрустале) глаз, в бровях, в теле, в (изгибе) колен, в ладонях*);

- реже при помощи предложно-падежной формы «**перед / пред + творительный падеж**» (7 примеров: *перед ликом, пред лицом, пред глазами, пред очами*); при помощи предложно-падежной формы «**над / надо + творительный падеж**» (5 примеров: *над головой / над головою, над лицом, надо лбом*);

- единично при помощи предложно-падежной формы «**под + творительный падеж**» (*под ногой / под ногами, под мышкой, под рукой*); при помощи предложно-падежной формы «**у + родительный падеж**» (*у ног, у губ*); «**за + творительный падеж**» (*за плечами, за спиною*); при помощи предложно-падежной формы «**меж / между + родительный падеж**» (*меж бровями, между рук*).

Репрезентация телесного пространства при помощи указанных форм в поэтическом языке Н.С. Гумилева имеет некоторые особенности.

1. Наиболее эстетически значимым для творца в создании поэтического телесного пространства является «локатив», «сообщающий о пространственном соположении» [17, с. 268] части тела человека, репрезентированной именем-соматизмом в предложно-падежной форме «**на + предложный падеж**», и какого-либо предмета. Такие сопологаемые, контактирующие предметы в поэтическом мире Н. Гумилева весьма разнообразны.

1) В абсолютном большинстве стихотворных контекстов с частью человеческого тела закономерно контактируют: а) предметы одежды (лексемы *плащ, цилиндр, мех*), ср.: *...И на плечах багряный плащ?* («Что-то подходит близко, верно...» (1910)); *От Знаменья псаломщик / В цилиндре на боку...* («Ушла... Завяли ветки...» (1916)); *Мех леопарда на плечах, / Меч на боку...* («Сквозь голубую темноту...» (1918)); и б) предметы внешнего оформления (лексемы *кольцо, камень, пенсне, кораллы, крест* и некоторые др.), ср.: *А у Маргариты на левой **руке** / Появилось дорогое кольцо* («Валентин говорит о сестре в кабаке...» (1912)); *Дешевые сверкали кольца / На узких, сморщенных **руках*** («Мой замок стоит на утесе крутом...» (1905)); *...на смуглой **шее** нить коралла...* («Свежим ветром снова сердце пьяно...» (1912)); *Но горели яркие каменья / На **груди** властительного **Змея*** («Змей взглянул, и огненные звенья...» (1908)); *Так ты <...> / Поправишь на носу пенсне* («Как путник, препоясав чресла...» (1914)); *И на **груди** молодецкой / Крест просиял золотой* («В чащах, в болотах огромных...» (1916)).

2) Особенно выразительны телесные локативы в поэтических строках Н.С. Гумилева, характеризующих чувственно-мыслительное соположение с частью тела эмоции, чувства, интеллектуальное состояние (*нежность, проклятье, тоска, страх* и т.д.), ср., напр.:

а) описание положительного эмоционального состояния лирического героя: *Любопытно-вдумчивая нежность, / Словно тень, на царственных **устах**...* («Император с профилем орлиным...» (1908));

или б) описание отрицательных эмоций: *С проклятьем на бледных **устах*** («Мой замок стоит на утесе крутом...» (1905)); *С недоуменьем на **лице*** («Весь двор усыпан был песком...» (1918)).

Отметим контексты, где описываемую локативную форму поэт повторяет на соседних строках, что позволяет ему глубже выразить психологическое состояние лирического героя, ср.: *Весь изогнут, весь скорючен, / На **лице** тоска и страх, / Оловянный взор измучен, / И серебряная туча / На **груди** его влюбленно / Усмиряет горечь ран* (Акrostих: «Мощь и нега ...» (1909-1910)); *Я целовал пыланья*

лета – / Тень трав **на** розовых **щеках**, / Благоуханный праздник света / **На** бронзовых твоих **кудрах** («Ветла чернела. На вершине...» (1920)).

Приведем также довольно пространный поэтический фрагмент, в котором при помощи контекстуального сочетания повторяющейся локативной формы сначала с лексической единицей-репрезентантом предметы одежды (*на руке перчатка*), а затем с репрезентантом действия (*на руке прикосновенье*) создается сложный и очень выразительный поэтический образ художественного пространства: **На руке** моей перчатка, / И ее я не сниму, / Под перчаткою загадка, / О которой вспомнить сладко / И которая уводит мысль во тьму. / / **На руке** прикосновенье / Тонких пальцев милых рук, / И как слух мой помнит пенье, / Так хранит их впечатленье / Эластичная перчатка, верный друг («На руке моей перчатка...» (1908)).

3) Контактировать с частью тела, репрезентированной в позиции локатива (*плечи, грудь, тело, щеки, виски, руки, ноги*), может также другая часть тела (*голова, борода, рана, пятна, пот*), ср.: Я встретил голову гиены / **На** стройных девичьих **плечах** («Я долго шел по коридорам...» (1908)); Смоляною доской лежала / **На груди** его борода («Из-за свежих волн океана...» (1918-1921)); ...Омочу <...> князю кровавые его раны на жестоцем **теле** («Я не верю, не верю, милый...» (1914)); Почему у одного бродяги / **На щеках** багровые пятна («Приближается к Каиру судно...» (1908)); Капли пота на **висках** («Как-то трое изловили...» (1918)).

Дважды поэт локализует с частью тела (*руки, ноги*) часть этой же части тела (напр., *запястье* как ‘часть кисти руки, стопы ноги’) Но недаром звякнули запястья / **На руках** бледнеющей царицы («Под рукой уверенной поэта...» (1908)); **На смуглых руках и ногах** трепетали запястья («Когда зарыдала страна под немилостью Божьей...» (1910)).

4) В единичных контекстах с частью тела, репрезентированной в позиции локатива, представлены:

а) предметы-артефакты (*меч, дневник*), напр.: Меч на боку... (Мик: «Сквозь голубую темноту...» (1918)); Пьер, дневник у тебя? **На груди** под рубашкой? / Лучше жизнь потерять нам, чем этот дневник! (Экваториальный лес: «Я поставил палатку на каменном склоне...» (1921));

или б) представитель животного мира (*сокол*): Сокол, царственная птица, / **На руке** его трепещет («Над высокою горою...» (1908)).

2. При отражении телесного местонахождения используются соматизмы в предложно-падежной форме «**в + винительный падеж**» в поэтических моделях, «сообщающих о пространственном соположении» части тела человека и какого-либо

предмета (явления), напр.: *Все* отразалось, как в чистой воде, / **В** этих спокойных **очах** (Воин Агамемнона: «Смутную душу мою тяготит...» (1910)); *А все океаны, все горы, / Архангелы, люди, цветы / Они в хрустале* отразились / *Прозрачных девических глаз* («Я сам над собой насмеялся...» (1921)).

Такие сопологаемые, контактирующие предметы в поэтическом мире Н. Гумилева весьма разнообразны.

1) Ими могут быть человек и сверхъестественного существа (*люди, Архангелы*), напр.: *Ты расскажешь мне о тех, что раньше / В этом теле жили до меня* («Только змеи сбрасывают кожи...» (1921)).

2) С телесным локативом могут контактировать другие части тела человек: (*глаза, сердце*). *Зачем открыла я для бытия / Глаза в презренном человеческом теле?* («Над городом плывет ночная тишь...» (1921)); *И в груди ее сердце биться* («Пастух веселый...» (1921)); *Сердце крылатое в груди* косматой / *Вырви, вырви сердце и растопчи* («Толстый, качался он, как в дурмане...» (1921)). Отметим стихотворные строки, где слово, называющее часть тела (*сердце*), употреблено с переносным значением: *Золотое сердце России / Мерно бьется в груди* моей («Та страна, что могла быть раем...» (1916)). Ср. также лексему *кровь* в следующих строках: **В** *моей груди кипела кровь...* («Могучий царь суров и гневен...» (1905));

3) Н.С. Гумилев соединяет с телесным локативом и весьма разнообразные природные объекты:

а) природная стихия: *молния*;

б) географические и астрономические объекты: *солнце, океаны, горы*;

в) растения: *цветы, лилия*), ср.: *Я смотрела, как прыгает солнце / В голубых глазах европейца* (Озеро Чад: «На таинственном озере Чад...» (1908)); *И держит молнии в руке* («Я знаю женщину: молчанье...» (1912)); *С кровавой лилией в тонкой руке?* («Толстый, качался он, как в дурмане...» (1921)).

4) В поэтической Вселенной Н.С. Гумилева с телесными локативами могут контактировать разные артефакты, а именно:

а) предметы быта: *сети, кинжал, посох, кубок, перо*;

б) музыкальные инструменты: *бубен*; оружие: *лук, ружье*;

в) предметы внешнего оформления: *серьга*).

Ср.: **В** *смуглых ладонях лук и сети* («Что-то подходит близко, верно...» (1910)); *...в руках изменницы / В хрустальном кубке нектар...* («Нет, я не в том тебе завидую...» (1916)); *И, угрюмо посох сжав в руке...* («Там, где похоронен старый маг...» (1908)); *...блестящий кинжал / В этих милых руках...* («Я не буду тебя

проклинать...» (1910)); ...перо **в руке** («Серебром холодной зари...» (1920)); Ты держишь хрустальную сферу / **В** прозрачных и тонких перстах («Я сам над собой насмеялся...» (1921)); Он бубен потрясал в руке... (Песня о певце и короле: «Мой замок стоит на утесе крутом...» (1905)); ...ружье в руках, – / То абиссинцы... («Сквозь голубую темноту...» (1918)); ...**В** левом ухе медная серьга... («Свежим ветром снова сердце пьяно...» (1912)).

5) Очень часто в контекстах с частью тела, репрезентированной в позиции локатива, представлены абстрактные понятия, номинированные

а) отглагольными именами существительными, ср.: **В** черных глазах томленье (< от глагола томить) (Дева-птица: «Пастух веселый...» (1921));

б) отгадективными именами существительными, ср.: ...дикая мятежность (< от имени прилагательного мятежный) / Затаилась в сдвинутых бровях! (Каракалла: «Император с профилем орлиным...» (1908)).

Как правило, номинируются: а) отрицательные чувства (ужас, коварство, (злое) торжество, (дикая) мятежность, злоба, страданья), ср.: ...и души моей страданья / <...> у меня **в груди** встают («Я вечернею порою над заснувшею рекою...» (1903)); **В груди** подымается злоба («Младой францисканец безмолвно сидит...» (1903)); б) реже положительные чувства (восторг, ласковый свет), ср. сложный описательный оборот в следующем контексте, при помощи которого поэт изображает положительное чувство: И волны ласкового света / **В** ее колышутся груди («Могучий царь суров и гневен...» (1905)).

При этом в свой поэтический стих Н.С. Гумилев может вводить сразу несколько абстрактных понятий для изображения разнообразных по интенсивности, глубине, направленности чувств и эмоций, что создает выразительное единство эмоциональной сферы личности лирических героев в поэтическом мире Н.С. Гумилева. **В** темных глазах нетерпенье, восторг и коварство... («Наплывала тень... Догорал камин...» (1912)); И в блеске глаз <...> / Ерошат крылья ужас и отвага («Я – попугай с Антильских островов...» (1910)); В мышцах жила несказанная мощь, / Нега – **в изгибе колен**, / Был он прекрасен, как облако, – вождь... («Смутную душу мою тяготит...» (1910)).

Стихотворные контексты этой группы представлены, как видим, довольно многочисленными случаями. Анализ этих конструкций показал и актуальные для поэта номинации чувств в связи с изображением телесного пространства. К таким относим лексемы пламень и огонь, неоднократно используемых творцом в синтагматической связи с двумя синонимичными соматизмами глаза (нейтральный)

и *очи* (высокий, стилистически торжественный, устаревший и народно-поэтический), вербализующими один концепт «*глаза*», ср. пять стихотворных контекстов: *Тот же пламень и в глазах твоих* («Пролетала золотая ночь...» (1917)); *И такие ль Геркулесы / С ярким пламенем в глазах...* («Низкорослый, большелобый...» (1906-1921)); *Огонь в глазах его, огонь* («Князь вынул бич и кинул клич ...» (1910)); *Зачем в очах огонь пожара?* («Когда ж вечерняя заря...» [Осенняя песня, 3] (1905)) Ср. также образное выражение в следующих строках: *Он видит деву, блеск огнистый / В его очах пред ней потух...* (Дева солнца: «Могучий царь суров и гневен...» (1905)). Во всех приведенных примерах соматизмы употреблены только в форме множественного числа (что связано с наличием у человека в обыденной норме двумя глазами) и со значением 'вместилище чувств', 'эксplikатор разных эмоций'. Выявленная частотность легко объясняется тем, что лексемы *глаза/очи* не только обозначают «часть человеческого тела», «орган зрения на лице человека», «основной инструмент восприятия окружающей действительности» [22-26], но и являются, с точки зрения мифопоэтики, местом пребывания души [19; 27, с.11], а также «индикатором эмоционального состояния души», символом «чистосердечности, открытости» [20, с. 193].

Описанные локативные синтаксемы, репрезентированные при помощи предложно-падежной форме «**в + предложный падеж**», обычно введенные в положительных контекстах (см. приведенные выше примеры), встречаются и в отрицательных конструкциях, в частности:

а) в общеотрицательном двусоставном предложении (с отрицательной частицей *не* при глаголе-предикате), ср.: *Копье не держится в руке* («Сквозь голубую темноту...» (1918));

б) в безличном отрицательном предложении, построенном по модели: «ни + Род. пад. имени», ср.: *Но в глазах ни тени злобы...* («Низкорослый, большелобый...» (1906-1921)).

3. Изредка для обозначения местонахождения относительно названной части тела человека как «места действия или среды» [17, с. 268] Н.С. Гумилев вводит в свои поэтические строки соматизмы (*лиц, глаза*) в предложно-падежной форме «**перед / пред + творительный падеж**», ср.: *И, представ перед ликом Бога...* («Старый бродяга в Аддис-Абебе...» (1921)); *Пред ослепленными глазами / Светилась синяя звезда* («Я вырван был из жизни тесной...» (1917)); *...Ты возникаешь пред глазами – / Самофракийская Победа* («В час моего ночного бреда...» (1918)).

4. Также иногда для обозначения местонахождения относительно верхней части тела человека (*голова, лоб, лицо*) как пространства, в пределах которого осуществляются «звучащие и зримые проявления бытия» [17, с. 263], вводятся соматические имена существительные в предложно-падежной форме «**над / надо + творительный падеж**», ср.: *Что ночью звездный дождь **над головою**, / И звон, и стон* («Над этим островом какие выси...» (1916)); *Да двенадцать тысяч футов моря / **Над** моей пробитой **головой*** («Нежно-небывалая отрада...» (1917)); ***Надо лбом** твоим густая прядь...* («Не всегда чужда ты и горда...» (1918)); *Как шапка Фауста прелестна / **Над** милым девичьим **лицом!*** («Что я прочел? Вам скучно, Лери...» (1916)).

5. Для обозначения «места через пограничную близость» [17, с. 274] с названной частью тела человека используются имена-соматизмы в предложно-падежной форме «**у + родительный падеж**», ср.: *Все с мычаньем, ревом, лаем / **У** его столпятся **ног*** («Месяц встал, ну что ж, охота?..» (1911)); *Но **у** бледных **губ** моих / **Стынет** стих...* («Левин, Левин, ты суров...» (1919)). Здесь неоднократно встречаем лексему *ноги*, причем дважды поэт включает локативные синтаксемы (*у ног*) в сильной позиции начала строки, ср.: ***У ног** ее – две черные пантеры* («Сады моей души всегда узорны...» (1908)); ***У ног** ее рыцарь...* («Тревожный обломок старинных потемок...» (1908)).

6. Локатив, представленный именем-соматизмом в предложно-падежной форме «**за + творительный падеж**», употребляется для живописания телесного места «в моделях, характеризующих пространственное соотношение» какого-либо предмета, явления (*Серафимы, сирень, свет*) «относительно» определенной части тела человека [17, с. 249], ср.: *Серафимы <...> / **За плечами** воинов видны* («Как собака на цепи тяжелой...» (1916)); ***За спиною** так лениво / В вазе нежится сирень...* («Звуки вьются, звуки тают.....» (1911)); ср.: *Но свет у тебя **за плечами**...* («Я сам над собой насмеялся...» (1921)).

7. Локатив, представленный именем-соматизмом в предложно-падежной форме «**меж / между + родительный падеж**», введен в строки, описывающие местопребывание состояния (*томление залегло*) в определенном телесном пространстве, ср.: *И **меж бровями** залегло / Веков тяжелое томленье?* («Когда ж вечерняя заря...» (1905)); или в строки, сообщающие о пребывании предмета (*игрушки*) в определенном телесном пространстве, ср.: *С иронической усмешкой царь-ребенок на шкуре льва, / Забывающий игрушки **между** белых усталых **рук*** («С тусклым взором, с мертвым сердцем в море броситься со скалы...» (1912)).

8. Соматическое имя, репрезентированное в предложно-падежной форме «**под + творительный падеж**» в локативной позиции для обозначения «местонахождения» под названной частью тела человека, в качестве приименного компонента осложняется признаковым значением [17, с. 274], ср.: *Коврик под его ногами – мир* («Только змеи сбрасывают кожи...» (1921)).

Заключение

Таким образом, Н.С. Гумилев при формировании образных пространственных номинаций активно употребляет в своем поэтическом языке соматическую лексику. Для репрезентации концепта «пространство» с разной степенью частотности используются грамматические средства, обозначающие разные пространственные телесные обстоятельства: собственно локатив, директив-старт, директив-финиш, транзитив, различающиеся по частотности употребления, что позволяет охарактеризовать некоторые особенности идиостиля главы акмеизмы.

Наиболее важным телесным пространственным компонентом в создании поэтической языковой картины мира Н.С. Гумилева является локатив. Анализ поэтического языкового материала показал различную востребованность телесных номинаций, выполняющих локативную функцию. В поэтическом языке Н.С. Гумилева локативные соматизмы обычно репрезентированы именем существительным в двух предложно-падежных формах: «*на + предложный падеж*» и «*в + предложный падеж*».

Творец-акмеист Н.С. Гумилев, согласно требованию своего поэтического направления, уделяет внимание вещным деталям, и поэтому, с помощью соматического (телесного) кода структурируя и оценивая в своем поэтическом языке создаваемое им пространство местонахождения лиц, предметов и явлений его художественного мира, соединяет с телесным локативом весьма разнообразные поэтические образы (артефакты и абстрактные понятия, сверхъестественные существа и другие части тела, природная стихия, географические и астрономические объекты, растения).

Список литературы

1. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
2. Кучина С.А. Локативы: жанровая и структурная специфики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4-1 (58). С. 23-27.
3. Лапицкая Н.И. Мифолокативы в текстах русских и белорусских заговоров // Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье: научные доклады участников Международного научно-просветительского форума. – Брянск: Изд-во Брянского госуниверситета, 2022. – С. 477-481.
4. Медведева Т.Н. Особенности функционирования предлогов в значении директива и локатива в русской разговорной и диалектной речи // Проблемы и перспективы развития экспериментальной науки. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «ОМЕГА САЙНС». – 2019. – С. 203-205.
5. Рябко О.П. Фреймовая семантика мотивационного признака «географический локатив» // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 201-208.
6. Сомова М.В., Южакова Ю.А. Пейзажные локативы в поэзии А. С. Пушкина // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы X Международной научной конференции. – Челябинск: Изд-во Челябинского госуниверситета, 2020. – С. 216-220.
7. Федосеева Л.Н. Независимые и контекстно- обусловленные синтаксемы в современном русском языке (на примере локативов) // Экология языка и речи: Материалы VIII Международной научной конференции. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. – С. 280-285.
8. Федосеева Л.Н., Алексеева Т.Е. Слова с локативным значением в функции обстоятельства // Евразийский союз ученых. 2020. № 2-2 (71). С. 35-40.
9. Федосеева Л.Н. Textoобразующая функция локативов в англоязычном художественном дискурсе (на материале произведения Э. Хемингуэя // Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации. – Курск: Изд-во Курского государственного медицинского университета, 2022. – С. 166-171.
10. Чернышова Л.И. Локативная и объектная синтаксемы в структуре предложения // Наука и мир в языковом пространстве. Сборник научных трудов V Международной научной конференции. – Макеевка: Изд-во Донбасской национальной академии строительства и архитектуры, 2019. – С. 92-99.
11. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Азбуковник, 2010. – 448 с.
12. Папшева Г.О., Голубцова Н.В., Матвеева О.Н. Структурно-семантические особенности конструкций с упоминанием «сердца» в творчестве Анны Ахматовой // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2020. № 5 (79). С. 80-89.
13. Фатеева Н.А. Функции соматизмов в поэзии Б. Пастернака // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2020. № 4. С. 34-44.

14. Твердохлеб О.Г. «Грудь» как доминанта телесных пространственных ориентиров в поэтическом языке Н.С. Гумилева // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2023. № 06 (98). Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/grud-kak-dominanta-telesnykh-prostranstvennykh-orientirov-v-poeticheskom-yazyke-ns-gumileva.html> (Дата обращения: 27.06.2023)
15. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. – М.: Прогресс, 1981. – С. 369-495.
16. Кукатова О.А. Типология семантических ролей актантов предикатов в современной лингвистической науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 1 (447). С. 89-97.
17. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 440 с.
18. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: учебник. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.
19. Ясинская М. В. Мифологические представления о глазах и зрении у славян // Человек: образ и сущность. 2015. №. 1. С. 115–123.
20. Лапушинская Н. О. Символические значения компонента глаз во фразеологизмах // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. 2012. Т. 14. № 2. С. 185-193.

Список источников

21. Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.06.2023).
22. Даль В. И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка: в 4 т. Т. 1. – Спб: Типография М. О Вольфа, 1880. – 723 с.
23. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
24. Толстой Н.И. Глаза // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 500-502.
25. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1988. – 750 с.
26. Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981–1984. <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vmas&wi=68111> (дата обращения 10.06.2023).
27. Багдасарян В. Э., Орлов И. Б., Телицын В. Л. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / ред. В. Л. Телицын. – М.: Локид-Пресс, Рипол Классик, 2005. – 90 с.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81

Альгина О.В. Синкретическая интертекстуальность в анимационных фильмах как проблема перевода

Альгина Ольга Владимировна

канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры английской филологии и перевода, СПбГУ, РФ, г. Санкт-Петербург

Syncretic intertextuality in animated films as a problem of translation

Algina Olga V.

Cand. Sci. (Philology), senior lecturer of Chair of English Philology and Translation Saint Petersburg State University, Russia, Saint Petersburg

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение синкретической интертекстуальности, используемой в русскоязычных и американских аудиовизуальных анимационных фильмах, в условиях перевода. В результате исследования было выделено 2 группы синкретических интертекстуальных единиц, к которым относятся 1) отсылки к мировому достоянию культуры и 2) отсылки к национальным памятникам культуры. При переводе необходимо учитывать интертекстуальные включения и уметь их передавать для достижения наиболее полного коммуникативного эффекта. Единицы, относящиеся к первой группе, не подлежат передаче и остаются в своем неизменном виде. Для передачи единиц второй группы используются следующие стратегии: функциональный аналог, функциональная замена, отказ от передачи интертекстуальной единицы.

Ключевые слова: синкретическая интертекстуальность, перевод синкретических интертекстуальных единиц, аудиовизуальный текст, аудиовизуальный перевод, перевод анимационных фильмов.

Abstract. The aim of this article is to consider the syncretic intertextuality used in American and Russian audiovisual animated films within the framework of translation. As a result of the study 2 groups of syncretic intertextual units were identified, which include 1) references to the world cultural heritage and 2) references to the national cultural property. When translating, it is necessary to take into account intertextual inclusions and be able to transfer them in order to achieve the most complete communicative effect. Intertextual units that belong to the first group are not transferred and remain unchanged. To transfer intertextual inclusions of the second group, the following strategies are used: functional analogue, functional replacement, refusal to transfer an intertextual unit.

Key words: syncretic intertextuality, translation of syncretic intertextual units, audiovisual text, audiovisual translation, translation of animated films.

Любой телевизионный фильм представляет собой сложную семиотическую систему, где тесно переплетены, как минимум, три знаковые структуры (аудиальный, визуальный и вербальный каналы), которые в рамках кинофильма неотделимы друг от друга. Соединяясь вместе, все три компонента образуют особый вид семиозиса,

обладающего поверхностной и глубинной структурами [1, с. 415-434], [2, с. 941-946], в котором знаки и знаковые системы взаимодействуя друг с другом, образуют особое семиотическое пространство, способное определенным образом воздействовать на реципиента и вызвать в нем отклик. Нередко создатели фильма интегрируют в знаковую систему кино элементы из внешних по отношению к аутентичному фильму источников. Эти элементы могут выражаться в использовании различных интертекстуальных вкраплений, как вербальных, так и синкретических. Более того, зачастую фильмы, в том числе и мультфильмы, могут быть экранизациями литературных или фольклорных произведений, в которых уже будет заложена интертекстуальность и различного рода отсылки, при передаче которых могут использоваться различные виды переводческих стратегий. [3, с. 20-25] Если говорить о понятии интертекстуальности, впервые оно было представлено французским лингвистом Ю. Кристевой, которая определила данное понятие как «текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста» [4, с. 48]. Впоследствии данное понятие уточнялось, и его стали понимать как «использование элементов уже существующего текста в процессе создания и функционирования нового» [5]. В общем виде под вербальной интертекстуальностью понимается «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [6]. Стоит отметить, что интертекстуальность рассматривается не только в рамках художественного, публицистического и ораторского дискурсов как стилеобразующего средства, но может прослеживаться и в научных текстах [7], что позволяет нам говорить о распространенности и всеобъемлемости данного явления в текстах. Изначально интертекстуальность рассматривалась и классифицировалась только на уровне вербальных знаков. Однако в дальнейшем внимание ученых привлекло наличие и отсылок в текстах и в кино, в частности, к элементам невербального характера, таких как музыкальные произведения и произведения искусства. Так, И. В. Арнольд выделяет внутреннюю интертекстуальность, куда входят включения вставных элементов (таких как письма и дневники) и внешнюю интертекстуальность, куда входят синкретическая интертекстуальность, аллюзии реминисценции эпитафии. В данном исследовании нас интересуют, прежде всего, синкретические и вербально-синкретические интертекстуальные включения. Так, к синкретическим интертекстуальным вкраплениям относятся отсылки к нетекстовым источникам, таким как произведения изобразительного искусства, музыки, архитектуры и т.д. [6, с. 417-437] Наличие таких включений в фильме преследует определенную цель: вызвать эмоциональный отклик

и ассоциации у реципиента. В частности, в рассматриваемых нами американских и русских мультфильмах (м/ф) и мультсериалах (м/с) («Аладдин», «Не бей копытом», «Веселый Париж», «Смешарики», «Маша и медведь» и др.) мы можем наблюдать довольно большое количество интертекстуальных включений как текстуальных, то есть заимствованных из различных текстовых источников и выраженных вербально, так и синкретических, представленных в виде невербальных знаков (изображение, музыкальные аллюзии и т.д.), которые несут в себе определенные ассоциации и содержат общий культурный опыт и помогают понять и раскрыть как характер, героев, так и оказать определённый коммуникативный эффект, зачастую комический. Как правило, такие интертекстуальные вкрапления культурно маркированы и хорошо знакомы данному языковому сообществу, т.е. «выступая в тесной связи с аудио- и видеорядом мультипликационного произведения, формируют у зрителей представления о мире и закладывают культуuroобразующие ценности» [8, с. 56]. Согласно Р. Барту как автор, так и зритель должны иметь общий доступ к культурному коду [9, с. 358–365] для адекватного распознавания, в том числе, синкретических интертекстуальных включений, которое зависит также от уровня эксплицитности интертекстуального включения [10]. Только в этом случае авторский замысел окажет необходимый эффект. При переносе знаковой системы из одной культуры в другую, где культурные коды могут коренным образом различаться, некоторые интертекстуальные включения как вербальные, так и синкретические неизбежно потеряются, в результате чего часть информации не достигнет адресата сообщения и некоторые моменты будут не в полной мере ясны, а в некоторых случаях вообще не понятны иностранному реципиенту. Поэтому приступая к переводу того или иного текста, в частности аудиовизуального, переводчику необходимо учитывать не только текстовую составляющую, но и общий ситуативный и культурный контекст, а также целевую аудиторию принимающей культуры, чтобы максимально полно донести информацию до реципиентов.

Говоря об общих характеристиках рассматриваемых мультфильмов можно сказать, что они относятся к категории развлекательных, комедийных анимационных фильмов для семейного просмотра, то есть зачастую адресованы не только детской, но и взрослой аудитории, в связи с чем в них нередко появляются различного рода интертекстуальные включения, которые, скорее всего, будут понятны только взрослой аудитории, и менее понятны детям в силу их ограниченного жизненного опыта. Несмотря на это сюжеты мультфильмов вместе со всеми интертекстуальными отсылками выстроены таким образом, что их наличие не будет мешать восприятию

мультфильма детьми, и необходимый эффект будет достигнут как у детской, так и у взрослой аудитории.

На основе изученного материала нам удалось выявить следующие группы синкретических интертекстуальных единиц, в каждой из которых можно выделить свои подгруппы:

1. Отсылки к мировым памятникам искусства, которые стали достоянием мировой культуры и, предположительно, должны быть известны всем. К ним относятся как 1) аудиальные, так и 2) визуальные интертекстуальные единицы. К визуальным вкраплениям относятся отсылки к полотнам великих мастеров, скульптурам, архитектурным памятникам. К аудиальным относятся в основном отсылки или аллюзии на известные классические произведения композиторов со всего мира.

2. Отсылки к национальным интертекстуальным единицам, среди которых можно выделить:

- визуальные единицы (отсылки к полотнам национальных живописцев),
- аудиальные национальные интертекстуальные единицы:
  - музыка из национальных, хорошо известных данному языковому сообществу фильмов.
  - Песни, ставшие частью национальной культуры.

Отсылки к мировым памятникам искусства:

Визуальные синкретические интертекстуальные единицы:

1. Картины.

Создатели мультфильмов нередко используют в своих произведениях отсылки к живописи. Для большинства иностранных мультфильмов, американских, в частности, отсылки относятся к наиболее известным полотнам, которые будут знакомы каждому зрителю, при этом обращение к картинам национальных художников не столь характерно для американского мультипликационного дискурса в отличие от русского. Если говорить о функциях, которые выполняются подобного рода вкраплениями, то здесь можно выделить, как правило, две функции: 1) развлекательная функция и создание комического эффекта, 2) создание художественного/ национального колорита анимационного фильма.

Полотна известных мастеров зачастую используются для развлечения зрителя и / или создания юмористического эффекта. В первом случае зрителю нужно проявить внимательность, разглядеть и идентифицировать определенную картину или аллюзию на нее. Например, в мультфильме «Красавица и чудовище» в одном из

кадров в убранстве замка чудовища мы видим картину Яна Вермеера «Девушка с жемчужной сережкой». Поскольку картина является мировым достоянием, данная интертекстуальная единица говорит нам о статусе владельца замка и его принадлежности к королевской династии. В данном случае картина представлена не в искаженном виде и зрителю нужно лишь проявить внимательность при просмотре мультфильма.

В большинстве случаев визуальные синкретические единицы выполняют комическую функцию и выступают в роли аллюзий на мировые шедевры. Так, в мультсериале «Смешарики» в серии «Симулянты» представлена аллюзия на полотно Леонардо да Винчи «Джоконда». Клон героини Ньюши изображает себя в виде Моны Лизы, при этом картина весьма легко угадывается. Данная единица введена в мультфильм с целью показать превосходство клона главной героини во всем, что она делает, а также добавляет комический эффект. То же мы можем наблюдать и в серии мультсериала «Три кота» «Картинная галерея», где полотна вписаны в стилистику данного анимационного сериала, а названия являются аллюзиями («Кошечка на шаре» (ср. П. Пикассо «Девочка на шаре»), «Квадратный кот» (ср. «Черный квадрат» К. Малевича) и др.).

Для создания художественного колорита мультфильма в некоторых случаях полотна великих мастеров интегрируются в качестве места действия мультфильма, что дает определенный эстетический и интертекстуальный эффект. Так, в американском мультфильме 1962 года «Веселый Париж» действие происходит во Франции начала 20-го века, а фоном, на котором разворачивается действие мультфильма служат картины мастеров начала 20-го века, работы которых непосредственно связаны с Францией того времени: Ван Гог «Ночная терраса кафе», Клод Моне «Пруд с кувшинками», некоторые эскизы танцовщиц Эдгара Дега. Если говорить о скульптуре, данный вид искусства в мультфильмах несет в себе те же функции, что и картины и создает либо антураж, либо комический эффект.

2. Архитектура.

Архитектура как вид визуальной синкретической единицы также нередко появляется в мультфильмах. Изображения архитектурных памятников используются либо для создания национального колорита, если место действия происходит в определенной стране, либо для создания комического эффекта. В частности, в качестве юмористического элемента можно назвать попытку мультипликаторов объяснить причину отсутствия носа у египетского сфинкса (прием, который используется во многих мультфильмах, в частности в м/ф «Аладдин» компании

Дисней). Архитектурные памятники также могут быть вписаны в стилистику мультфильма. Так, в м/с «Том и Джерри» в эпизоде о раскопках в Египте сфинкс изображен с головой кота, что создает комический эффект.

Аудиальные синкретические интертекстуальные единицы:

К аудиальным относятся в основном отсылки или аллюзии на известные классические произведения композиторов со всего мира. Так, в м/с «Маша и медведь» можно услышать произведение «Лунная соната» Л. Бетховена (эпизод, в котором медведь учит Машу играть на рояле), «Полет Валькирий» Р. Вагнера и др. В некоторых случаях данные единицы включают и для комического эффекта. Так, нередко используют отрывок их оперетты Жака Оффенбаха «Орфей в Аду» «Инфернальный галоп» для создания динамичности действия, как правило, в сценах преследования (например, эпизод из м/ф «Русалочка» Диснея, где краба, друга главной героини, преследует повар). Аудиальные синкретические интертекстуальные единицы могут служить и для создания художественного фона мультфильма. Так, в мультфильме «Спящая красавица» в качестве музыкального сопровождения используется музыка П. И. Чайковского из одноименного балета, что опять же вызывает определенные ассоциации у зрителя.

Данные синкретические интертекстуальные единицы при перенесении мультфильма на иностранную почву не нуждаются в культурной адаптации и служат исключительно художественным целям.

Национально обусловленные синкретические интертекстуальные единицы:

Визуальные единицы:

1. Картины

Если проследить тенденцию использования национальных полотен, то в русскоязычных мультфильмах, они используются чаще, чем в американских. В американских мультфильмах чаще используются национальные архитектурные сооружения (так, нередко в качестве национального символа изображается Статуя Свободы или гора Рашмор). В русскоязычных мультфильмах можно увидеть отсылки к работам В.М. Васнецова (м/ф «Три богатыря», «Иван Царевич и Серый Волк») и к произведениям И.И. Шишкина («Маша и Медведь»). В частности, в м/с «Маша и медведь», в эпизоде «На привале» можно увидеть отсылки к работам И.И. Шишкина «Рожь» и «Утро в лесу». Стоит отметить, что полотна как «Утро в лесу», так и «Рожь» представлены и в виде картины, и в виде места действия мультфильма, но несмотря на это от реципиента все равно требуется знакомство с русской живописью, чтобы распознать и соотнести место действия с отсылкой к картине. Зрителю, не знакомому

с русской культурой и искусством, в отличие от мировых памятников искусства, будет трудно распознать в месте действия мультфильма отсылку к картине русского художника. Визуальные синкретические интертекстуальные единицы при переводе, как правило, не видоизменяются.

Аудиальные национально обусловленные синкретические интертекстуальные единицы.

1. Национальные / народные песни

Песни стоят на границе между вербальными и синкретическими знаками. Поскольку их текстовая составляющая тесно связана с музыкой, мы их рассматриваем в составе синкретических единиц. В некоторых случаях для создания местного колорита могут использоваться народные песни, которые хорошо знакомы реципиенту. Так, в м/ф «Не бей копытом» одна из героинь поет фольклорную песню *She'll be coming around the mountains*, появившуюся в конце 19 века в Америке и прочно ассоциирующуюся с Диким Западом. В последствии эта песня вошла в корпус детских песен. Таким образом, песня создает дополнительную информацию о месте и времени действия мультфильма (Америка времен Дикого Запада). При переводе на русский песня была заменена на русскую песню на народный мотив «Вот кто-то с горочки спустился». С одной стороны, такая замена вполне оправдана, поскольку оригинальная песня, скорее всего, не знакома русскоязычному зрителю, поэтому чтобы сохранить интертекстуальные связи и передать стиль мультфильма, была выбрана стратегия культурной адаптации. С другой стороны, американский вариант является не только народной, но и детской песней, в то время как русская песня детской не является, в результате чего происходит асимметрия, и песня в сознании русскоязычного реципиента может вызвать иные ассоциации.

2. Мелодии / песни из фильмов; песни, ставшие частью национальной культуры.

Мелодии и песни в мультфильмах могут использоваться в качестве аллюзии на музыкальное произведение из известного данному языковому сообществу фильма и создавать дополнительные ассоциации в сознании реципиента. Так, в мультфильме «Зверополис» в эпизоде с Мистером Бигом (являющимся пародией на героя Марлона Брандо в фильме «Крестный отец») используется музыкальная аллюзия на музыку Эннио Марриконе к этому фильму, что создает дополнительный комический эффект.

В русских мультфильмах зачастую используются музыкальные единицы из советских фильмов, что может создать дополнительные ассоциации и полнее раскрыть характер героев. Так, в одной из серий м/с «Маша и медведь», где

основными героями стали волки, при их появлении звучит музыка из фильма Г. Данелия «Джентльмены удачи». Введение подобной синкретической единицы является важной основой для формирования образа героев, поскольку здесь проводится параллель между героями советского фильма и героями мультфильма. Как и в фильме, герои на первый взгляд предстают перед нами как неприглядные личности: в фильме речь идет о сбежавших заключенных, что поначалу вызывает у зрителя неоднозначные и, возможно, не совсем приятные ассоциации, закрепленные в сознании коллективным знанием о подобных людях, однако по мере развития фильма мы проникаем к ним симпатией и сочувствуем незадачливым героям. В мультфильме благодаря данной музыке волки становятся носителями тех качеств, которыми обладают герои советского фильма: волки с одной стороны опасны, они авантюристы, но с другой стороны они оказываются достаточно дружелюбными, а их незадачливость вызывает сочувствие и улыбку.

В эпизоде «Подходящий момент» из м/с «Смешарики», в котором герой Крош пытается найти подходящий момент, чтобы сказать Ежику, что тот его лучший друг, звучит мелодия песни В. Высоцкого «Песня о друге» из к/ф «Вертикаль», что вызывает дополнительные ассоциации у реципиента. При переводе вся эта дополнительная информация исчезает, в результате чего музыка теряет свою интертекстуальную силу.

Песни в мультфильмах зачастую используются для описания определенной ситуации и создания комического эффекта. Так, в м/с «Маша и медведь» при переводе песен мы наблюдаем следующее: некоторые песни заменяются при помощи интертекстуальных аналогов (не обязательно песенных). Например, в одной из серий для создания комического эффекта Маша поет песню группы Земляне «Трава у дома», которая в переводе заменяется на известную англоязычную фразу *Huston we have a problem*, в результате чего в полной мере воссоздается комичность ситуации и отсылка к космическим исследованиям.

Однако не всегда удается подобрать аналог интертекстуальным единицам, в результате чего теряется важная часть культурной информации. Например, в одной из серий Маша, собираясь играть в хоккей, напевает известную фразу из песни «Спортивный марш», впервые прозвучавшей в т/ф «Вратарь» (1936 г.). Использование такой песни отсылает нас с одной стороны к спортивному прошлому, с другой, отсылка к этой песне говорит нам о том, что героиня как бы примеряет на себя и на тех, с кем собирается играть, те качества, которые требуются от спортсмена, согласно припеву песни. В англоязычной культуре не оказалось песни, которую

можно было бы использовать в качестве интертекстуального аналога. В итоге переводчик перевел фразу как *Hey, goalie, hey! Get ready for a play!* В результате этого в сознании англоязычного реципиента не будет ассоциаций, которые возникнут у русскоязычного адресата, а фраза будет восприниматься, скорее всего, как собственное сочинение главной героини.

Если проследить общую стратегию к передаче синкретических инткртекстуальных включений, то мы можем увидеть, что аудиальные (музыкальные) и визуальные синкретические включения не подвергаются изменениям и трансформациям в силу, во-первых, технических сложностей, поскольку в случае с визуальными единицами будет необходимо изменять видеоряд и подгонять его к известным иностранной целевой аудитории включениям. Такой подход будет трудоемким и будет в той или иной степени нарушать замысел оригинального фильма. В случае с музыкальными включениями замена интертекстуального включения представляется более реализуемой, однако здесь необходимо, во-первых, распознать включение, а во-вторых, подобрать соответствующее музыкальное произведение, которое бы отражало и соотносилось со смыслом и ассоциациями получателей перевода. Однако такой подход не всегда возможен, поскольку в принимающей культуре может не оказаться подходящего по своей информационной силе музыкального произведения. В результате, часть информации неизбежно потеряется по не зависящим от переводчика причинам.

С переводом песен мы видим следующую ситуацию. Поскольку песни помимо музыкального сопровождения содержат и текстовый материал, то у переводчика появляется намного больше средств для передачи интертекстуальных вкраплений. Среди способов передачи можно наблюдать использование интертекстуального аналога (то есть замена на интертекстуальное включения ПЯ) и функциональная замена (то есть передача смыслового содержания фразы, но без интертекстуальной отсылки). Первый вариант наиболее предпочтителен, поскольку помимо достижения необходимого коммуникативного эффекта, активизирует в сознании реципиента ассоциации, необходимые для полного достижения художественного эффекта. Однако использование аналога используется переводчиками редко. Во втором случае нужный коммуникативный эффект достигнут не будет.

Таким образом, мы видим, что при передаче интертекстуальных включений существует ряд культурных ограничений, которые препятствуют полной передаче дополнительной информации, содержащейся в синкретических единицах. Некоторые отягощения могут быть преодолены переводчиком, в результате чего будет достигнут необходимый коммуникативный эффект, другие же не зависимо от усилий переводчика так и останутся не распознанными реципиентом.

Список литературы

1. Щурик Н.В., Горшкова В.Е. Волшебные сказки в свете интерсемиотического перевода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. No 2. С. 415—434.
2. Горшкова В.Е. Седьмая международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода. Мировое кино: вчера, сегодня, завтра...», Афины, Греция, 28 апреля — 3 мая 2017 г. Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. No 4. С. 941—946.
3. Григорьева Г. Е., Драчева А. П. Межъязыковая трансляция интертекстуальных связей художественного произведения и его киноадаптации. // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2022. No 18. С. 20-25
4. Кристева Ю. Семиотика. – М.: Изд-во МГУ, 1970.
5. Иванова, Е. Б. Интертекстуальные связи в художественных фильмах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001.
6. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сборник статей / Науч. редактор П.Е. Бухаркин. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.
7. Гусева А.Х. Принципы интертекстуальности при переводе корпуса научных текстов. // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. vol. 10-2 (73). С. 160-163.
8. Нешкова, Е.Г. Лингвокультурологический аспект интертекстуальности в мультипликационном дискурсе (на материале английского, русского и французского языков). Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Челябинск, 2020.
9. Барт Р. Проблема значения в кино./ Система моды. Статьи по семиотике культуры. – Москва: Издательство им. Сабашниковых, 2003.
10. Kaźmierczak, Marta. Intertextuality as Translation Problem: Explicitness, Recognisability and the Case of “Literatures of Smaller Nations” // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. No 2. С. 362—382.

УДК 81

Гусева А.А., Баркина В.А. Коммуникативная стратегия ведения переговоров в настольной ролевой игре "Dungeons & Dragons" (на материале выпусков "Vox Machina")

Гусева Александра Андреевна

студент бакалавриата, Челябинский государственный университет, РФ, г. Челябинск
antares_s77773@mail.ru

Баркина Валентина Андреевна

старший преподаватель кафедры английского языка
Челябинский государственный университет, РФ, г. Челябинск
10tina55@gmail.com

Communication strategy of negotiation in the tabletop role-playing game "Dungeon & Dragons" (based on the "Vox Machina" episodes)

Guseva Aleksandra Andreevna

undergraduate student, Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk

Barkina Valentina Andreevna

Senior Lecturer of the English Language Department, Chelyabinsk State University
Russia, Chelyabinsk

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию коммуникативной стратегии ведения переговоров как одной из стратегий, направленных на достижение взаимовыгодного решения. Целью исследования является изучение механизмов реализации коммуникативной стратегии ведения переговоров в настольной игре «Dungeons and Dragons» на материале записей выпусков «Vox Machina», размещённых на платформе YouTube. Авторы изучают функционирование коммуникативной стратегии ведения переговоров в процессе речевого воздействия игроков в настольной игре. Результатом исследования стала классификация тактик, реализующих коммуникативную стратегию переговоров, включающая тактику давления, тактику торга, тактику обмана и тактику спора. Данные тактики реализуют манипулятивное поведение игроков в конфликтных игровых ситуациях.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, речевое воздействие, переговоры, настольная ролевая игра, Dungeons & Dragons

Abstract. The article reviews the communication strategy of negotiation as one of the strategies aimed at achieving a profitable outcome. The research goal is to study the mechanisms of implementation of the negotiation strategy in tabletop role-playing game "Dungeons and Dragons" based on the "Vox Machina" episodes posted on YouTube. The authors examine functioning of communication strategy of negotiation in persuasion arts of players in the tabletop game. The study resulted in a classification of tactics that implement the communication strategy of negotiation, including the tactics of pressure, bargaining, deception, and dispute. These tactics implement the manipulative behaviour of players in conflict game situations.

Keywords: communication strategies, communication tactics, persuasion arts, negotiation tabletop role-playing game, Dungeons & Dragons

Введение

В современном обществе отмечается высокий интерес лингвистов к проблеме речевого взаимодействия людей. В процессе речевого взаимодействия люди используют различные стратегии и тактики для достижения цели коммуникации. Подобно реальному речевому взаимодействию, в настольных ролевых играх игроки отыгрывают роль определённых героев, которые могут враждовать или сотрудничать между собой. Ролевая игра, являясь игрой с точки зрения своей формы, представляет собой сложное коммуникативное взаимодействие, поскольку основным инструментом игроков является сама их речь, а результат игры во многом зависит успешности коммуникации игроков. Ролевая игра как объект исследования интересна ещё и тем, что отражает те же процессы, которые происходят в обыденной жизни, но в более упорядоченной форме, поскольку она ограничена во времени и пространстве, в количестве участников, а также имеет четкую систему правил, следование которым обязательно для всех. Изучение стратегического коммуникативного поведения игроков в ролевых играх является перспективным исследовательским направлением, поскольку позволяет описать поведение коммуникантов в потенциально конфликтных ситуациях, имитирующих реальную коммуникацию, и выявить наиболее перспективные способы реализации интенций игроков. Целью нашего исследования является выявление коммуникативных стратегий и тактик, используемых игроками в ходе игры. В настоящей статье мы рассматриваем одну из коммуникативных стратегий – стратегию ведения переговоров – и приводим классификацию тактик, реализуемых игроками в рамках данной стратегии.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования стали записи выпусков «Vox Machina» на канале «Critical Role» платформы YouTube. Данные выпуски представляют собой видеозаписи реального игрового процесса настольной ролевой игры Dungeons and Dragons. Продолжительность каждого ролика варьируется от 1,5 до 3 часов. Все выпуски снимались в реальном времени, поэтому все речевые взаимодействия между игроками не подготовлены и происходят спонтанно.

В качестве основного метода исследования был использован описательный метод, состоящий из наблюдения, обобщения, интерпретации и классификации единиц исследования. Для анализа интенций говорящих и выявления системы

коммуникативных тактик применялся интент-анализ. Методика исследования заключалась в пошаговой оценке высказываний, взятых из материала исследования, на предмет их целевой направленности.

Игра и речевое воздействие: основные понятия

Игра в течение длительного времени была неотъемлемой частью общественной жизни. Й. Хёйзинга утверждает, что игра старше культуры, ибо понятие культуры, как бы несовершенно его ни определяли, в любом случае предполагает человеческое сообщество [1, с. 9]. К тому же Хёйзинга отмечает, что существование игры не привязано ни к определённой степени культуры, ни к определённой форме мировоззрения [1, с. 12]. Иными словами, игра предшествует культуре, является более древним элементом, чем разумная деятельность, и человеческое общество тесно переплетается с ней. Хёйзинга устанавливает и основные характеристики игры как феномена культуры: 1) свободная деятельность; 2) занятие, выполняемое вне повседневной жизни; 3) целиком овладевает играющим; 4) совершается внутри ограниченного пространства и времени; 5) протекает по определённым правилам; 6) вызывает к жизни общественные группировки, предпочитающие окружать себя тайной [1, с. 24].

Игра осуществляется через общение, она формирует коммуникативную компетенцию у людей с самого детства. По мнению С.А. Шмакова, «ребёнок выстраивается как индивид и личность в игре и через игру, получая разнообразную информацию о мире и о себе от взрослых и сверстников, прежде всего в предметной и вербальной деятельности, в коммуникативном общении [2, с. 24].

Игра также признана эффективным способом обучения. Применение игровых методик в различного рода неигровых ситуациях получило название геймификации [3, с. 6]. Игровые методики применяются в образовательном контексте независимо от возрастной группы обучающихся, как при работе с младшими школьниками [4], так и для обучения студентов в университете [5].

«Dungeons and Dragons» (сокращённо D&D) – настольная ролевая игра разговорного жанра, которая была выпущена в 1974 году. В отличие от детских игр, в которых участники воображают себя героями сказок, D&D ориентирована на взрослую аудиторию и предлагает структуру повествования и способ определения последствий действий, совершаемых искателями приключений. Игра создает интерактивную историю, которая ограничена только воображением игроков, при минимальном использовании материальных ресурсов, таких как листы, письменные

принадлежности и набор многогранников. Каждый игрок за столом создает своего персонажа и выполняет его роль в игре. Существует особая роль – гейм-мастер: «Мастер создаёт приключения для персонажей, которые преодолевают опасности и решают, какими путями им следовать» [6, с. 5]. В данной игре смыслы создаются в процессе активного общения и взаимодействия между игроками внутри специфических игровых контекстов. Следовательно, исследование категории игрового в лингвистике может быть нацелено на анализ стратегического коммуникативного поведения.

Рассмотрим ключевые определения нашего исследования. Речевое воздействие, согласно И.А. Стернину, определяется как «воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели» [7, с. 45]. А.А. Леонтьев утверждает: «Речевое воздействие – это акт общения, рассматриваемый под углом зрения его направленности на тот или иной заранее запланированный эффект» [8, с. 271]. По его мнению, речевое воздействие может быть определено как психологическое. Однако на наш взгляд, классическим можно считать определение речевого воздействия, которое предлагает филолог О.С. Иссерс. Согласно О.С. Иссерс, речевое воздействие (в широком смысле) – это любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, описанное с позиций одного из коммуникантов [9].

Говоря о потенциале речевого воздействия, А.Г. Гурочкина подчеркивает, что наибольшей эффективности можно достичь, если осуществлять речевое воздействие в устной форме, поскольку устное общение отличается большей свободой выбора средств выражения [10, с. 48]. Более того, устное речевое воздействие людей разделяется на два аспекта: вербальное и невербальное.

Вербальное воздействие является воздействием при помощи слов. Для того, чтобы такое воздействие было успешным, необходимо подбирать правильные языковые средства и использовать их с умением, грамотно сочетая их формальную и содержательную стороны (например, какой аргумент подобран, какая тактика ведения диалога избрана и др.).

Невербальное воздействие относится к использованию несловесных средств для передачи информации, таких как жесты, мимика, поведение во время речи, внешний вид говорящего, расстояние до собеседника и другие факторы, сопровождающие речь.

Одной из основных методик исследования речевого воздействия, активно применяемых в отечественной лингвистике, является выявление системы стратегий и тактик, характерных для определённого типа дискурса.

Коммуникативная стратегия: понятие, принципы реализации и типы

Для того чтобы разобраться в понятии коммуникативной (речевой) стратегии, нам нужно проанализировать значение самого слова «стратегия». В толковом словаре Ожегова приведены 3 определения слова «стратегия»:

1. Наука о ведении войны, искусство ведения войны.
2. Общий план ведения войны, боевых операций.
3. Искусство руководства общественной, политической борьбой, а также вообще искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах [11].

Все перечисленные определения схожи тем, что термин «стратегия» относится к науке ведения войны или борьбы (предполагает агональность, наличие конфликта) и включает в себя элементы прогнозирования и планирования.

В научных статьях можно встретить различные определения понятия стратегии в зависимости от направления исследования. Например, стратегия рассматривалась с позиции социологического, лингвистического, педагогического и иных подходов [12, с. 3616]. В лингвистическом контексте коммуникативную (или речевую) стратегию в общем смысле трактуют как набор действий, используемых в речи для достижения речевой цели. В нашей работе мы опирались на дефиницию О.Н. Паршиной, согласно которой «стратегия» – это «определённая направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» [13, с. 7]. Вышеперечисленные определения описывают стратегию как определённый план действий, который реализуется при помощи тактик. Тактика представляет собой конкретные способы достижения поставленных целей в определённых условиях, которые соответствуют основной стратегии.

Для реализации определённой коммуникативной тактики применяется тот или иной коммуникативный (речевой) ход. По мнению О.С. Иссерс, «коммуникативный ход является приёмом, выступающим в качестве инструмента реализации той или иной речевой тактики» [9, с. 117]. С учётом того, что коммуникативная цель может достигаться посредством как вербальных, так и невербальных средств воздействия,

коммуникативный ход можно определить как речевой и неречевой приём, который служит для реализации речевой тактики и помогает достичь коммуникативной цели.

Классификация стратегий по О.С. Иссерс построена на основании степени «глобальности» намерений. Филолог выделяет основные (общие) и вспомогательные (частные) стратегии. К основным стратегиям относятся те, которые напрямую связаны с воздействием на адресата, его представлениями о мире, системой ценностей и поведением (как физическим, так и интеллектуальным). Вспомогательные стратегии способствуют организации коммуникативных задач. Стратегически значимыми являются все компоненты коммуникативной ситуации: автор, адресат, канал связи, коммуникативный контекст [9, с. 107].

О.С. Иссерс выделяет три типа вспомогательных стратегий: прагматические (коммуникативно-ситуационные), которые реализуют стратегические задачи коммуникативного акта; диалоговые, использующиеся в соответствии с задачами контроля за организацией диалога; и риторические, в рамках которых используются различные приёмы ораторского искусства и риторической техники для эффективного воздействия на адресата [9]. Описанная О.С. Иссерс классификация представлена в таблице 1.

Таблица 1. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения по О.С. Иссерс

Основные стратегии		Тактики
Семантические (когнитивные)	Дискредитация	1. Оскорбление 2. Насмешка 3. Обвинение 4. Издёвка
	Подчинение	1. Уговор 2. Просьба 3. Убеждение
Вспомогательные стратегии		
Прагматические	Построение имиджа	Определение круга «своих» и «чужих»
	Формирование эмоционального настроения	1. Compliment 2. Похвала
	Самопрезентация	Речевое моделирование личности говорящего
Диалоговые	Контроль над темой	1. Наведение темы 2. Уклонение от темы
	Контроль над инициативой	1. Перераспределение инициативы 2. Сохранение инициативы
Риторические	Привлечение внимания	Рекламная тактика
	Драматизация	Тактика рекламной экспансии

Иного подхода к типологизации коммуникативных стратегий придерживается Ю.М. Иванова. Стратегия в её понимании – не есть сумма тактик, а более сложное явление: тактики, являясь частями стратегии и разворачиваясь линейно, не «составляют» стратегию, а «реализуют» её. На основе исследования агональных диалоговых жанров (к которым можно отнести и ролевую игру), Ю.М. Иванова предлагает уровневую систему классификации коммуникативных стратегий, где с каждым новым уровнем усложняется коммуникативная стратегическая деятельность (см. таблицу 2) [14].

Таблица 2. Уровневая организация коммуникативных стратегий по Ю.М. Ивановой

Уровень	Стратегия	Цели
Первый	Интродуктивная	· Сообщение информации.
Второй	Варьирующая	· Сообщение информации.
		· Разрушение установленных дискурсом оппонента смысловых связей.
Третий	Аддитивная	· Сообщение информации.
		· Разрушение установленных дискурсом оппонента смысловых связей.
		· Встраивание новых смысловых связей на место разрушенных.

Так, на базовом уровне целью адресанта может быть модификация фрагментов знания аудитории, а на уровнях более высокого порядка – на нейтрализацию эффекта воздействия речи оппонента или встраивание новых смыслов на место «ушедших». Стратегия каждого последующего уровня имеет свою собственную цель, но одновременно достигает и целей более низкоуровневых стратегий. При этом все компоненты речевого воздействия реализуются системно, то есть коррелируют между собой.

Таким образом, речевое воздействие представляет собой особый вид стратегической деятельности, направленный на изменение структуры знаний и намерений реципиента и реализующийся через систему коммуникативных стратегий и тактик.

Коммуникативная стратегия введения переговоров в настольной ролевой игре «Dungeons & Dragons»

Речевое взаимодействие в игре «Dungeons & Dragons» организовано вокруг конфликта целей игроков. Коммуникация в рамках данной игры направлена на разрешение этого конфликта на максимально выгодных для каждого игрока условиях. Исследование показало, что одной из самых часто используемых стратегий,

к которой прибегают участники игры в ситуациях коммуникативного конфликта, является стратегия ведения переговоров.

Переговоры – это процесс обсуждения и согласования различных вопросов между двумя или более сторонами с целью достижения взаимовыгодного решения. Используя коммуникативную стратегию ведения переговоров, оратор составляет план по достижению поставленных целей и выполняет последовательность действий, которые приведут к достижению этих целей.

В ходе исследования в рамках стратегии ведения переговоров нами были выделены следующие коммуникативные тактики:

- 1) тактика давления;
- 2) тактика торга;
- 3) тактика обмана;
- 4) тактика спора.

Тактика давления является одной из самых жёстких и характеризуется предъявлением ультиматума в самом начале переговоров. Ультиматум представляет собой жесткие требования, выдвигаемые одной стороной конфликта против другой, с последующей угрозой применения определённых действий в случае несогласия. Целью данной тактики является убедить противника, что у него нет другого выхода, кроме как выполнить требования.

Рассмотрим функционирование данной тактики на следующем примере:

*Travis: "Look, **we can work on you one limb at a time, or you can be very truthful and my friend can end it all very, very quickly.**"*

Matt: "What do you want?"

*Liam: "There's no question, this is a bad situation you're in right now. We're not looking for you at all. I'm happy to knock you out and leave you in a closet here and lock it. If you want to help me find the Briarwoods, **I really want to know where the Briarwoods are. Not you. Just the people you work for.**" [15]*

Данный пример иллюстрирует попытку получения информации от противника (*I really want to know where the Briarwoods are*) путём предъявления ему ультиматума, маркируемого противительным союзом *or*. Угроза *we can work on you one limb at a time* заставляет противника почувствовать опасность и выполнить требование.

Приведём следующий пример, иллюстрирующий данную тактику:

*Liam: "Is there anything else you can tell me in regards to back doors or secrets that your bosses don't want us to know? **I mean, really, this is the time to talk, right now.**"*

Travis: "Anything you use to identify each other?" [15]

В данном примере участники стремятся получить больше информации о противостоящей стороне. Эффект давления на реципиента усиливается за счёт ограничения оппонента во времени (*this is the time to talk*) и маркера усиления (*right now*).

Тактика торга направлена на то, чтобы преодолеть разногласия и добиться обеспечения взаимовыгодной сделки для всех сторон. Ключевым моментом в тактике торга является идея «выигрыш-выигрыш». Её цель – нахождение решения, которое удовлетворит обе стороны, а не попытка «победить» противника, забрав у него как можно больше. То есть тактика торга репрезентирует кооперативное, а не конфронтационное взаимодействие.

Sam: "Yeah, let's do it. I'll give you the ruby for the potion."

Matt: "Very well."

*Sam: "But I **would love** a hefty amount of a potion. Not a single use, but multiple use."*

*Matt: "Oh. I **can provide** for this fantastic specimen, a three-use potion? Is that within your realm of possibility?"*

Sam: "That would be lovely, thank you, Gilmore." [16]

Участники достигают согласия, удовлетворяющего обе стороны: обмен драгоценного камня на зелье с несколькими зарядами применения. При этом кооперативность прослеживается и на уровне лексики: обилие модальных глаголов смягчает иллокутивную силу высказываний, позволяя ораторам выражаться осторожно и уважительно по отношению друг к другу. Конструкция с модальным глаголом *would love* помогает точно обозначить предмет сделки, а модальный глагол *can* указывает на осуществимость выполнения сделки.

Целью **тактики обмана** является распространение ложной или вводящей в заблуждение информации для получения преимущества. Тактика может включать в себя прямые ложные заявления, утаивание информации, представление сомнительных доводов или искажение фактов.

В примере ниже игроки ушли на ночную вылазку в город, чтобы разведать новую для них территорию:

Liam: "Yeah, we'll pretend to take a stroll."

Но неожиданно их остановила стража:

Matt: "Hail! Hail!"

Laura: "Oh my! Yes? (giggles)"

Matt: "You foreigners are wandering too far in districts you don't belong to. What's your business?"

*Laura: "Oh I'm **so** sorry, I was just so amazed by the architecture here. I wanted to see the **beautiful** sculpture."*

*Liam: "We **definitely** are visitors here, sir, no one has explained the rules to your city. We were just taking in the **fantastic** architecture and history of Kraghammer."*

*Laura: "We were told there was a **beautiful** sculpture down the street of the ruler of Kraghammer?" [17]*

Игроками используется тактика обмана для того, чтобы расположить к себе коммуниканта и получить больше информации о персонаже и городе, в котором они находятся. Наречие *definitely* помогает создать ложное впечатление. Частица *so*, прилагательные *beautiful*, *fantastic* добавляют эмоциональности речи игроков, а обилие деталей и частая смена тем отвлекает внимание реципиента, позволяя игрокам «выкрутиться» из проблемной ситуации.

Под **тактикой спора** подразумевается противоречие, столкновение взглядов, которые мешают конфликтующим сторонам достичь соглашения. В отличие от торга, спор представляет собой конфронтационное взаимодействие, не направленное на достижение взаимной выгоды.

Характерная особенность спора – наличие нескольких альтернативных вариантов действий, из которых выбрать нужно только один, например:

Marisha: "Why not? We are the most capable people in this town right now."

*Laura: "Well. We **could go fight** zombie giants and then **tell** everybody to wait."*

Travis: "Nah, it's going to fuck us. We've got to rest."

*Marisha: "**Why don't we** take a short rest, heal up a bit, get back out there, take down some giants. What do you guys say?"*

*Sam: "I admire this fire in your eyes, **but** it's so stupid." [15]*

В данном контексте игрокам нужно принять решение, чтобы продвинуть сюжет истории: отдохнуть и восстановить силы или идти сражаться. С помощью модального глагола *could* игрок создаёт гипотетическую ситуацию и предлагает план действий для того, чтобы продолжить историю. Конструкция *Why don't we* предлагает выполнить другое действие. Противительный союз *but* выражает несогласие и абсурдность мысли. Заметим, что спор представляет собой ситуацию прямого вербального конфликта, а потому его участники склонны использовать грубую (а порой и ненормативную) лексику для укрепления собственного имиджа и устрашения оппонента.

Заключение

Таким образом, игры являются неотъемлемой частью развития коммуникативного взаимодействия у людей с самого детства, и настольные ролевые игры не исключение. В них человек играет роль определённого героя и действует в соответствии с его убеждениями и стремлениями. Взаимодействие людей внутри игровых контекстов расширяет возможности как применения, так и изучения речевого воздействия.

Переговоры особенно важны в достижении успеха и соглашения в конфликтных игровых ситуациях. Коммуникативная стратегия ведения переговоров имеет своей целью достижение взаимовыгодного решения. Взаимодействие игроков в ходе переговоров может быть как кооперативным, так и конфронтационным: попытки договориться могут заканчиваться спором, а неудачи агрессивных речевых ходов вынуждают участников к поиску мирных вариантов разрешения конфликтов.

Для достижения намеченных целей важно подобрать правильную коммуникативную тактику, которая представляет собой последовательность конкретных речевых действий. Наше исследование показало, что стратегия переговоров реализуется прежде всего в тактиках давления, торга, обмана и спора. Речевое воплощение тактик крайне разнообразно, поскольку маркеры тактик проявляются не только на лексико-грамматическом уровне, так и на уровне высказывания, сверхфразового единства и текста.

Список литературы

1. Хёйзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. 464 с.
2. Шмаков С. А. Игры учащихся – феномен культуры. М. : Новая школа, 1994. 240 с.
3. Алексеева А. З., Соломонова Г. С., Аетдинова Р. Р. Геймификация в образовании // Педагогика. Психология. Философия. 2021. №4 (24). С. 5-10.
4. Панина Е. Ю., Булкина М. В. Геймификация в обучении лексической стороне английской речи младших школьников // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2022. №18. С. 264-270.
5. Хамраходжаева С., Нарбекова З., Режапова Н. Использование разнообразных игр при обучении иностранному языку в университете // ОИИ. 2021. №2/S. С. 543-548.
6. Dungeons and Dragons. Книга игрока. 5-е издание. URL: <https://dungeonsanddragons.ru/bookfull/5ed/5e%20Players%20Handbook%20-%20%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0%20%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%BA%D0%B0%20RUS.pdf> (дата обращения: 07.05.2023)
7. Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Воронеж: «Истоки», 2012. 178 с.
8. Леонтьев А. А. Психология общения. М. : Смысл, 1997. 365с.

9. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 288с.
10. Гурочкина, А. Г. Скрытые формы речевого воздействия в не прямой коммуникации // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2019. №192. С. 46-52.
11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30732> (дата обращения: 25.04.23).
12. Рябова М. Ю. Русофобия как коммуникативная стратегия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. №11. С. 3615-3620.
13. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России. Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Саратов, 2005. 48 с.
14. Иванова Ю. М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов. Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 138 с.
15. Gunpowder Plot: Part 1 | Critical Role: VOX MACHINA | Episode 31. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=CVSgD1iB1G0&list=PL1tiwbzkOjQz7D0I_eLJGAISVtcL7oRu_&index=31 (дата обращения: 25.04.2023).
16. Skyward | Critical Role: VOX MACHINA | Episode 15. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=_dIBh0dGhzI&list=PL1tiwbzkOjQz7D0I_eLJGAISVtcL7oRu_&index=15 (дата обращения: 07.05.2023).
17. Arrival at Kraghammer | Critical Role: VOX MACHINA | Episode 1. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=i-p9IWIhclQ&list=PL1tiwbzkOjQz7D0I_eLJGAISVtcL7oRu_&index=1 (дата обращения: 08.05.2023).

УДК 81-22

Хрисонопуло Е.Ю., Маричева А.А. Семантика английского вводного *there* и достижение эквивалентности в англо-русском переводе бытийного предложения

Хрисонопуло Екатерина Юрьевна

канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики
Санкт-Петербургский государственный институт культуры, РФ, г. Санкт-Петербург
katherine0824@gmail.com

Маричева Александра Андреевна

выпускник кафедры иностранных языков и лингвистики
Санкт-Петербургский государственный институт культуры, РФ, г. Санкт-Петербург
maricheva.asya@mail.ru

The semantics of English anticipatory *there* and establishing equivalence in the English-Russian translation of existential sentences

Khristonopulo Ekaterina Yurievna

Cand. Sci. (Philology), assistant professor of Foreign languages and linguistics department
Saint-Petersburg State University of Culture
Russia, Saint-Petersburg

Maricheva Aleksandra Andreyevna

graduate student of Foreign languages and linguistics department
Saint-Petersburg State University of Culture, Russia, Saint-Petersburg

Аннотация. В работе анализируются особенности англо-русского перевода бытийных предложений с вводным элементом *there* в тексте сказки. Материалом для исследования послужил русский перевод цикла произведений Р. Киплинга "Вот так сказки" ("Just So Stories"), выполненный К.И. Чуковским. Сопоставительный анализ английских бытийных предложений и их переводов на русский язык свидетельствует в пользу того, что в переводных конструкциях отражается семантика не только знаменательных слов исходных структур, но и вводного элемента *there*. При этом эквивалентность в переводе достигается в силу наличия у вводного *there* указания на концептуальную структуру "пространство актуальной ситуации".

Ключевые слова: бытийное предложение, вводное *there*, семантика, переводческая эквивалентность, переводческая трансформация

Abstract. The paper analyzes some aspects of translating English existential sentences with anticipatory *there* into Russian in the text of a tale. The proposed analysis focuses on K.I. Chukovsky's translation of a series of tales included in the collection "Just So Stories" by R. Kipling. As evidenced by the conducted comparative analysis of English existential sentences and their Russian translations, the latter reflect not only the semantics of notional words from the source sentences, but the meaning of anticipatory *there* as well. It is shown that equivalence in translation is reached by rendering the aspects of the conceptual structure "relevant situation space" that is indicated by English anticipatory *there*.

Key words: existential sentence, anticipatory *there*, semantics, translation equivalence, transformation

Одной из основных особенностей английского бытийного предложения является наличие в его составе вводного элемента *there*, который включается в схематичное представление модели английской бытийной конструкции [1]), но который в большинстве случаев не получает однозначного семантического толкования. Традиционно принято считать, что вводное *there* лишено какого-либо понятийного содержания и выполняет лишь собственно структурную функцию или “заполняет позицию” в предложении, когда “смысловое подлежащее” необходимо поместить в позицию ремы и, соответственно, коммуникативно выделить [2, с. 243; 3, с. 122; 4, с. 61; 5, с. 123; 6, с. 475; 7, с. 360]. Вместе с тем, отнесенность *there* к разряду служебных слов не исключает наличия у него значения, но это значение носит особый характер, поскольку, как отмечает М.Я. Блох [8, с. 110], “синтаксическая характеристика для многих служебных слов ... фактически исчерпывает их содержательную сторону: функционально-синтаксическое содержание заполняет весь объем их семантемы”.

Несколько иной подход к семантике служебных слов в целом и вводного *there* в частности предлагается в когнитивной лингвистике, в центре внимания которой находится именно значение языковых единиц независимо от принадлежности последних к уровню лексики либо грамматики [9, с. 36 – 37]. Например, в когнитивной грамматике английского языка [10, с. 242] отмечается, что вводный элемент *there* обладает высокой коммуникативной значимостью: “...это маркер, сигнализирующий о последующей информации, причем информации не об отдельном члене предложения, а в целом о наличии или констатации ситуации, обстоятельств, существования чего-либо, присутствия, свершения чего-либо”. Аналогичным образом в работе американского когнитивиста Р. Лэнекера [11, с. 347] “безличное” *there* характеризуется как единица, которая задает “абстрактный сеттинг” (abstract setting, букв. “абстрактная область, обстановка”), понимаемый как “абстрактный фрейм презентации” (abstract presentational frame). Назначение фреймов подобного рода, по мнению автора, состоит в том, чтобы “объявить о намерении впоследствии что-либо в них включить”. Опора на данную интерпретацию вводного *there* при анализе текстового материала в работе [12, с. 154 – 155] дает основание автору исследования сделать вывод о том, что структурный элемент указывает на “сеттинг” в качестве своего рода “точки доступа” к описываемой ситуации.

Попытка определить собственно содержательный аспект вводного *there* делается в работе В.И. Хайруллина [13, с. 71], где автор отмечает, что этот элемент указывает на “некое пространство, в котором могут пребывать как материальные объекты, так и абстрактные понятия, это “общее” пространство, которое может вмещать в себя как незначительные по размеру предметы, так и грандиозные образования”. С точкой зрения В.И. Хайруллина согласуется и недавнее исследование [14], в котором показано, что вводное *there* функционирует как номинативная единица, которая указывает на область опыта личностного субъекта и семантика которой опирается на концептуальную структуру “пространство текущей ситуации”.

Два упомянутых подхода к семантике вводного *there* в бытийном предложении - как к значению, имеющему внутрилингвистический характер, либо как к содержанию, связанному с той или иной концептуальной структурой, - предопределяют и трактовку данного структурного элемента в переводческом аспекте. В первом случае в англо-русском переводе вполне обоснованным будет выбор имеющихся в языке перевода структурных средств, которые компенсируют отсутствие аналогичного вводному *there* элемента (на материале другого языкового материала см. работу Л.С. Бархударова [15, с. 133 – 142]). Наиболее распространенным методом перевода является структурная перестройка английского предложения, сопровождаемая опущением “нереферентного” вводного *there*, ср.: ***There will be no consideration of the structure itself.*** – *Сама структура рассматриваться не будет* [16, с. 31]. Вместе с тем, как показано в работе [17, с. 63], отношение эквивалентности можно наблюдать на уровне слова между вводным *there*, с одной стороны, и наречием *thus* в русском языке, с другой: “*Как бы мне хотелось его видеть!* – сказала лиза со вздохом. – *Да что же **thus** мудреного?*”. – “*How I should like to see him!* – *Liza said with a sigh.* – *Well, what is **there** to hinder you from doing so?*”.

Следует отметить, что понятие эквивалентности в отечественном переводоведении рассматривается в работах В.Н. Комиссарова [18], А.Д. Швейцера [19] и многих других исследователей (см. подробный обзор в статье В.И. Фролова [20]). При всем разнообразии имеющихся подходов к проблематике эквивалентности все авторы подчеркивают ее многоуровневый и многоаспектный характер, который охватывает семантику, прагматику и структуру языковых единиц и выражений, функционирующих в текстах определенных жанров и стилей.

В настоящей статье ставится цель выявить, каким образом передача семантики вводного *there* связана с достижением эквивалентности при переводе английских бытийных предложений на русский язык. При этом мы исходим из допущения, что,

как уже упоминалось выше, за вводным *there* стоит определенная содержательная структура. Другим исходным моментом для последующего исследования служит тезис о том, что эквивалентность как основная характеристика перевода может быть констатирована только в рамках того или иного текста. Материалом для анализа языкового материала послужил англо-русский перевод сказок Р. Киплинга из сборника “Just So Stories” [21], выполненный К.И. Чуковским [22]. В переводном издании представлено восемь сказок из двенадцати, включенных в оригинальный сборник Р. Киплинга. В переводе К.И. Чуковского в книге содержатся следующие сказки: “Откуда у Кита такая глотка” (“How the Whale got his Throat”), “Отчего у Верблюда горб” (“How the Camel got his Hump”), “Откуда у Носорога шкура” (“How the Rhinoceros got his Skin”), “Слонёнок” (“The Elephant's Child”), “Откуда взялись Броненосцы” (“The Beginning of the Armadillos”), “Как было написано первое письмо” (“How the First Letter was Written”), “Кошка, гулявшая сама по себе” (“The Cat that Walked by Himself”), “Мотылёк, который топнул ногой” (“The Butterfly that Stamped”).

В целом, во всех переведенных сказках насчитывается 24 случая употребления бытийных предложений с вводным *there*. При этом данные предложения используются не только в зачине сказки, как в следующем примере: *Once upon a most early time there was a Neolithic man*. В ряде случаев бытийные конструкции используются также при изложении достаточно динамичных явлений, как, например, раскаты грома: *The Djinn jerked the Palace and the gardens a thousand miles into the air: there was a most awful thunder-clap, and everything grew inky black*. Бытийные предложения с вводным *there* встречаются нередко в речи персонажей: *“There's your big black spear at home,” said Taffy*. На первый взгляд, перевод всех приведенных предложений на русский язык осуществляется при опоре на контекст их употребления, а также с учетом семантики употребляемых в предложениях знаменательных слов. Так, бытийное предложение из зачина сказки переводится при использовании традиционного для данного жанра выражения “жил да был”: *Давным-давно, еще в Каменном веке, жил да был один человек*. Конструкция, в которой описывается звук грома (*there was a most awful thunder-clap*), в переводе включает конкретный глагол восприятия: *Послышался страшный гром*. В свою очередь, перевод приведенного выше высказывания из речи персонажа (*There's your... spear at home*), на первый взгляд, связан с передачей только его общей бытийной семантики: *У тебя же есть другое копьё*.

В дальнейшей части нашего исследования будет показано, что различные способы перевода английских бытийных предложений на русский язык зависят не

только от общего значения глагольной предикации, функционирующей в том или ином типе контекста, но и от семантики вводного элемента *there*. Сама по себе трактовка структурного элемента как единицы, обладающей семантикой, которая тем или иным способом передается в двуязычном переводе, обладает новизной и перспективностью с точки зрения разработки новых подходов к анализу значения служебного слова. В качестве основного метода исследования будет использоваться сопоставительный анализ бытийных предложений в оригинале и в переводе с опорой на контекст.

В имеющемся в нашем распоряжении корпусе примеров можно выделить 20 случаев использования бытийных предложений, в которых семантика вводного *there* находит отражение в переводе. В первую очередь, обращают на себя внимание те высказывания, в которых встречаются слова и выражения, выступающие в качестве непосредственных русских эквивалентов английского вводного элемента. К таким языковым единицам относятся, в частности, *тут*, *на земле* и *на свете*. Как и вводное *there*, данные выражения передают адвербиальную пространственную семантику. Обратимся к конкретным примерам.

В приводимом фрагменте диалога *there* указывает на некое пространство, которое известно автору ответной реплики: *Where are the bad people who speared you, my darling?* said Teshumai Tewindrow. *There weren't any,* said Tegumai. В переводе это отражается при употреблении разговорного наречия *тут*: *Дорогой мой, а где же злодеи, что проткнули тебя острыми копьями? — спросила Тешумай. — Никаких тут не было злодеев! — отвечал Тегумай.* Отметим, что в данном случае не наблюдается существенных функциональных различий между *there* и *тут*. Оба дейктика указывают на известное говорящему пространство. Различия между оригиналом и переводом носят лишь стилистический характер. В то время как в английском оригинале вводный элемент является стилистически нейтральным, употребление наречия *тут*, сопровождаемое его постановкой после отрицания, придают всему высказыванию разговорно-экспрессивный характер.

Достаточно высокая степень функционального сходства между вводным *there* и его русским эквивалентом наблюдается также в следующем примере: ***There are three hundred and fifty-five stories about Suleiman-bin-Daoud; but this is not one of them.*** – ***На свете существует триста пятьдесят сказок о Сулеймане-ибн-Дауде; но эта сказка не из их числа.*** Как видно из примера, в качестве непосредственного переводческого соответствия вводного *there* выступает предложное сочетание *на свете*, которое передает смысл “в мире, во всех проявлениях земной жизни”.

Очевидно, этот тот мир, который осмысляется говорящим как известный адресату из жизненного опыта. Аналогичным образом можно трактовать соответствие *there* – на земле в следующем фрагменте диалога: *She is the most beautifullest Mummy **there** ever was, but she won't be fended when she sees I've drawn her so plain.* – Она красивее всех мам, какие только есть **на земле**, но она не обидится, что я нарисовала её такой некрасивой.

Несмотря на некоторые расхождения между вводным *there* и словами и выражениями с пространственной семантикой (*тут, на свете, на земле*), во всех упомянутых трех случаях перевода можно с большой долей вероятности говорить о достижении эквивалентности на структурном уровне, хотя и о неполной эквивалентности на уровне целей коммуникации. Стилистически окрашенные разговорные высказывания текста перевода звучат несколько более экспрессивно чем соответствующие им бытийные структуры с вводным *there*. Вместе с тем, упомянутые англо-русские эквиваленты объединяет не только наличие функционально близких языковых единиц, но и указание на присутствие в описываемой ситуации субъекта-лица - либо говорящего, либо любого другого лица (в том числе персонажа), с точки зрения которого эта ситуация описывается.

Русские пространственные выражения аналогично английскому вводному *there* указывают на пространство ситуации, которое значимо для личностного субъекта, от имени которого производится высказывание. Соответственно, это пространство можно обозначить как **пространство актуальной ситуации**. Это уточняет упомянутое ранее понятие “пространство текущей ситуации”, подчеркивая субъективную окрашенность той пространственной области, которая выражается в переводе при использовании вводного *there*. Актуальная ситуация является таковой именно с точки зрения личностного субъекта, который в ней либо присутствует, либо указывает на нее как на значимый фрагмент опыта.

Помимо рассмотренных выше языковых единиц с преимущественно пространственной семантикой в тексте перевода используются другие субъективно окрашенные языковые единицы, которые также имеют в качестве эквивалента вводное *there*. В этой связи необходимо отметить, что начальная позиция вводного *there* в структуре повествовательного предложения позволяет выделять последующие слова в бытийном высказывании. В связи с этим даже нейтральные языковые единицы в высказывании получают дополнительную эмфазу. Ср: *In those days the Rhinoceros's skin fitted him quite tight. **There** were no wrinkles in it anywhere.* В приведенном примере коммуникативно выделенным является слово *wrinkles*. В

русском переводе коммуникативное выделение эквивалента этого слова происходит за счет использования словообразовательного элемента: *В те времена Носороги носили шкуру в обтяжку, без единой складочки*. Перевод существительного *wrinkle* как *складочка* привлекает внимание к референту этого слова, а также подчеркивает присутствие в описываемой ситуации говорящего. Между вводным *there* и производным с суффиксом *-очк* нет непосредственного структурного либо содержательного соответствия. Вместе с тем, и вводный элемент, и уменьшительный суффикс указывают на присутствие в ситуации личностного субъекта, для которого эта ситуация (описываемая в высказывании в целом) и ее пространство (на которое указывает вводное *there*) являются актуальными. Во многом аналогичной проанализированной является следующая пара соответствий: *One evening Bat said, 'There is a Baby in the Cave. He is new and pink and fat and small, and the Woman is very fond of him.* – *Как-то вечером прилетает она [Летучая Мышь] к Кошке и говорит: – А в Пещере – Младенчик! Он совсем, совсем новенький. Такой розовый, толстый и крошечный. И он очень нравится Женщине.* В высказывании Летучей Мыши конструкция с вводным элементом коммуникативно выделяет подлежащее *Baby / Младенчик* и передает эмоцию удивления персонажа. В переводе используется эллиптическая конструкция с противительным союзом “а” в начале предложения, выделяющая два важных смысловых элемента предложения – подлежащее *Младенчик* и обстоятельство места в *Пещере*. В данном примере, как и в предшествующем, также используется уменьшительно-ласкательный суффикс *-чик*, характерный для разговорного стиля, и усилительное указательное местоимение *такой* перед прилагательными, описывающими ребенка.

Можно сказать, что в обоих приведенных примерах для достижения эквивалентности используется компенсация, благодаря которой передается функция вводного элемента *there*, указывающего на говорящего и на его отношение к актуальной ситуации.

Следующая группа примеров перевода английских бытийных предложений отличается использованием эмоционально-усилительных частиц типа *уже, же*. Несмотря на то, что в исходных английских предложениях нет единиц, показывающих эмоциональную вовлеченность персонажей, употребление данных частиц в переводных предложениях наряду с выполнением структурной функции способствует указанию на актуальное для говорящего пространство ситуации. Обратимся к двум примерам: *That very next morning, when there was nothing left of the Equinoxes, because the Precession had preceded according to precedent, this 'satiabile*

Elephant's Child took a hundred pounds of bananas (the little short red kind), and a hundred pounds of sugar-cane. – На следующее утро, когда от равноденствия уже ничего не осталось, этот любопытный Слонёнок набрал бананов – целых сто фунтов! – и сахарного тростнику; 'There's your big black spear at home,' said Taffy. 'Let me run back to the Cave and ask Mummy to give it me'. – У тебя же есть другое копьё! – сказала Таффи. – Такое большое и чёрное. Хочешь, я сбегаю в пещеру и попрошу его у мамы? По поводу приведенных примеров следует отметить, что русские частицы *уже, же* не отличаются полной идентичностью вводному *there*, что можно объяснить разной ролью в структуре предложения. Так, например, отсутствие этих эмоционально-усилительных частиц в предложении не нарушит его логику и структуру, в то время как отсутствие вводного элемента *there* приведет к подобным нарушениям. Однако данные эмоционально-усилительные частицы являются важным элементом в указании на присутствие личностного субъекта в ситуации и его отношение к ней.

Таким образом, при переводе английских бытийных предложения в определенных контекстах уместен прием компенсации, который подразумевает использование разговорных суффиксов либо эмоционально-усилительных частиц. В результате вводная часть английского бытийного предложения приобретает не только свойственный высказываниям персонажей и рассказчика разговорный стиль, но и особый акцент на пространстве ситуации с точки зрения говорящего.

Как было отмечено ранее, вводный элемент *there* в английском бытийном предложении всегда указывает на актуальное, а следовательно, и на конкретное пространство. В ряде случаев в русском переводе мы можем наблюдать использование конкретного эквивалента сочетающегося с *there* глагола *be*. В том случае, когда переводчик учитывает импликацию вводным *there* личностного субъекта, он использует прием конкретизации.

Английский глагол *to be* обладает обобщённым значением “быть, являться”, однако использование данных глаголов в тексте русского перевода не всегда уместно и логично, и иногда приводит к определенной скованности и неестественности высказывания. Подобный аспект в особенности важно учитывать в контексте перевода высказываний персонажа, которые выступают элементом его характеристики. В бытийных предложениях, служащих вступительной частью повествования, часто наблюдается использование устойчивого и характерного для русских сказок выражения “жил-был”, которое, как правило, вводит главного героя сказки и настраивает читателя на тему повествования: *IN the sea, once upon a time, O*

my Best Beloved, **there was** a Whale, and he ate fishes. – Это было давно, мой милый мальчик. **Жил-был** Кит. Он плавал по морю ел рыбу.

Помимо глагола *жить*, обладающего более конкретным значением по сравнению с английским бытийным глаголом *be*, в переводе могут использоваться и стилистически окрашенные глаголы. В русском языке выбор глагола-сказуемого во многом определяется подлежащим и его структурной и семантической сочетаемостью с другими глаголами. В следующем предложении глагол *уцелела*, относящийся к подлежащему *Рыбка*, не только указывает на пространство актуальной ситуации, но и содержит экспрессивный компонент, который вовлекает читателя в повествование рассказчика: *Till at last **there was** only one small fish left in all the sea, and he was a small 'Stute Fish, and he swam a little behind the Whale's right ear, so as to be out of harm's way.* – Так что в конце концов во всём море **уцелела** одна только Рыбка, да и та Малютка-Колюшка. Это была хитрая Рыбка. Она плавала рядом с Китом, у самого его правого уха, чуть-чуть позади чтобы он не мог её глотнуть. В другом примере мы можем наблюдать употребление глагола *came* после вводного элемента *there*. Данный глагол передает направление движения персонажа. Эквивалентный глагол *мчался* в русском переводе не только передает семантику глагола в исходной конструкции, но и сохраняет эмфазу, наряду с указанием на рассказчика, ведущего эмоциональное повествование: *Presently **there came** along the Djinn in charge of All Deserts, rolling in a cloud of dust (Djinns always travel that way because it is Magic), and he stopped to palaver and pow-pow with the Three.* – Мимо по дороге **мчался** в туче пыли Джинн, Владыка Всех Пустынь. (Джинны всегда путешествуют так, потому что они чародеи.) Он остановился поболтать с Конём, Псом и Быком.

Некоторые глаголы-эквиваленты ассоциативно связаны со словом в позиции подлежащего и обуславливаются им. Так, в русском языке распространено употребление глагола “наступила” в контексте погодных явлений, глаголов “послышался” или “раздался” в контексте звуков, шума и т.п. Сказанное иллюстрируют приводимые ниже пары анло-русских соответствий: *Because, five weeks later, **there was** a heat wave in the Red Sea, and everybody took off all the clothes they had.* – Потому что прошло пять недель, и в Красном море **наступила** жара, и каждый стал сбрасывать с себя всю одежду; *The Djinns jerked the Palace and the gardens a thousand miles into the air: **there was** a most awful thunder-clap, and everything grew inky-black.* – Джинны подхватили дворец и сады и унесли их по воздуху за тысячу миль. **Послышался** страшный гром, и небо стало чернее чернил.

На основе проведенного сопоставительного анализа перевода бытийных предложений с вводным *there* на русский язык, можно сделать вывод о том, что определяющим критерием в выборе эквивалента данному элементу является не только структурные особенности английского бытийного предложения, но и соотнесение с концептуальной структурой “пространство актуальной ситуации”. Последнее, в свою очередь, содержит указание на субъект ситуации и его отношение к ней. В результате этого эквивалентное высказывание создается при помощи различных переводческих трансформаций, среди которых наиболее частотными являются приемы компенсации и конкретизации.

Список литературы

1. Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика: Опыт описания / Отв. ред. В.Н. Ярцева. Изд. 3-е. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 152 с.
2. Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 348 с.
3. Вавилова К.Ю. Основы теории английского языка. Теоретическая грамматика: учебное пособие. – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2019. – 147 с.
4. Горохова Ю.В. Теоретическая грамматика современного английского языка = Theoretical grammar of modern English: Учеб.-метод. пособие. – Тула: Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2021. – 75 с.
5. Depraetere I. and Langford C. Advanced English grammar. A linguistic approach. – London; New York: Bloomsbury Academic, 2020. – xxii, 373 p.
6. Kalténböck G. Information structure // The Oxford handbook of English grammar / Ed. by B. Aarts and J. Bowie. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – P. 461 – 482.
7. Huddleston R., Pullum J.K. and Reynolds B. A student's introduction to English grammar. 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – xix, 375 p.
8. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. 5-е изд., испр. и доп. – Дубна: Феникс+, 2016. – 248 с.
9. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. – 391 с.
10. Кобрин Н.А., Болдырев Н.Н., Худяков А.А. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 2007. – 368 с.
11. Langacker R.W. Grammar and conceptualization. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. – 427 p.
12. Hamawand Z. English stylistics: a cognitive grammar approach. – Switzerland: Palgrave Macmillan Cham, 2023. – xv, 178 p.
13. Хайруллин В.И. Перевод и фреймы. Изд. стереотип. – М.: Либроком, 2017. – 144 с.
14. Хрисонопуло Е.Ю. Номинативный аспект дифференцированного употребления английских высказываний с вводным 'there' и личным подлежащим в художественном тексте // Когнитивные исследования языка. Вып. № 2 (53): Познание в языке и дискурсе: субъективное видение объективных миров: материалы Круглого стола по когнитивной лингвистике. Московский государственный лингвистический университет. 8 ноября 2022 г. / Гл. ред. вып. О.К. Ирисханова. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. – С. 140 – 147.

15. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. Изд. стереотип. – М.: Ленанд, 2019. – 240 с.
16. Дедюхина А.С. Теория грамматики в переводческом освещении: учебно-методическое пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 111 с.
17. Хрисонопуло Е.Ю. Когнитивно-дискурсивные аспекты использования бытийных предложений в переводах прозы А.С. Пушкина на английский язык // Пушкинские чтения – 2019. Художественные стратегии классической и новой словесности / Отв. ред. Т.В. Мальцева. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. – С. 53 – 64.
18. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. 3-е изд., стереотип. – М.: УРСС, 2009. – 170 с.
19. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Либроком, 2009. – 216 с.
20. Фролов В.И. Эквивалентность как психологическое качество перевода // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 4 (820). – С. 269 – 276.

Список источников

21. Kipling R. Just so stories. – Garden City, NewYork: Doubleday & Co., Inc., 1912. – 296 p.
22. Киплинг Р. Сказки. Пер. с англ. К. Чуковского. Стихи в пер. С. Маршака; Рис. В. Дувидова. – М.: Детская литература, 1975. – 143 с.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81

Васильченко Е.Е. Речевой акт возражения и его иллокутивные типы в конфликтном диалоге (на материале сериала «Джинни и Джорджия»)

Васильченко Елизавета Евгеньевна

студент специалитета, Челябинский государственный университет, РФ, г. Челябинск
elizavetavasilcenko8@gmail.com

The speech act of objection and its illocutionary types in conflict dialog (on the example of the series "Ginny and Georgia")

Vasilchenko Elizaveta Evgenievna

undergraduate student, Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk

Аннотация. В статье рассматривается конфликтный диалог как особый вид диалогического общения. Предлагаются определения конфликтного диалога и конфликтного дискурса, принятые в лингвистике. Автор рассматривает классификацию речевых актов по Джону Серлю. Приводится общепринятая классификация в рамках теории речевых актов. Выделен прагматический статус возражения. В качестве исследовательской задачи автором была определена попытка рассмотреть иллокутивные типы речевого акта возражения в англоязычном конфликтном диалоге. В ходе исследования автор приходит к выводу о форме реализации иллокутивных типов возражения в англоязычном конфликтном диалоге и определяет особенности каждого иллокутивного варианта.

Ключевые слова: диалогическая лингвистика, конфликтный диалог, конфликтный дискурс, теория речевых актов, возражение, речевой акт возражения, иллокутивные типы

Abstract. The article examines conflict dialogue as a form of communication. The definitions of a conflict dialogue and conflict discourse accepted in linguistics are proposed. The author considers the classification of speech acts according to John Searle. The generally accepted classification within the theory of speech acts is given. The pragmatic status of objection is considered. The research aims at attempting the illocutionary types of the speech act of objection in English conflict dialogue. In the course of research, the author concludes on the form of implementation of illocutionary types of the speech act of objection and determines the key features of each illocutionary type.

Keywords: dialogic linguistics, conflict dialogue, conflict discourse, speech act theory, objection, speech act of objection, illocutionary types

В современной лингвистике внимание исследователей все больше привлекают проблемы межличностной коммуникации, речевой деятельности, прагматический аспект языка. Ведутся исследования в области теории речевых актов. Рассмотрение и анализ речевых актов необходимы для изучения процессов общения. Кроме того, в круг объектов, рассматриваемых лингвистами, входит ряд экстралингвистических

факторов, таких, как ситуация общения и сами собеседники-индивиды с их целями, мотивами общения и картиной мира.

Каждый человек, вступая в диалог, должен стремиться к эффективной коммуникации. Изучение конфликтного диалога и возражения помогает понять то, какими языковыми средствами пользуются говорящие для передачи своей позиции по тому или иному вопросу, выявить влияние этих средств на ход диалогического общения и определить возможные способы эффективного разрешения коммуникативного конфликта.

Объектом исследования в данной работе является речевой акт возражения в англоязычном конфликтном диалоге. В качестве предмета рассматриваются иллокутивные типы речевого акта возражения в англоязычном конфликтном диалоге.

Ключевым определением для конфликтного диалога как разновидности диалога выступает конфликтная ситуация. И.И. Гулакова считает, что конфликтная ситуация – ситуация, в которой происходит коммуникативный конфликт (столкновение участников конфликта по поводу несоответствия целей, интересов, взглядов, в результате которого одна из сторон сознательно либо бессознательно действует в ущерб другой (вербально или невербально) [1, с. 3].

Существует ряд причин возникновения коммуникативного конфликта, среди которых: негативная ситуация и обстоятельства общения, нарушение процессов понимания, противоположные личностные особенности участников диалога, нарушение принципов общения, несоответствие практических и коммуникативных целей.

В связи с тем, что в поле исследования лингвистической конфликтологии оказываются конфликты, связанные с вербальным компонентом, то лингвистический конфликтоген определяется как «языковые средства, которые создают конфликтную ситуацию и переводят ее в стадию вербализованного противостояния» [2, с. 17].

Ученые разграничивают понятия «конфликтный диалог» и «конфликтный дискурс». Цепь высказываний, обусловленных ситуацией общения во время интервью, спора или дискуссии, называют конфликтным дискурсом [3, с. 93]. Существуют иные определения. В ряде случаев «конфликтный дискурс» понимается как «коммуникативный акт, содержащий амбивалентный характер, взаимодействие людей с различными принципами, доказывающими друг другу свою позицию, расхождение оппонентов в понимании другой точки зрения. В связи с этим возникает антипатия оппонентов, которая приводит к оскорблениям друг друга» [4, с. 128].

Конфликтный дискурс «характеризуется параметрами завершенности, цельности, связности; рассматривается одновременно и как процесс (с учетом воздействия социокультурных, экстралингвистических и коммуникативно-ситуативных факторов), и как результат в виде фиксированного текста» [5, с. 16].

По определению С.А. Симатовой, конфликтный диалог – взаимодействие «со значением конфронтации, т.е. речевая дисгармоничность в общении, возникающая из-за разницы позиций коммуникантов по одному и тому же вопросу» [6, с. 54].

По С.Р. Дадян, конфликтный диалог – прямое столкновение персонажей, их некооперативное взаимодействие. Иными словами, диалог, имеющий значение конфронтации со всеми присущими ей маркерами [7, с. 22].

Конфликт изучается как с лингвистической позиции, так и с литературоведческой точки зрения.

Прежде всего, в лингвистике затрагиваются аспекты конфликтности в единицах языка. Ученые отмечают, что важнейшими условиями развития языка являются противоречивость, конфликтность, парадоксальность. Изучаются слова с конфликтом этимологического и денотативного значения, лексические и фразеологические, системные грамматические и категориальные грамматические противоречия. Конфликт исследуется в диалогах и текстах, отражающих конфликты реальности [8, с. 49-50].

Конфликт занимает особое место в литературоведческой методологии. «В конфликтном диалоге проявляется эмоционально-психологическая и (или) ценностная несовместимость носителей смысла, множественность личностных позиций, несовпадение точек зрения» [9, с. 504]. Конфликт – драматическая основа произведения, движущая сила действия.

В лингвистических исследованиях отражаются внутриличностный и межличностный конфликты, конфликт между человеком и группой, межгрупповой конфликт. Особым видом конфликтного противостояния выступает семейный конфликт. По определению ученых, «семейные конфликты – это противоборство между членами семьи на основе столкновения противоположно направленных мотивов или взглядов» [10, с. 323]. Такие конфликты уникальны, они отличаются особой динамикой, могут иметь тяжелые социальные последствия.

Важную часть конфликтного диалогического общения составляют речевые акты, имплицитные возражения. Выбор языковых средств выражения речевого акта возражения зачастую определяется конфликтной ситуацией, социальными

ролями собеседников, а также их индивидуально-личностными характеристиками, такими, как возраст, самооценка, характер и др.

Согласно классификации Дж. Серля, существуют следующие типы речевых актов: ассертивы, комиссивы, директивы, декларативы и экспрессивы [11, с. 181]. В результате анализа нами было выявлено четыре иллокутивных типа возражения: ассертив, комиссив, директив и экспрессив.

Рассмотрим примеры из сериала «Джинни и Джорджия», в котором противостояние между матерью и дочерью – семейный конфликт – составляет основу повествования.

Возражение посредством ассертива

Ассертив – речевой акт, содержащий в себе некое утверждение. Он служит для эффективного выражения своего мнения и подтверждения истинности высказывания путем убеждения. В ходе конфликта с дочерью по поводу ее общения с опасным молодым человеком Джорджия стремится доказать свою правоту:

Georgia: *Hey! You get back here when I'm talking to you! I don't want you with that guy or on that bike!*

Ginny: *You don't understand.*

Georgia: *Oh, you think I don't understand. I understand. Believe me, mommy understands.*

С целью доказать истинность своего высказывания и эмоционально воздействовать на Джинни Джорджия отрицает слова дочери и прибегает к использованию эпистемического глагола *believe*.

Ассертивные высказывания нередко сопровождаются восклицанием, поскольку они выражают сильные чувства, волнение. Джорджия нападает на дочь с расспросом о парне по имени Маркус, но Джинни уверенно заявляет, что они лишь друзья. Высказывание получается эмоциональным:

Georgia: *What the hell is Marcus Baker doing climbing through your window?*

Ginny: *We're just friends! It's not a big deal.*

Georgia: *Mm-hmm.*

Реактивная реплика Джинни содержит ограничительную частицу *just*, придающую высказыванию большую степень категоричности.

В рамках нашей работы были выявлены главные отличительные черты ассертивного возражения: использование различных средств для усиления категоричности высказывания, большое количество эпистемических глаголов, высокая экспрессивность речи.

Возражение посредством комиссива

Комиссив выражает интенцию говорящего взять на себя определенные обязательства или же убедить собеседника в том, что он не собирается совершать определенное действие. Бывший муж Джорджии вернулся, чтобы отомстить ей. Ночью он нападает на Джорджию. Джинни настаивает, чтобы мама рассказала все Полу (любовник Джорджии), но Джорджия не собирается этого делать и пытается объяснить свою позицию дочери:

Ginny: *I think you should tell Paul.*

Georgia: *No, I'm not doing that.*

Ginny: *Why not? He can help.*

Georgia: *Listen, I hate that you had to see that. That must've been really scary.*

В своем комиссивном высказывании Джорджия прибегает к использованию коммуникатива *no* в связке с отрицательной конструкцией *I'm not doing that*. Для дальнейшего убеждения собеседника используется директивный маркер *Listen*.

Возражение посредством директива

Директивы – речевые акты, используемые говорящим для побуждения слушающего к совершению некоторого поступка. К ним относят приказ, просьбу, мольбу, побуждение. Чаще всего директивные речевые акты представляют собой восклицание в рамках побудительного предложения. Нередки случаи использования неполных эллиптических предложений. Джорджия злится, увидев, что Джинни перебирает вещи в ее ящике. Девочка ищет ответы на интересующие ее вопросы касательно личной жизни мамы и побуждает ее даже не начинать читать нотации о том, что делать можно, а что нет:

Ginny: *I want answers!*

Georgia: *Answers to what?*

Ginny: *All of it! Your past, everything! I'm sick of the lies!*

Georgia: *I don't care what you're sick of. You have no right to go through my stuff.*

Ginny: *Don't talk to me about what is right! What is all this? Why are there guns in the house?*

Директивная реплика Джинни представлена отрицательной формой вспомогательного глагола *do* в связке с основным глаголом *talk* в повелительном наклонении.

Так, директивное возражение получает широкое распространение в рамках конфликтного диалога.

Возражение посредством экспрессива

Экспрессивы выражают определенное психологическое состояние или реакцию собеседника. Иными словами, экспрессивный речевой акт направлен на выражение чувств и эмоций со стороны говорящих.

Джинни разочарована в маме, поскольку та всю жизнь говорила, что у нее больше нет родных, кроме детей. Выясняется, что родители Джорджии не мертвы, как и ее родная сестра. На укоры со стороны Джинни Джорджия отвечает сожалением через такое выражение, как *I'm sorry, I should have told you*:

Ginny: *You said you didn't have any family. You said your parents were dead. You said it was just the three of us.*

Georgia: *I'm sorry. OK, I should have told you.*

Ginny: *You think? Why are they here?*

Далее в сериале Джинни возвращается к теме тайных родственников, поскольку считает, что именно страшные потрясения влияют на поведение ее младшего брата в школе. Джорджия объясняет, что эти внезапно появившиеся в доме родственники опасны и не заслуживают доверия. Джинни же саркастично «просит» Джорджию научить ее разбираться в том, кому можно доверять:

Ginny: *He needs to see someone, Mom! Clearly, he's not handling things well with your whole secret family surprise.*

Georgia: *I didn't tell you about them for good reason. Maddie is trouble! You can't trust anything she says.*

Ginny: *Oh, that's rich. Please, lecture me more about who I can trust. I'm rapt.*

В приведенном примере выражение *please* используется в переносном значении в качестве сарказма. Так Джинни выражает раздражение и неприязнь.

Для передачи экспрессивного возражения зачастую используются вспомогательные средства, а именно – дискурсивные маркеры *sorry, please, you're welcome, thank you* и др. Они передают внутренние состояния определенного типа – чувства, эмоции, мнения. Кроме того, экспрессивы могут быть выражены восклицательными предложениями.

Применив метод количественной обработки данных, мы выявили, что директив как речевой акт возражения встречается чаще всего (в 37 % случаев). Следующий по частотности – экспрессив (29 %). Ассертив и комиссив встречаются реже (17 %). Кроме того, возражение посредством директива и экспрессива наиболее часто встречается в диалогах между хорошо знакомыми людьми, поскольку в такой

ситуации собеседники не стремятся завуалировать негативные эмоции и не следуют принципам вежливости.

Таким образом, в английском диалогическом общении речевой акт возражения – особый тип речевого акта, который может быть представлен разными средствами: ассертивами, комиссивами, директивами и экспрессивами.

Список литературы

1. Гулакова И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: дис. ... канд. фил. наук / Ирина Ивановна Гулакова. – Орел, 2004. – 152 с.
2. Семенец О. П. Типы лингвистических конфликтогенов и их роль в речевых и психологических конфликтах / О. П. Семенец // Сибирский филологический форум. – СПб: 2021. №3 (15). – С. 15-32.
3. Кошкарлова Н. Н. Межкультурный диалог конфликтного характера с точки зрения субъекта, объекта и наблюдателя / Н. Н. Кошкарлова // Вестник Челябинского Государственного Университета. – Челябинск : 2009. – С. 91-94.
4. Петрова Е. А. Исследование инвективной лексики в конфликтном дискурсе / Е. А. Петрова // Вестник УЮИ. – Уфа: 2022. №1 (95). С. 126-135.
5. Белоус Н. А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Наталья Анатольевна Белоус. – Краснодар, 2008. – 48 с.
6. Симатова С. А. Конфликтный диалог: критический обзор лингвистических исследований в Китае / С. А. Симатова // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – No 441. – С. 54-61.
7. Дадян С. Р. Конфликтный диалог в художественном произведении (на материале англоязычной художественной литературы XX - начала XXI в.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дадян Стелла Робертовна. – Ростов-на-Дону, 2012. – 24 с.
8. Киндеркнехт А. С. Конфликт в исследованиях по лингвистике / А. С. Киндеркнехт // Научный диалог. – Пермь: 2023. №1. – С. 45-68.
9. Хомякова О. Р. Конфликт как категория литературоведения: аналитические стратегии исследования / О. Р. Хомякова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – Минск: 2021. – Т. 26. – №3. – С. 501-510.
10. Абдулаева П. З., Абдурахманова Д. М., Рамазанова С. Социально-психологические предпосылки возникновения конфликтов в семье и пути их преодоления // Московский экономический журнал. – Махачкала: 2020. –№1. – С. 322-328.
11. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17 : Теория речевых актов / отв. ред. Б. Ю. Городецкий. М. : Прогресс, 1986. С. 181-192.

УДК 81'42

Красильникова Н.В., Степанова А.В. Роль и место новогоднего обращения главы государства в политической риторике

Красильникова Надежда Валентиновна

канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики
Поволжский государственный технологический университет, РФ, г. Йошкар-Ола
krasilnikovanv@volgatech.net

Степанова Анастасия Васильевна

магистрант кафедры иностранных языков и лингвистики
Поволжский государственный технологический университет РФ, г. Йошкар-Ола
nastyas55559@gmail.com

The role and place of the New Year's address of the head of state in political rhetoric

Krasilnikova Nadezhda Valentinovna

Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Foreign Languages and Linguistics
Department, Volga State University of Technology, Russia, Yoshkar-Ola

Stepanova Anastasia Vasilyevna

Master's Student of Foreign Languages and Linguistics Department
Volga State University of Technology, Russia, Yoshkar-Ola

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей новогоднего обращения главы государства как одного из значимых жанров политической риторики. Авторы отмечают, что новогоднее обращение главы государства, транслируемое на главных телеканалах и размещённое в иных медиа, имеет чёткий статус адресанта (глава государства) и образ адресата (граждане страны), характеризуется релевантным набором лингвистических средств и имеет определенную композицию, что продиктовано целями, поставленными политическим лидером. К основным коммуникативным целям относятся: объединение народа, подведение итогов уходящего года и постановка целей на будущее.

Ключевые слова: новогоднее обращение, политическая риторика, ритуальный жанр, коммуникация.

Abstract. The paper discusses the characteristics of the New Year's address of the head of state as one of significant genres of political rhetoric. The authors note that the New Year's address of the head of state, broadcast on the main TV channels and published in other media, has a clear status of the addresser (the head of state) and the image of the addressee (the citizens of the country), is characterized by a relevant set of linguistic means and has a certain composition, which is determined by the goals set by the political leader. The main communicative purposes include uniting the nation, reflecting on the passing year and setting goals for the future

Keywords: New Year's address, political rhetoric, ritual genre, communication.

Умение выступать публично, или, как его еще называют, красноречие, является одним из важнейших навыков главы государства, так как позволяет ему определенным образом воздействовать на эмоциональную и когнитивную сферу граждан, их действия. Публичное выступление служит эффективным инструментом убеждения других в правоте своей точки зрения и получения поддержки со стороны аудитории. В этом главе государства помогает владение ораторским искусством – искусством построения и публичного произнесения убедительных и красочных речей с целью оказания желаемого воздействия на аудиторию [1].

Уже более двух тысяч лет вопросы успешного овладения данным искусством изучаются исследователями из различных областей гуманитарного знания. Так, в современной лингвистике политическое ораторское искусство исследуется в рамках политической риторики, изучающей использование различных ораторских технологий для достижения главной цели общения – присоединить слушателей к позиции оратора, используя в речи манипулятивное воздействие, практические навыки общения, свой индивидуальный стиль [2, с. 636-638]. Пристальное внимание уделяется также изучению влияния культурных, эмоциональных и умственных особенностей, ценностей и установок людей, для которых предназначена речь. Все эти элементы увеличивают речевое воздействие субъекта политической коммуникации на слушателей [2, с. 636-638].

Таким образом, коммуникационный процесс является многокомпонентным и, согласно формуле Лассуэлла, состоит из коммуникатора (кто передает информацию), самого сообщения, средства коммуникации (по какому каналу передается информация), адресата (кто получает информацию), эффективности (с каким результатом передано сообщение) [3, с. 24-39].

Изучение целей коммуникации в политической риторике позволило исследователям выделить основные виды политического красноречия. В российской политической риторике принято брать за основу классификацию, предложенную Аристотелем, который выделил совещательные (побудить аудиторию на совершение полезных действий), судебные (оправдать или обвинить кого-то, а также оценить действия какого-либо человека с точки зрения справедливости) и эпидейктические или торжественные речи (воспитать определенные качества) [4, с. 57]. Они имеют разную аудиторию (слушателей), цели, предмет, ориентацию (прошлое, настоящее, будущее). Следует подчеркнуть, что в современной практике публичного выступления данные виды политического красноречия могут совместно использоваться в речи оратора.

Так, например, новогоднее обращение главы государства сочетает в себе все три типа красноречия, поскольку обсуждаются и ставятся планы на будущее, дается оценка и характеристика событиям, произошедшим за год, а также формируется определенное мнение, на основании которого будет складываться дальнейшее поведение слушателя.

В данной работе мы рассмотрим ключевые характеристики новогоднего обращения главы государства, опираясь на положения теории речевых жанров и политической риторики.

Согласно определению М. М. Бахтина, выдающего русского философа и культуролога, жанр – «устойчивый тип высказывания, выработанный в определенной сфере использования языка» [5, с. 263]. Нельзя не согласиться с мнением ученого, поскольку жанр напрямую связан с деятельностным аспектом жизни человека, с ситуацией, в которой происходит процесс коммуникации. Многообразие политического контекста обуславливает появление различных жанров устного политического дискурса.

Так, одним из направлений научных исследований в области лингвистики является проблема классификации жанров политической риторики. По мнению Е. И. Шейгал, их можно разделять по множеству параметров. Автор отмечает, что, являясь частью речевого события, жанры могут быть разделены на цикличные или ритуальные (характеризуется регулярностью и соблюдением жесткого графика), календарные или текущие (характеризуются предсказуемостью, так как заранее планируются) и спонтанные (характеризуются непредсказуемостью, поскольку не планируются заранее) [6, с. 323-324]. В зависимости от цели высказывания выделяют информативные, оценочные и императивные жанры [7, с. 54]. Также одним из параметров, по мнению Е. И. Шейгал, является ведущая интенция, то есть коммуникативное намерение оратора, ориентируясь на которое можно выделить ритуальные (эпидейктические), ориентационные и агональные жанры [6, с. 329-330].

Следует отметить, что именно ритуальные жанры позволяют главам государств использовать весь возможный арсенал средств речевого воздействия с целью укрепить свою власть, а также реализовывать идеи национального единства [7, с. 81]. Ритуальные жанры политической риторики рассматриваются исследователями как «исторически сложившаяся форма символического поведения субъектов политики, средство наследования и передачи определенного рода ценностей, традиций, опыта, чувств, образцов политического поведения» [8]. Одной из самых важных функций

данного жанра является воспитание уважения к ценностям государства, политических традиций.

К ритуальному жанру устного политического дискурса, по мнению О. В. Спиридовского, можно отнести инаугурационное обращение президента к нации, прощальную речь президента, новогоднее/рождественское обращение главы государства к нации, юбилейную/торжественную речь [9, с. 12].

Далее рассмотрим новогоднее/рождественское обращение главы государства как коммуникативный жанр политической риторики, занимающий важное место в речах глав многих государств, в частности России, США, Великобритании, Испании и Италии. Следует отметить, что новогодняя речь обладает высокой социальной значимостью не только для самого главы государства, но и для граждан страны, поскольку содержит в себе важную коммуникативную функцию – передачу информации, связанной с итогами уходящего года и планами на будущий год.

Одной из существенных характеристик новогодней речи как отдельного жанра можно считать наличие собственной истории. Он возник из жанра поздравления. Одним из первых, кто обратился к гражданам с новогодним обращением, является Папа Римский, который впервые поздравил всех с Новым годом по радио в 1931 году. Затем эта традиция стала распространяться по Европе. Сегодня Новый год – это любимый праздник, который в некоторых странах ассоциируется в том числе с ежегодным новогодним обращением главы государства.

Так, ежегодное новогоднее обращение президента России транслируется за 5 минут до начала Нового года. В своей речи он подводит итоги уходящего года, а также ставит новые цели на будущее, а главное – поздравляет граждан с Новым годом и выражает свои пожелания. Для жителей Великобритании обращение королевы/короля является не менее важным. Монарх произносит свою речь на Рождество 25 декабря в 15:00 [10]. Данную речь, соответственно, называют рождественской. Не менее значимую роль играет новогоднее обращение в политическом дискурсе президента Италии. В Италии президент обращается к гражданам 31 декабря, произнося в Квиринальском Дворце новогоднюю речь за несколько часов до начала Нового года [11].

Важно отметить, что новогоднее обращение главы государства является важным событием, которое не только транслируется по телевидению, но и получает широкий охват в медиaprостранстве. Новогоднее обращение становится темой обсуждения в радио- и телевизионных программах, включая новостные передачи, развлекательные шоу и дискуссионные программы, а также печатных изданиях. Это

способствует более широкому анализу содержания обращения и более глубокому пониманию того, что оно может значить для страны и ее граждан. Кроме того, проводятся опросы общественного мнения для выяснения того, каким образом люди воспринимают слова главы государства: как они относятся к подведенным итогам года, а также заявлениям о будущем страны. Все это предусматривает обмен информацией между участниками политической системы с помощью технических средств связи. Мы видим, что современные медиасредства активно используются главами государств как значимый инструмент политической коммуникации между властью и обществом.

Говоря о новогоднем обращении как об отдельном коммуникативном жанре, необходимо отметить, что оно представляет собой устойчивое вербальное обращение, которое сочетает в себе коммуникативную цель и событийные факторы прошлого и будущего. Более того, новогоднее обращение устойчиво с точки зрения содержания, композиции и стиля, поскольку оно имеет официальный характер, а также выполняет информативную и персуазивную функции [12].

Детальный анализ новогоднего обращения главы государства как отдельного жанра проведен в работах Ж. Р. Сладкевич. На основе выделенных параметров профессор дает следующее описание данного жанра:

- 1) форма речи: вторично устная речь, которая предварительно пишется, корректируется специалистами;
- 2) сфера и характер обращения: общественно-политическая речь, транслируемая по федеральным каналам;
- 3) повод: наступление нового года;
- 4) коммуникативная цель: объединение народа, подведение итогов уходящего года, постановка целей на будущее;
- 5) статус адресанта в лице главы государства;
- 6) образ адресата: граждане страны;
- 7) ответная реакция, которая представляет собой перлокутивный эффект эмоционального типа, то есть радость, восторг, благодарность;
- 8) наличие определенной структуры: обращение к адресату, обозначение повода, подведение итогов года, определение задач, обозначение ценностей и собственно поздравление и пожелания;
- 9) ритуальность рассматриваемого жанра: перформативность обращения, цикличность и локализованность во времени [13, с. 170-171].

А. В. Шариков в свою очередь выделяет меньшее количество критериев анализа рассматриваемого политического жанра: во-первых, событийность (празднование Нового года), во-вторых, временная локализованность (телевизионное выступление на федеральном канале за несколько часов до наступления Нового года), в-третьих, закрепленная форма и, в-четвертых, перформативный характер. Ритуальность новогоднего обращения подкреплена невербальными компонентами коммуникации. Они включают в себя использование определенной атрибутики (локация, новогодняя/рождественская ель, флаги) [14, с. 88-128].

По словам Л. А. Ласица, к коммуникативным целям новогоднего обращения можно отнести заботу о гражданах, демонстрацию уважительного отношения, соблюдение традиции, призыв к сохранению общечеловеческих ценностей, добрых семейных отношений, но главной целью является объединение народа [15, с. 20]. Политический лидер не только поздравляет граждан с праздником, желает всех благ, но и дает общие характеристики уходящего года, акцентирует внимание на совместных достижениях в различных сферах общественной жизни, совместных победах, указывает путь решения общих проблем, а также говорит о трудностях, с которыми пришлось столкнуться в уходящем году. В своем послании президент поднимает темы о важности семьи, благодеяния, взаимопомощи. Он не говорит о своей личной жизни, проблемах. Нужно отметить, что новогоднее обращение имеет строго закрепленную структуру и семантику.

Структура текста поздравления включает следующие элементы: обязательные рамочные компоненты (обращение к адресату), конгратуляторную часть (повод и собственно поздравление) и констатирующую часть (содержит характеристику вклада всего народа в достижения страны).

Важно помнить, что поскольку новогоднее обращение имеет ритуальный характер, в нем доминирует форма. Тогда как содержание (в общих чертах) известно потенциальному адресату, который воспринимает акт произнесения обращения как традицию, не особенно вникая в содержание.

Таким образом, мы можем говорить о том, что новогодняя речь как отдельный ритуальный жанр политической риторики ориентирован на массового адресата в качестве публичного воздействия. Она является неотъемлемой частью жизни граждан некоторых стран, а также средством связи между государством и ее народом. Как мы выяснили, новогодняя речь содержит подведение основных итогов года, а также постановку новых целей на будущее, а самое главное – она призвана

объединять людей. Более того, новогоднее обращение главы государства имеет выраженный эффект воздействия на чувства, мысли и действия аудитории.

Список литературы

1. Михневич А. Е. Ораторское искусство лектора. М.: Знание, 1984. 192 с.
2. Политическая установка в современной риторике / И. Д. Коротец [и др.] // Молодой ученый. 2015. № 24 (104). С. 636-638.
3. Грачев М.Н. Политическая коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. 1999. № 1. С. 24-39.
4. Аристотель. Поэтика. Риторика. Категории / Аристотель; переводчики В. Г. Аппельрот, Н. Н. Платонова. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 239 с. URL: <https://urait.ru/bcode/519569> (дата обращения: 08.07.2023).
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 423 с.
6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград, 2000. 440 с.
7. Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. №2(40). С. 53-59.
8. Василик М.А. Политология: Словарь-справочник / М.А. Василик [и др.]. М.: Гардарики, 2001. 328 с.
9. Спиридовский О.В. Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2006. 23 с.
10. The Queen's Christmas Broadcasts [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.royal.uk/history-christmas-broadcast>, свободный. – (дата обращения: 08.07.2023).
11. Corra D. Analisi dei discorsi di fine anno del presidente della repubblica italiana Sergio Mattarella: tesi. 2022. 84 p. URL: <https://thesis.unipd.it/handle/20.500.12608/36213> (дата обращения: 08.07.2023).
12. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88–98.
13. Сладкевич Ж.Р. Организация семиотического пространства новогоднего поздравления президента (на материале новогодних обращений президентов России, Беларуси и Польши за 2005-2015 гг.) // Политическая наука. 2016. №3. С. 168-193.
14. Шариков А.В., Мицук Т.И. Новогодние выступления президентов Российской Федерации по телевидению в 2000 – 2014 годах: опыт комплексного исследования // Наука телевидения. 2016. Т.12. № 4. С.88-128.
15. Ласица Л.А. Новогоднее обращение главы государства: семантические особенности ритуального жанра политического дискурса // Вестник ОрГУ. 2017. № 1. С. 19-24.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.161.1

Воловинская М.В. Семантика чаепития в рассказе А.П. Чехова «Крыжовник»

Воловинская Марина Владимировна

канд. филол. наук, доцент кафедры теории, истории литературы и методики преподавания литературы, Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, РФ, г. Пермь
volovinskaya@yandex.ru

Semantics of tea drinking in A.P. Chekhov's short story "Gooseberry"

Volovinskaya Marina Vladimirovna

Cand. Sci. (Philology), associate professor of the Department of Theory History of Literature and Methods of Teaching Literature Perm State Humanitarian Pedagogical University, Russia, Perm

Аннотация. В статье рассматривается мотив чаепития в рассказе А.П. Чехова «Крыжовник», обосновывается связь данного мотива с поставленными писателем мировоззренческими вопросами, показывается, что отношение к ритуалу чаепития как одному из маркеров усадебного быта является дополнительным средством характеристики персонажей. Предлагаемый аспект исследования дает возможность увидеть дистанцию между автором и героем-рассказчиком, а также провести не отмечавшиеся ранее параллели между рассказом «Крыжовник» и другими произведениями русской литературы.

Ключевые слова: Чехов, «Крыжовник», чай, рассказчик, мотив.

Abstract. The article deals with the motive of tea drinking in the story of A.P. Chekhov's "Gooseberry", the connection of this motif with the worldview questions posed by the writer is substantiated, it is shown that the attitude to the ritual of tea drinking as one of the markers of the estate life is an additional means of characterizing the characters. The proposed aspect of the study makes it possible to see the distance between the author and the hero-narrator, as well as to draw previously unnoticed parallels between the story "Gooseberry" and other works of Russian literature.

Keywords: Chekhov, "Gooseberry", tea, narrator, motive

Деталь в произведениях А.П. Чехова является ключом к пониманию художественного целого – это утверждение давно и прочно вошло в «аксиоматический фонд» (В.И Тюпа) отечественного литературоведения. К числу таких емких, значимых деталей, вводимых писателем в повествование, относится часто упоминаемое в разных контекстах чаепитие. Чеховские персонажи пьют чай в дворянской усадьбе, крестьянской избе, архиерейском доме, на постоялом дворе, в процессе душевной беседы или уединенных размышлений. Чай оказывается одним из слов-маркеров, воссоздающих сложно подпадающую вербализации, но

безошибочно узнаваемую чеховскую атмосферу в стихотворении Ю. Левитанского «Ялтинский домик»: *«Грустная желтая лампа в окне мезонина. // Чай на веранде, осенних теней мешанина...»* [3, с. 262].

Тем не менее чаепитие в произведениях Чехова далеко не всегда вписывается в элегический хронотоп, примером этому может послужить один из самых его известных и хорошо изученных исследователями рассказов – «Крыжовник». О «Крыжовнике» как одной из частей «маленькой трилогии» писали как отечественные (А.П. Скафтымов, Г.П. Бердников, З.С. Паперный, М.Л. Семанова, В.Б. Катаев, Л.М. Цилевич, И.Н. Сухих, В.И. Тюпа, В.Н. Шацев и другие), так и зарубежные (Дж. Фридмен, Х. Шмид, Д. Рейфилд) чеховеды, однако в предлагаемом аспекте рассказ не рассматривался.

Лексема «чай» встречается в тексте «Крыжовника» пять раз, мотив чаепития связывает воедино историю Николая Ивановича, пессимистические рассуждения его брата о счастье и обрамляющие части произведения, где субъектом речи оказывается безличный повествователь.

Начнем с того, что печальный рассказ о «футлярном» существовании новоявленного помещика Николая Ивановича Чимши-Гималайского, нашедшего смысл жизни в выращивании крыжовника, ведется его братом за чайным столом (*«И только <...> когда красивая Пелагея, бесшумно ступая по ковру и мягко улыбаясь, подавала на подносе чай с вареньем, только тогда Иван Иваныч приступил к рассказу»* [7, с. 301 – 302]), в данном случае сама ситуация рассказывания корректирует в восприятии читателя некоторые выводы героя-рассказчика.

Крыжовник становится для Николая Ивановича воплощением мечты, соединившей воспоминания о проведенном в деревне детстве и стремление приобщиться к миру дворянско-помещичьей культуры. Чаепитие в данном случае входит в общее семантическое поле с крыжовником и тоже оказывается связано с представлениями о радостях помещичьего образа жизни: *«Деревенская жизнь имеет свои удобства, — говорил он, бывало. — Сидишь на балконе, пьешь чай, а на пруде твои уточки плавают, пахнет так хорошо и... и крыжовник растет»* [7, с. 303].

Ассоциативная связь между чаепитием и воплощением мечты неоднократно встречается в произведениях русской классики, принадлежащих разным направлениям и жанрам. Так, И.В. Бурдин рассматривает в этом контексте нелепые прожекты Манилова, рассуждающего о том, как хорошо бы было построить дом с бельведером, откуда будет видно Москву, и пить там чай. «В мечтах Манилова о

благополучии неизменно присутствует чай» [1, с. 82], – справедливо заключает исследователь.

Героиня совсем иного плана, но тоже склонная рисовать в своем воображении утопические картины, Верочка Розальская, также связывает представления о счастливой и свободной жизни с приятным чаепитием: *«Как вкусен чай, когда он свежий, густой и когда в нем много сахара и сливок! Чрезвычайно вкусен! <...> Когда у меня будут свои деньги, я всегда буду пить такой чай, как этот»* [6, с. 21].

Воссоздаваемая героем Чехова ситуация идиллического чаепития на балконе дает основания провести параллель и другого рода: в рассказе И.С. Тургенева «Два помещика» Мардарий Аполлоныч Стегунов чудесным летним вечером сидит на балконе и, с добрейшей улыбкой прихлебывая чай из блюдечка, повторяет в такт звуку кнута, которым секут «шалунишку Васю», «чуки-чук». Конечно, Чехов ставит иные акценты, но упоминание о том, что, по мнению Николая Ивановича, *«телесные наказания вообще вредны, но в некоторых случаях они полезны и незаменимы»* [7, с. 305], наводит на мысль, что приведенная параллель имеет право на существование.

Однако рассказчик не может простить брату в первую очередь не заявление о телесных наказаниях, не делающее ему чести, и не отношение к жене, которую он «держал впроголодь», а его с детской непосредственностью выражаемую радость по поводу выращенного в имении крыжовника. Рассуждая о том, как страшны самодовольство и равнодушие к общественной жизни, Иван Иванович опять же использует лексему «чай», и фраза с упоминанием чая обретает характер формулы: *«Для меня нет теперь более тяжелого зрелища, как счастливое семейство, сидящее вокруг стола и пьющее чай»* [7, с.307].

Чаепитие действительно оказывается в некоторых произведениях Чехова воплощением бессмысленного, бессодержательного существования, выразительнее всего об этом сказано, пожалуй, в рассказе «Архиерей»: *«Похоже было, как будто в своей жизни она (мать главного героя. – М.В.) только и знала, что чай пила»* [7, с. 463]. И все же гневное обличение мирного семейного чаепития выглядит несколько странным даже в контексте рассуждений о необходимости «человека с молоточком», который должен стоять за дверью каждого счастливого и напоминать, что в мире есть страдания.

В связи с этим возникает уже поднимавшейся в литературоведении вопрос, насколько рассказчик близок автору и в какой степени мы можем доверять его оценкам.

О том, что персонажи-рассказчики в «маленькой трилогии» не полностью выражают авторскую позицию, писали многие авторитетные исследователи творчества Чехова. Так, трудно не согласиться с выводами В.Б. Катаева: «Чимша-Гималайский интересен для автора как представитель еще одного типа людей, имеющих “личный взгляд на вещи” и поглощенных этим своим взглядом. Этот взгляд кажется герою “настоящей правдой”, но автор позволяет почувствовать субъективную обусловленность и относительность его позиции» [2, с. 246]. Для автора диссертации *Маленькая трилогия А.П. Чехова: литературная традиция XIX века и проблема рассказчика* В.Н. Шацева также принципиально важно отметить, что «в образах рассказчиков представлены три типа русских интеллигентов, истории которых (внутренние новеллы) недостоверны, пристрастны и говорят прежде всего о субъекте, а не об объекте повествования» [5, с. 4].

Иван Иванович является не только субъектом речи, но и объектом авторского изображения, и многие его высказывания (в том числе про вызывающее тяжелое чувство семейное чаепитие) объясняются особенностями его характера, мировоззрения и образа жизни. Важным представляется нам замечание В.И. Тюпы о том, что Иван Иванович «проявляет узость нравственного кругозора, провозглашая драматизм нормой жизни <....> Занятая <...> “экзистенциалистская” позиция отчаяния, чутко уловленная Чеховым в атмосфере эпохи, не оставляет в жизни места для чувства радости бытия» [4, с. 195].

Думается, что дело не только в мировоззренческих установках героя, но и в том, что одинокому Ивану Ивановичу не введома радость чаепития в теплом семейном кругу, даже единственный родной брат оказывается внутренне чужим человеком.

Не обретают взаимопонимания и участники чаепития в доме Алехина – исповедь Ивана Ивановича равнодушно встречена слушателями: «<...> *слушать рассказ про беднягу-чиновника, который ел крыжовник, было скучно*» [7, с. 308]. Такая ситуация взаимного отчуждения и внутреннего одиночества героев характерна для произведений писателя, однако функция мотива чаепития в «Крыжовнике» не сводится к тому, чтобы лишний раз подчеркнуть, как сложно людям услышать и понять друг друга даже тогда, когда обстановка, казалось бы, к этому располагает.

В последний раз лексема «чай» появляется в рассказе Чехова в контексте, не имеющем прямого отношения к изображенным в нем действующим лицам. Повествователь фокусируется на висящих в гостиной портретах: «*И то, что они сидели в гостиной, где всё – и люстра в чехле, и кресла, и ковры под ногами говорили,*

что здесь когда-то ходили, сидели, пили чай вот эти самые люди, которые глядели теперь из рам <...>, – это было лучше всяких рассказов» [7, с. 308].

С одной стороны, чай, который пили когда-то изысканные дамы и генералы, изображенные на портретах, выступает в данном контексте как оппозиция крыжовнику, который ел скучный «бедняга-чиновник», так и не сумевший по-настоящему приобщиться к миру дворянской культуры. С другой стороны, упоминание о чаепитии подчеркивает, что люди, чьи лица стали деталью интерьера, когда-то были живы, радовались, печалились, имели бытовые привычки, как и те, кто сидит сейчас за чайным столом, что заставляет задуматься одновременно о связи времен и быстротечности жизни.

Таким образом, мотив чаепития оказывается в рассказе «Крыжовник» сквозным – ситуация чаепития, объединяющая и разъединяющая героев, дает возможность поставить вопросы, ответы на которые каждый из читателей должен найти сам.

Список литературы

1. Бурдин И.В. Концепт «чай» в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2021. – № 3. – С. 79 – 85.
2. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблема интерпретации. – М: Изд-во Московского университета, 1979. – 327 с.
3. Левитанский Ю. Д. Избранное: Стихи/ Предисл. Ю. Болдырева. – М.: Худож. лит., 1982. – 559 с.
4. Тюпа В.И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. – 3-е изд. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 336 с.
5. Шацев В.Н. Маленькая трилогия А.П. Чехова: литературная традиция XIX века и проблема рассказчика: Автореф. дис. канд. филол. наук. – С-Петербург, 2010. – 22 с.
6. Чернышевский Н.Г. Что делать? – Л.: Наука, 1975. – 876 с.
7. Чехов А.П. Собрание сочинений: В 12 т. – М.: Гослитиздат, 1954 —1957. – Т. 8. – 558 с.

УДК 82-43

Ковальская А.С. Особенности отображения образа России в путевых письмах К. Бальмонта

Ковальская Анна Станиславовна

студентка IV курса филологического факультета, кафедра русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет, РФ, г. Екатеринбург
covanna@yandex.ru

Features of displaying the image of Russia in the travel letters of K. Balmont

Kovalskaya Anna Stanislavovna

Student of Faculty of Philology Department of Russian and Foreign Literature
Ural Federal University, Russia, Yekaterinburg

Аннотация. В статье рассматривается образ России, его воплощение в путевых письмах Бальмонта из Мексики, а также очерке «Океания». Исследуется аксиологическая природа образа, его роль в «духовном» путешествии Бальмонта, также рассматривается тезис о близости экзотических народов с русским. Кроме того, внимание отводится оппозиции «своё-чужое», как важнейшему аспекту в изображении привычного в диалоге с «Другим». Выявляются доминантные черты образа России, являющегося центральным в поэтике автора.

Ключевые слова: путешествие, Россия, оппозиция «своё-чужое», культура, путевые письма, Бальмонт.

Abstract. The article discusses the image of Russia, its embodiment in Balmont's travel letters from Mexico, as well as the essay "Oceania". The axiological nature of the image, its role in Balmont's "spiritual" journey is investigated, the thesis about the closeness of exotic peoples with the Russian is also considered. In addition, attention is paid to the opposition "one's own or someone else's", as the most important aspect in depicting the familiar in a dialogue with the "Other". The dominant features of the image of Russia, which is central in the poetics of the author, are revealed.

Keywords: travel, Russia, "own-alien" opposition, culture, travel letters, Balmont.

В 1936 году, находясь в эмиграции, Бальмонт так напишет об эстетике романтизма: «Романтик, воплощая в себе жажду жизни, жажду разносторонности, <...> жадно устремляется к новым, ещё не познанным её частям, к иным странам, к чужим краям. <...> Каждый истинный романтик должен быть путником, ибо только в путях и странствиях завоёвываешь мир и себя» [1, с. 55]. Эта формула, которой Бальмонт охарактеризовал Байрона и Новалиса, может быть с тем же успехом отнесена к нему самому: трудно представить себе поэта серебряного века, путешествовавшего больше Бальмонта. Он объездил чуть ли не весь мир, начав в 1896 году с Франции и посетив с того времени более двадцати пяти стран, среди которых были Мексика, Египет, Новая Зеландия, Италия, Англия и многие другие. Итогом странствий явились очерки, эссе, стихи, переводы и сборники путевых писем. Среди

них «Змеиные цветы: Путевые письма из Мексики» (1910) и очерк «Океания», посвященный путешествию в Полинезию, к которым мы и будем обращаться. Кроме того, в статье приведены некоторые выдержки из писем Бальмонта этнологу Д. Н. Анучину, с которым он делился не только впечатлениями от посещения экзотических стран, но и мыслями о родной земле.

Несмотря на то, что в творчестве Бальмонта особое место отведено культуре других народов, их осмыслению, тема России лейтмотивом проходит через его путевые письма, прозаические сочинения, стихотворные сборники. Бальмонт посвятил России множество строк, и она рисуется им как источник самоопределения – личностного и поэтического: «Там, в родных местах, так же как в моем детстве и юности, цветут купавы на болотных затоках и шуршат камыши, сделавшие меня своим шелестом, своими вещими шепотами тем поэтом, которым я был, которым я буду, которым я умру» [2, с. 348]. Отношение Бальмонта к России в целом несёт трагический отпечаток, ведь последние годы жизни поэт проводит во Франции, не имея возможности вернуться. Ощущение тоски по родине проявилось, в первую очередь, в его творчестве периода эмиграции, но поскольку этот аспект заслуживает отдельного подробного исследования, мы ограничимся рассмотрением текстов, вдохновлённых путешествиями.

Величие полуразрушенных пирамид ацтеков, вид океана, белоснежные пляжи, раскидистые пальмы и улыбчивые маорийцы – все это обилие картин и впечатлений не могло не завладеть поэтом. Казалось бы, и Мехико, и острова Океании способны роскошью пейзажей затмить образ родной страны, пусть даже на короткий срок. Но этого не случилось, и Бальмонт всё же непрестанно думает о России, будучи отделённым от неё целым океаном. Примечательно то, что главной из причин, сподвигнувшей Бальмонта на путешествие, была именно непреодолимая тоска по Родине, о чём он пишет в очерке «Привет Москве», опубликованном 11 мая 1913 г.: «Последний год невозможно было более оставаться в Париже. Я уехал в кругосветное плавание. <...> И вот я уехал в Южную Африку, в Тасманию, в Австралию, в Новую Зеландию, на острова Тонга, Самоа, Фиджи, Новую Гвинею, Яву, Целебес, Суматру, Цейлон, в южную и северную Индию, — один перечень этих имен есть зачарованная строка из красивой сказки, — но если очаровательны эти блаженные острова счастливых — Самоа, Тонга, Ява — самое очаровательное в моих последних блужданиях то, что я приехал в Москву» [3, с. 224].

Мы рассматриваем путешествия Бальмонта как комплекс духовных, философских и творческих начал, как некую мифологию, где путь представляется

способом познания мира и через него – самого себя. Но важно помнить, что путешественника от скитальца отличает то, что первый может и должен вернуться домой: именно дом является итоговой точкой пути, необходимым звеном, суммирующим опыт всего путешествия. Возвращение потому является ключевым для Бальмонта, что путь отмечен необходимостью завершения. Движение не может быть линейным и бесконечным, и поэт отправляется в путешествие, зная, что оно имеет предел. Длительная разлука с родным краем для Бальмонта немыслима, ведь именно Россия сформировала его поэтическую картину, определила мировоззрение. Можно сказать, что в этом смысле Россия замыкает круг и путешествия физического, и пути внутреннего, духовного, связанного с постижением самого себя. Это один из многих аспектов в раскрытии образа России, представленного в путевых письмах Бальмонта, являющийся смысловым центром его странствий.

Бальмонт, восхищаясь красотами Мехико и солнцем Самоа, помнит и о России, так непохожей на эти места, и сравнивает пейзажи, обнаруживая между ними сходство. Показательны в этом отношении строки из письма к Д. Анучину: «Я думаю, что сейчас на всем земном шаре есть только две страны, где сохранилась святыня истинной первобытности: Россия и Новая Гвинея. <...> Я шел в селение Анабада, на деревьях же скучивались каркающие вороны, точно я шел к русской деревне» [4, с. 58]. Отождествление экзотического, южного селения с русской деревней вовсе не является абсурдным, ведь для Бальмонта в их основе лежит совершенное, идеальное в своей естественности детское начало. Россия для Бальмонта является сферой абсолютного ещё и потому, что она неразрывно связана с детством. О своих детских годах Бальмонт писал неоднократно как о счастливом времени, полном чудесного и волшебного. Поэт с восторгом описывает усадьбу своих родителей, быт, первые поэтические опыты и главное – встречу с природой, не только вдохновившей его на создание поэзии, но и породившую в нём пантеистическое мироощущение, которое станет основой его философии. Поэтому детское время, непосредственное и естественное, тождественно «первобытности», в которой Бальмонт усматривает связь между русскими и папуасами. Похожую параллель можно обнаружить в диалоге поэта с туристом, приехавшим, как и он, на остров Фиджи: «Между ними нет ни убийства, ни воровства. Им неизвестно ни самоубийство, ни сумасшествие. Они - как ваш Русский мир. У каждого все свое, но и ничего своего» [5, с. 10]. Здесь заметны черты идеализации, которые были намечены в письме к Анучину – самоанцы представлены носителями детского, утопического мироощущения, с врождённым неприятием зла, мирно живущие в общине. Слова о близости папуа и русских

коррелируют с «Русским миром», обнажая идейную и духовную близость этих двух народов.

Как добровольная, так и вынужденная разлука с родиной была для Бальмонта мучительной: отношение к России приобрело драматичность, и это ощущается в тональности его путевых писем из Мексики. Упоминания России в тексте «В странах Солнца. Из писем к частному лицу» встречаются достаточно часто и долгое время остаются проникнутыми отчаянием. Россия стала для Бальмонта духовным символом, который актуализировался именно в годы первой, а после и второй эмиграции поэта, и минорная тональность возникает именно потому, что путешествие в Мексику совпало с известием о русской революции 1905 года, заставшего его в пути. Именно в силу этого новость о страшных событиях поэт воспринял особенно болезненно: уже в первом письме, открывающем сборник, пронзительно звучат слова о родине: «Я уже могу не жалеть, что я не в России» [6, с. 4]. Тема России, возникшая с самого первого дня путешествия, стала лейтмотивом, переплетаясь с мексиканскими впечатлениями, и словно разделила путевые письма на две части. С одной стороны, поэт описывает непритворный восторг перед солнечной Мексикой, с другой – ощущает неослабевающую тревогу о судьбе русского народа. Предчувствие приближающейся трагедии преследовало Бальмонта на протяжении всего путешествия и часто заслоняло яркие впечатления: «Целые дни провел я, думая о другом: о том, что сейчас в России» [6, с. 5], «О том, как я принял весть о последних событиях в Москве, не в силах говорить» [6, с. 7]. К тягостным ощущениям примешивался и страх перед неизвестностью: «Ведь я до сих пор не знаю, что делается в России. В Москве кровавый дым» [6, с. 9]. Бальмонт с досадой сетует, что отправился в путь не ко времени: «В несчастный час я уехал из России, оттуда, где мучаются...» [6, с. 14]. Тягостные впечатления заслоняли собой увиденное Бальмонтом в Мексике: «Я думал, что я буду способен всецело отдаться Древности. Нет, периодами я погружаюсь в чтение и созерцание, но вдруг снова боль, снова тоска. Мы, русские, проходим через такую школу, какая немногим выпадала на долю...» [6, с. 18]. Неиссякаемая любознательность, живость ума и любовь к постижению нового двигали поэтом в его путешествиях. Однако за всем этим стояла еще и глубокая печаль от разлуки с родиной, тревога за судьбу страны и попытка отвлечься от переживаний. Бальмонт, которому был близок мир во всём его разнообразии и многозвучии, азарт подлинного искателя иных берегов, тем сильнее любил Россию, чем более от неё отдалялся. В тех же путевых письмах Бальмонт пишет: «Нужно отойти от России, и тогда поймешь, как бездонно ее любишь» [6, с. 11].

На протяжении долгих дней поэта не оставляли эти настроения: «Мне всё время грезится Россия» [6, с. 12] – напишет поэт спустя два месяца после событий «Кровавого воскресенья». Эти высказывания поэта, соединяясь с рассказами о мексиканском карнавале, корриде и причудливых нарядах местных жителей, усиливают общий контраст. Стоит особенно отметить то, что это не побудило Бальмонта покинуть Мексику, о чем он напишет спустя несколько дней после прибытия: «Я сокращу пребывание здесь, но всё же я должен сделать то, что начал, увидеть новое, войти душой в неведомый мир. <...> Моя судьба – быть зеркалом душ» [6, с. 18]. Эти строки кажутся нам особенно показательными, ведь они раскрывают философию путешествий Бальмонта и демонстрируют главные особенности его поэтической картины.

Бальмонт, посетивший десятки стран и овладевший десятками языков, нигде не нашёл природы или языка лучше, чем в России. Этому противопоставляется высказывание Марины Цветаевой о «нерусскости Бальмонта», чье стремление «Руси – из Руси вон» [7, с. 644]. Мнение Цветаевой кажется парадоксальным, как и то, что тоска по родине побудила Бальмонта отправляться от неё всё дальше, но это отражает натуру поэта, полную противоречий. Бальмонта нередко упрекали в отсутствии постоянства, в том, что ему не доставало поэтического стержня. Однако с этим сложно согласиться, ведь именно его любовь к родине была неизменной. Мы видим, что патриотизм Бальмонта являлся центром его впечатлений и не оставлял его даже в путешествиях. Он на всё смотрел глазами русского человека и, как мы видим, стремился увидеть в экзотических народах именно то, что свойственно русским. О великой значимости России для Бальмонта точно и глубоко сказал поэт Сергей Станицкий: «Каждый из нас принадлежит самому себе, Бальмонт – себе, но еще в большей степени своей несчастной родине, и нити, связующие ее с вещим духом гениального поэта, не утратятся никогда...» [8, с. 40].

Умея ценить красоту, Бальмонт много писал о напевности языка самоанцев, которых он посетил в 1912 году. Восхищаясь жителями Самоа, этим «золотистым народом» [5, с. 6] и переведя несколько самоанских сказаний и легенд, Бальмонт в то же время признавался в любви к родному языку: «Я хочу русского языка, который мне кажется красивейшим в мире» [5, с. 16]. Он восторгался причудливыми татуировками самоанцев и космогонией майя, прежде всего любя Россию и всё русское. Поэтому образ России раскрывается ещё и как имеющий аксиологическую природу, неизменный в своей сакральности.

С образом России пересекаются стандартная для травелогов оппозиция «свое-чужое», отражающая взгляд путешественника на встречу с неизвестным, непривычным. Нередко, осваивая в путешествиях «чужое пространство», человек присваивает его, делает частью своего культурного опыта. Бальмонт также стремился вобрать в себя культурное наследие разных народов, воспеть его в стихах, при этом прибегая к сопоставлению. Но сопоставление это не выявляет границ между «чужим и своим». Это выражается в том, что для Бальмонта нет разделения между экзотической природой и российской. Поэт не подчёркивает различия, несмотря на то, что их огромное множество, а наоборот, сближает увиденное им с природой России. К примеру, любуясь колибри, он сравнивает её со стрекозой: «Я был в саду, и колибри начала трепетать воздушными крылышками около ветвей кипариса <...> Мне припомнилось трепетанье наших стрекоз» [6, с. 8]. Подобное сближение экзотического с родным можно увидеть в тексте «Океании»: «Я на острове Тонга-Табу. В мелководьи спокойного Моря растут ветки кораллов, разрастаются в целые леса. Мелькают сказочные синие рыбки, похожие на золотых рыбок наших сказок» [5, с. 12]. Россия является для Бальмонта областью идеального, и сопоставление, к которому он прибегает, можно расценить, с одной стороны, как высшую форму восхищения, с другой – как проявление всё той же неизменной любви к родине, отголоски и напоминания о которой он видел всюду. Рассмотрим следующий пример, в котором Бальмонт повествует об особой поэтичности маорийского фольклора: «Любя волхвование, они создавали волшебные заговоры, которые по красоте своей напоминают заговоры Русские» [5, с. 10]. Это сравнение построено по схожей модели: поэт, знакомый с особенностями множества культур, переводивший десятки зарубежных авторов, неизменно проводит аналогию с русской культурой. Она является для него образцом высшей красоты, и всё, что красиво, красиво для Бальмонта исключительно с оглядкой на русское.

Важно отметить, что напоминанием о России в травелогах Бальмонта является не только природа, но и человек, который обычно вводится в текст как носитель славянской культуры или знакомый с ней. К примеру, в путевых письмах из Мексики, Бальмонт встречает странствующих артистов: «Вожак спросил меня на дрянном Испанском языке, кто я, и, узнав, что я Русский, тотчас начал радостно говорить со мной на странном языке, представлявшем смесь Польского и его родного Сербского языка. <...> Соединение Мехиканского царства с царством Славянским произошло бескровно» [5, с. 6]. Бальмонт отмечает эту встречу как прикосновение к родному и знакомому, но вместе с тем вводит мотив общекультурной связи, хоть и делает это

несколько иронично. В этой встрече Бальмонта и серба видится мысль не только о связи славянских народов, но и о том, что люди, находясь вдали от родины, могут быть гармонично вписаны в экзотическое пространство, к чему Бальмонт и стремился. Подобный эпизод мы можем увидеть в «Океании»: «Когда я сходил по зыбкой лестнице с корабля, <...> я увидел высокого красивого Самоанца, со странно Испанским лицом. <...> "Вы Француз?" – спросил он меня. – "Нет". – "Тогда вы Русский", – сказал Самоанец и произнес несколько Русских слов. Он был в Москве пятнадцать лет тому назад. Можно представить, как я обрадовался: подплывая к Самоа – говорить о Москве» [5, с. 12]. Мы уже отмечали, что Россия в путешествиях (и путевых письмах) Бальмонта может быть представлена как конечная точка пути или же в аксиологическом ключе. В этом случае можно проследить еще одну грань в изображении России: она – звено в цепочке, что связывает один народ с другим. Важно, что Бальмонт, говоря о России, пишет русскую национальность большой буквой, что свидетельствует не только о его глубокой приверженности русскому народу, но маркируется и как самоопределение, подобное имени. По мысли Бальмонта, все народы родственны друг другу, человечество являет собой всеобщее единство. Поэтому, говоря о природе Мексики, он не противопоставляет русское с мексиканцем, и, упоминая Папуа, сравнивает их с русскими. Самоанец, напомнивший Бальмонту о России, является транслятором авторских взглядов, уподобляется авторскому «я». Ведь он, живущий на Самоа и говорящий по-русски, и поэт, переводящий самоанские сказания, образуют некую гармоничную «зеркальность», где одно равноценно другому. Это ситуация, при которой «Другой» становится частью художественной парадигмы Бальмонта, его быт идеализируется, он сам становится понятным и близким. Таковы особенности познания Бальмонтом культурного наследия многих народов, но текст «Океании» в этом отношении особенно репрезентативен. Национальная принадлежность важна именно потому, что единство между народами невозможно без признания индивидуальности как чужих культур, так и своей. Это – не полное единение с отрешением от субъективного, а связь, основанная на возможности культурного диалога. Бальмонт, вновь делаясь своими впечатлениями с Анучиным, так напишет об этом: «Мне хочется сказать Вам, что 7 лет назад, когда я вернулся в Россию, взметненную бурей, из долгого путешествия <...>, во мне загорелась неугасимым костром моя бывшая ранее скорее спокойной любовь ко всему русскому и ко всему польскому. Есмь славянин и пребуду им. С тех пор я прочел все, что касается русских былин, преданий и вымыслов. <...>. И одновременно я полюбил все народы земли в их первотворчестве» [4, с. 59]. Поэт

является как бы неизменным выразителем русской культуры, её певцом, которому вместе с тем близко культурное наследие всего человечества.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что образ России в «Письмах к частному лицу» и «Океании» раскрывается многообразно и многоаспектно. Во-первых, Россия представлена через призму «цикличности» пути, как конечная точка путешествия, необходимая для его завершения, а тоска по ней даёт поэту возможность оценить эту значимость. Во-вторых, отношение Бальмонта к России носит аксиологический характер: родина представляется идеальной, связанной с детским началом, и беззаботность экзотических племён также уподобляется вечному детству. В-третьих, Россия и русская культура вообще является связующим звеном между народами. Эти ключевые для поэта аспекты стали для него максимой, которую он пронёс через всю жизнь и умело воплотил в творчестве, тесно с жизнью связанным.

Список литературы

1. Бальмонт К. Д. Романтики // Бальмонт К. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи. / Сост., вступ. ст. и коммент. Д. Г. Макогоненко. М.: «Правда», 1990. – 616 с.
2. Бальмонт К. Д. Чужбина // Бальмонт К. Д. Очерки и статьи. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 417 с.
3. Бальмонт К. Д. Привет Москве // Бальмонт К. Д. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе / К. Д. Бальмонт. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. – 1307 с.
4. Куприяновский П. В. Бальмонт / П. В. Куприяновский, Н. А. Молчанова. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 347 с.
5. Бальмонт К. Д. Океания: Очерк и стихи / К. Д. Бальмонт. – Б. г.: Salamandra P.V.V., 2017. – 98 с.
6. Бальмонт К. Д. В странах Солнца / К. Д. Бальмонт. – Б. г.: Salamandra P.V.V., 2014. – 55 с.
7. Цветаева М. Слово о Бальмонте // Цветаева М. Собрание сочинений в 7-х тт., М.: «Эллис Лак», 1994. Т.1. – 560 с.
8. Станицкий С.В. О Бальмонте // Константин Бальмонт глазами современников: [Сборник / вступ.ст. Л.Н. Таганова; сост., подгот. текстов, прим. и коммент. А.Ю. Романова]; - СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2013. – 976 с.

УДК 82-43

**Ковальская А.С. Характер пространства в книге очерков Марии Шкапской
«Это было на самом деле»**

Ковальская Анна Станиславовна

студентка IV курса филологического факультета, кафедра русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет, РФ, г. Екатеринбург
covanna@yandex.ru

The nature of space in the book of essays by Maria Shkapskaya "It really happened"

Kovalskaya Anna Stanislavovna

Student of Faculty of Philology Department of Russian and Foreign Literature
Ural Federal University, Russia, Yekaterinburg

Аннотация. В статье приводится краткая характеристика домашнего пространства как в общекультурном, так и в более узком значении, затрагивающем кризисные периоды человеческой истории. В качестве материала для анализа выступает сборник очерков Марии Шкапской «Это было на самом деле», в котором описывается деструктивная природа войны, разрушение домашнего топоса, трагическая десакрализация иных значимых локусов, например, школы. Важную роль играет закрытое пространство, темпоральные маркеры, образ ночи, цветовая символика пространства.

Ключевые слова: Шкапская, топос, очерк, дом, ребенок.

Abstract. The article provides a brief description of the home space both in the general cultural and in a narrower sense, affecting the crisis periods of human history. The material for analysis is a collection of essays by Maria Shkapskaya "It really happened", which describes the destructive nature of the war, the destruction of the home topos, the tragic desacralization of other significant loci, for example, the school. An important role is played by closed space, temporal markers, the image of the night, the color symbolism of space.

Keywords: Shkapskaya, topos, essay, home, child.

XX век стал переломным для российской истории и, что логично, культуры. Череда потрясений охватила всё русское общество. В 1904 году началась кровавая русско-японская война, следом за ней годом позже грянула первая русская революция. После недолгой «передышки» Россия ввязалась в Первую мировую войну, неудачный ход которой впоследствии стал одной из причин Февральской, а затем и Октябрьской революции. После событий 1917 года Россия погрузилась во мрак жестокой гражданской войны, бушевавшей почти семь лет. Старый уклад жизни был полностью разрушен, социалистическая революция повлияла на все сферы общественной жизни, в том числе и на культуру страны. В советской культуре отразились все ключевые события 1920-х/1930-х годов – курс на НЭП и его

сворачивание, массовая коллективизация и индустриализация, борьба с кулачеством, репрессии. Великая Отечественная война, начавшаяся в 1941 году, оказала значительное влияние на культуру. В силу этого образ дома, домашнего мира, обретает трагическое звучание.

В связи с этим мы остановимся на образе дома в культуре, его коннотациях и смыслах, для более всестороннего освещения данной темы. Дом, что важно, «символизирует центр мира, убежища Великой Матери, замкнутость и защиту. Культовый дом, хижина или вигвам в племенных религиях олицетворяет космический центр, наш мир, вселенную, а также возвращение в утробу при инициации, нисхождение во тьму перед возрождением или регенерацией» [1, с. 55]. Схожую трактовку можно увидеть в труде философа-феноменолога Гастона Башляра, посвящённому пространству и его коннотациям: «Ибо дом — это наш уголок мира. Как часто говорят, это наш первомир. Дом — поистине космос, космос в полном смысле слова» [2, с. 44] — пишет Башляр. Подобное значение дома кажется нам особенно важным, поскольку именно этим смыслом дом наделяется во множестве литературных памятников. Дом символизирует гармонию, укоренённость, безопасность. Но он является не только пристанищем, но и своеобразным отражением личности. В статье «Идея дома в философии и культуре XX века» С. Н. Рымарович подмечает следующее: «В философии психоанализа дом как символ выражает человеческую индивидуальность, личность человека <...> Пространство дома, личности, организованное определенным образом, становится для человека обстоятельствами его жизни» [3, с. 41]. Е. Ж. Шуплецова в исследовании «Феномен Дома в российской культуре: поиск сокровенного» указывает на то же значение образа дома: «В философско-культурологическом понимании Дом как феномен культуры, с одной стороны, предстает как объект (здание), с другой стороны, выступает в качестве подобия субъекта, как «объективация и продолжение меня», как проявление внутреннего, духовного содержания живущих в нем людей [4, с. 31].

Дом в культуре, таким образом, сакрализуется, выступает как «место, где заложена философия человека» [4, с. 31]. Люди испокон веков создают в доме уют, покой, пытаются наполнить его любовью, и всё это способно повлиять на его жизнь, ход мыслей, реализацию. Это делает дом одним из самых культурно значимых образов, тесно связанных с бытием человека.

Однако сакральное и священное переживает трансформацию в эпоху исторических потрясений. Дом, хоть и остаётся аксиологически значимым, теряет свойство пристанища, убежища, безопасного места. С. Н. Рымарович, трактуя

особенности виденья дома на рубеже веков, подмечает «переходность», которую данный образ обретает: «Вообще тема Дома как уютной гавани для человека во враждебном хаосе внешнего мира, а также как спасительного очага культуры получает обостренное звучание в кризисные эпохи мировой истории. Дом есть норма, традиция, привычный образ жизни, тогда как беспредельный, бесприютный мир олицетворяет собой лишенное моральных установлений и границ существование» [3, с. 50]. Бесприютный мир – это мир, пришедший на смену прошлому, идеальному и утопическому. С. Н. Рымарович отсылается к знаменитому философу М. Буберу, дающему следующую характеристику подобному контрасту между «безопасным», «домашним» временем для человеческой культуры и враждебным, «бездомным»: «В истории человеческого духа я различаю эпохи обустроенности (Behaustheit) и бездомности (Hauslosigkeit). В эпоху обустроенности человек живет во Вселенной как дома, в эпоху бездомности – как в диком поле, где и колышка для палатки не найти» [3, с. 51]. Именно «эпоха бездомности» и царствует в литературе с рокового 1917 года. Бесприютность, некая бездомность становится главенствующей в интерпретации образа дома. Звучат мотивы отчаянья, ностальгии, тоски.

Подобные коннотации данного образа, сложившись в литературе XX века, становятся ключевыми в понимании культурной жизни того времени. Образ дома становится одним из центральных в осмыслении и рефлексии писателей и поэтов XX–XXI вв. и обретает множество значений. Образ дома связывается с потерей, утратой, изменением привычного уклада. Драматическая окрашенность топоса дома восходит ещё к пьесе «Вишнёвый сад» А. П. Чехова и так же, как и в годы революций, эмиграции и войны, несёт на себе отпечаток потери. Уничтожение усадеб, которое повлекла за собой революция, актуализирует тему бездомности и «оторванности» от родного мира. Проза русской эмиграции изобилует темами вынужденного прощания с домом, порождающего и трагизм исчезновения дворянских усадеб. Теме дома посвящены произведения И. Бунина, К. Бальмонта, З. Гиппиус, Тэффи, М. Осоргина, И. С. Шмелёва. К примеру, автобиографический роман И. Бунина «Жизнь Арсеньева» показывает идиллическое, вольготное детство в усадьбе, полное покоя и особой прелести. Роман К. Д. Бальмонта «Под новым Серпом» также повествует о невозвратных детских годах, о гармонии, нарушенной революцией. Эмиграция маркируется как отход от привычного и сакрального – родины. Жизнь вдали от дома теряет значимость, уподобляется медленной смерти.

Тема разрушения дома звучит с 20-х годов и связывается с гражданской, а затем и с отечественной войной. Дом является символом национального и культурного

своеобразия, а потеря его ведёт не только к актуализации мотива бездомности, но и к потере идентичности как таковой, о чём уже упоминалось.

Великая Отечественная война, возможно, даже в большей степени, чем революция, высветила драматизм потери дома и расставания с прежней, спокойной жизнью. Примеров тому в литературе можно найти огромное множество, и очерки М. Шкапской, являющиеся материалом нашего исследования, кажутся нам особенно репрезентативными.

В книге очерков поэтессы «Это было на самом деле», вышедшим в 1942 году можно выделить два типа пространства: открытое и закрытое. Открытое пространство связано с холодом, ночью, опасностью: «Дети легли вповалку – наплакавшиеся, бездомные, иззябшие, они скоро уснули. Снаружи стояла черная ночь – ледяная и неподвижная» [5, с. 29]. Стоит отметить, что пространство это пугающее, эпитет «чёрная» ассоциируется с неизвестностью и смертью. Открытое пространство, находящееся за пределами дома, обнаруживает в себе параллели со смертью ещё и за счёт «неподвижности», холода и льда, в противовес всему живому, теплomu и светлому. Далее читаем: «И земля становится тоже подобна камню. Все живое прячется в берлоги, в дупла, зарывается в снег. Человек в такие ночи сидит дома у печи» [5, с. 30]. Каменеющая земля будто тоже умирает, перестаёт быть плодородной, а значит – дающей жизнь. Важно, что подобный контраст побуждает человека и «всё живое» искать себе убежище в попытке обезопасить себя. Ночь, открытое пространство вновь наделяются негативными коннотациями: «Дети плакали. Они хватались за руки, за сапоги убийц. Они отказывались идти в эту черную страшную ночь» [5, с. 31]. И далее, в следующем отрывке автор описывает ночное открытое пространство следующим образом: «Крики старшего и плач малытки становились все тише, по мере того как на разоренную догорающую деревню спускалась черная ледяная ночь» [5, с. 32]. Ночь, как мы видим, враждебна, поэтому человек стремится в закрытое пространство, в дом. Ожидаемо было бы то, что внутреннее (дом) и внешнее (улица) представляли бы собой оппозицию, но этого не происходит. Формально, дом, разумеется, должен являть собой некое спасение, но Шкапская усиливает драматизм тем, что в очерке герои неоднократно дома лишаются, оказываются изгнанными из него, тем самым теряя опору. Это в полной мере отвечает концепции «бесприютности». Дом теряет незыблемость и уже не кажется способным даровать защиту.

Дом становится полем для убийств, пыток и трагедий: «10 июля мы расположились для короткого отдыха в местечке в 35–40 километрах от Житомира.

В одном из домов мы нашли мертвыми одну женщину в кровати, другую на полу. Тут же находилась раненая девочка, которую запрещено было перевязывать. Ребенок медленно истекал кровью» [5, с. 42].

Люди в спешке покидают дома, которые немцы грабят, сжигают, сравнивают с землей: «В селе Самсоновка Курской области немцы сожгли все дотла. Все было разграблено, уничтожено и предано огню» [5, с. 43]. Тема войны, что закономерно, обнаруживает в себе тесную взаимосвязь со смертью, тем же холодом, что сопутствует изображению открытого пространства: «Жизнь исчезает там, где проходят фашисты. Везде лежал густой белый снег, и над ним летели снаряды и шел бой. Наши отвоевывали суровую родную землю» [5, с. 43]. Зима, ночь, холод – всё это является составляющими одной и той же концепции, в основе которой лежит изображение погибающего дома, и возникновение нового мира, полного ужасов. «Деревня превратилась в кладбище. Только трупы могли стать немецкими в советской деревне!» [5, с. 44] – пишет М. Шкапская. Деревня как таковая также является частью «домашнего» мира, но в более масштабном, менее частном отношении. И она, как и сам топос дома, оказывается уничтоженной. Важно и то, что разрушение дома связывается не только со смертью, но и с утратой морального облика человека. Немец, будучи врагом, изображается подобным зверю, которому чужда мораль. Разрушая жизни и дома, враг убивает и сакральное, заложенное в семье и доме – то, на чём зиждется личность. Важно и то, что немцы приходят как бы «извне», являются порождением «ночного», «холодного» пространства, его частью. Они «врываються» по ночам в хижины, хаты, избы, и присваивают себе всё нажитое хозяевами. Враги связываются именно с открытым пространством, оскверняют пространство закрытое, призванное служить убежищем.

Особенно яркий контраст между привычным образом гармоничного, спокойного домашнего быта и новой, ужасающей действительностью, можно обнаружить в следующих строках очерка: «Было это 22 июня. Был чудесный теплый день. В Паланге, красивом литовском курорте, в пионерском лагере находилось около двух тысяч детей. Лагерь жил своей обычной веселой жизнью: дети играли, купались, бегали по саду, когда внезапно зареял над ними в небе немецкий самолет. Бомбы, сбрасываемые на них, ложились точно в цель» [5, с. 11]. Лагерь условно можно причислить к топосу дома, поскольку он содержит в себе канонические для образа дома коннотации. Он является средоточием веселья, беззаботности, радости. Все присутствующие там полагали, что находятся в безопасности. Пространство открытое, но оно не отмечено упомянутой холодностью, безжизненностью, поскольку

показан момент краха старого, спокойного, мирного времени. Мир ещё не успел перейти в «зимнее», военное состояние, он являет собой обратное – лето, тепло, в противовес грядущему. Контраст между детской радостью и внезапным нападением, оборвавшим множество жизней, ещё более усиливает драматизм. М. Шкапская, прибегая к данному приёму, показывает жестокость военного времени и деструктивность, которой отмечено всё. Это период беспрестанного уничтожения, в том числе уничтожения и домашнего, семейного.

Следующий пример не менее репрезентативен: «В этот день все дети Косыгиной собрались около нее за столом. Как всегда, было шумно и весело; пока мать разливала щи, дети болтали. Немецкий ефрейтор проходил мимо и заглянул в окно. Увидев эту мирную картину, он бросил в окно гранату и дал еще потом очередь из автомата» [5, с. 57]. В данных строках раскрывается та же неумолимая природа войны, грань между «внешним» миром, полным опасностей, и уютным миром дома. Было «шумно и весело», «мать разливала щи», собрание семьи представляло собой «мирную картину» [5, с. 57] – всё это является частью спокойной жизни, которая нарушается взрывом гранаты и автоматной очередью. Образ дома, как уже упоминалось выше, подвергается трансформации, становясь опасным. Вещи как бы становятся обратным проявлением себя самих, воцаряется всеобщая дисгармония: там, где ничто не нарушало тишину и покой, взрываются снаряды, дети, некогда радостные и сытые, теряют родителей, и человеку некуда идти.

Всеобщая атмосфера опасности распространяется не только на дома, некогда принадлежащие счастливым семьям, но и на топос школы. Школа в книге очерков М. Шкапской «Это было на самом деле» также, как и дом, изначально маркируется как дружественное место, призванное дать приют ребёнку. В одной из частей очерка, озаглавленной как «Сёстры», автор описывает очередное нападение немцев на деревню: «Они сожгли почти все дома. Дети собрались в школе, они знают, что школа – это место, где заботятся о ребенке» [5, с. 11]. Мы видим, что школа несёт в себе черты как бы «второго дома», и дети, спасаясь от врагов, спешат именно туда. Но школа оказывается, что закономерно, местом столь же опасным, как и дом. Детей и женщин немцы гонят на холод, и происходит словно «размыкание» пространства, герои снова оказываются один на один с ночью: «Дети с криком бросились из школы. Сестры потеряли друг друга, потеряли мать с грудным ребенком» [5, с. 12]. Невозможность обрести покой там, где, казалось бы, человек должен быть под защитой, страх и отчаяние перед «бездомностью», «неприкаянностью» актуализирует роль образа дома, придавая ему особенный трагизм.

Кроме приведённого примера мы можем обратиться к следующим строкам очерка, которые носят ёмкое название «Школа». Один из детей, будучи свидетелем немецкого вторжения, делится воспоминаниями от увиденного: «Я вышел на улицу и увидел, что в нашей школе хозяйничают немцы. Они кололи парты, разламывали шкафы с книгами и все это жгли в печке. Я заплакал, пошел домой и рассказал маме [5, с. 13]. Здесь мы видим те же коннотации, характерные для очерков из книги «Это было на самом деле». Близкое, родное – «парты, шкафы с книгами» – жестоко уничтожается, как бы лишая людей последней надежды на возвращение прежней жизни. Бездумная деструктивность, которой руководствуются враги, вновь противопоставляется невинности мирных жителей, их хрупкому простому миру, который гибнет у них на глазах. Уничтожение не только домов, но и школ символизирует безвозвратно уходящее детство.

Стоит упомянуть и следующий отрывок, также посвящённый школе: «Был вывешен приказ германского командования – надо было прислать детей учиться. Подчиняясь приказу, двести сорок пять керченских матерей рано утром разбудили своих детишек, собрали им в ранцы и сумочки их книги и тетради и отправили в школу. На улицах уже было спокойно, трупы были убраны, но многие родители все-таки сами довели детей до дверей школы и простились с ними только на пороге. Но напрасно ждали они детей в обычное время – никто из детей не вернулся. Напрасно стучали они в запертые двери школы – они не открылись. Напрасно метались по улицам, звали, рыдали, спрашивали – никто ничего не мог сказать о судьбе пропавших детей» [5, с. 13]. Мы видим, что в трёх приведённых отрывках фигурирует школа, но присущие ей коннотации меняются. Она, как и дом, проходит процесс десакрализации, и обоих случаях оба топоса обретают обратное значение: книги, парты – символы знаний, уничтожаются немцами, и школа как бы теряет своё основное значение – быть средоточием образования, совершенствования, воспитания. Она не может больше дать убежище, и детей гонят из школы, оставляя их на произвол судьбы. И, как уже было сказано, то же самое происходит с образом дома, представленного в тексте очерка как место, изначально обладающее семантикой покоя, гармонии, безопасности: дома обворовывают, сжигают, взрывают. Но во всех случаях ребёнку не представляется возможность туда вернуться – дом либо уничтожается вообще, либо его занимают враги (и здесь он теряет своё основное качество).

Промежуточным топосом, до конца не раскрытым в тексте, становится больница, куда большинство детей попадает, получив тяжелые ранения. Парадоксально то, что она представлена как бы «суррогатом» дома, но не может обладать его функциями в полной мере. Несмотря на то, что больница является местом куда более безопасным, чем некогда дом, она к нему не приближена. Лишённые родителей, дети лишаются и возможности вернуться домой, но в ином, метафорическом смысле. Именно смерть семьи, близких всецело разрушает дом не как физический объект, а как внутреннее состояние.

Исходя из приведённых примеров, мы видим, как трагично и правдиво изображена гибель домашнего мира и дома как такового. Не только эмиграция 20-х годов, но и война, наступившая спустя двадцать лет, придала образу дома истинно драматическое звучание. Мария Шкапская показывает весь ужас разрушения привычного, близкого и родного для человека, того, что тесно связано с его самоидентичностью.

Список литературы

1. Тресиддер Д. Словарь символов / Д. Тресиддер ; пер. с англ. С. Палько. – М.: Гранд ФАИР-Пресс, 1999. – 443 с.
2. Башляр Г. Поэтика пространства : пер. с франц. / Гастон Башляр. – 2-е изд. – М.: Ад Маргинем Пресс : Музей современного искусства «Гараж», 2022. – 320 с.
3. Рымарович С. Н. Идея дома в философии культуры XX века: основные подходы / С. Н. Рымарович // Учёные записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2013. – № 2 (26). – С. 144–153.
4. Шуплецова Е. Ж. Феномен Дома в российской культуре: поиск сокровенного. Автореф. дисс. ... канд. фил. наук / Е. Ж. Шуплецова. – Тюмень : б. и., 2014. – 135 с.
5. Шкапская М. Это было на самом деле / М. Шкапская // М. : Детгиз, 1942. – 64 с.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 81-22

Сафрон Е.А., Котцелайнен К.А. Семантика глагольных форм в шведских заговорах

Сафрон Елена Александровна

доктор филологических наук, доцент профессор кафедры германской филологии и скандинавистики, Петрозаводский государственный университет», РФ
00inane@gmail.com

Котцелайнен Кристина Антоновна

студент, кафедра германской филологии и скандинавистики
Петрозаводский государственный университет, РФ
kkotcelainen@mail.ru

Semantics of verb forms in Swedish spells

Safron Elena Aleksandrovna

Dr. Sci. (Philology), docent, professor at the Department of German Philology and Scandinavian Studies, Petrozavodsk State University, Russia

Kottselaynen Kristina Antonovna

student, Department of German Philology and Scandinavian Studies
Petrozavodsk State University, Russia

Аннотация. В статье представлена классификация глаголов, употребляемых в шведских заговорах. Исследование выполнено на материале сборников шведских фольклористов – Л. Густавссона и Б. Клинтберга, а также на материале заговоров, представленных в свободном доступе в сети «Интернет». Методологической базой исследования выступили как специфический лингвистический метод – лексико-семантический анализ, так и методы общенаучного гуманитарного знания: сравнительно-типологический, историко-генетический. Выясняется, что самая обширная категория – глаголы действия, т. к. сам заговор как жанр представляет собой попытку активного преобразования действительности с помощью магии. Именно глаголы действия определяют связь заговора с сопровождающим его ритуалом.

Ключевые слова: заговор, фольклор, обряд, лексика, глаголы-перформативы, классификация, семантика, действие, магия.

Abstract. The article presents the classification of verbs used in the Swedish spells. The study is based on the collections by Swedish folklorists – L. Gustavsson and B. Klintberg, as well as on the material of conspiracies that are freely available on the Internet. The methodological base of the study was both a specific linguistic method – lexico-semantic analysis, and methods of general scientific humanitarian knowledge: comparative-typological, historical-genetic. It turns out that the most extensive category is action verbs, since a conspiracy is an attempt to actively transform reality with the help of magic. It is the verbs of action that determine the connection of the conspiracy with the ritual that accompanies it.

Key words: spell, folklore, rite, metaphor, symbol, performative verbs, classification, semantics, action, vocabulary

В течение тысячелетий человечество училось взаимодействовать с окружающим миром, упорядочивать его. Примеры такого взаимодействия социума прошлого с хаосом и преобразованием его в упорядоченную систему нашли отражение не только в бытовой, но и в культурной жизни древнего человека, в частности, в фольклоре: обрядовых песнях, заговорах, заклинаниях.

В последнее время интерес к различным формам архаического мышления возрос, однако отдельные словесные жанры (в силу их малого объема), еще недостаточно часто попадают в сферу внимания фольклористов, антропологов, лингвистов. Среди таких жанров – заговоры. Думается, что причина затруднений, возникающая при их анализе, связана с разницей географического положения, исторической ситуации, культурными ориентирами и языковой картиной мира народов, использующих те или иные заговоры.

Целью настоящей работы является изучение семантических особенностей глагольных форм шведских заговоров. Отметим, что ранее заговоры уже рассматривались в работах как шведских (Ф. Стрём [1], А.Б. Руут [2]), так и русских исследователей: Т.А. Агапкиной [3], Ю.И. Ковыршиной [4], А.Ю. Ледовских [5], в частности, Е.Н. Куликовской анализировались непосредственно употребляемые в заговорах глаголы [6], [7]; существуют отдельные работы, посвященные изучению англосаксонских заговоров (К.В. Скорик [8], О.И. Присянникова [9]), однако магические тексты, принадлежащие шведской языковой традиции, отечественными филологами еще не рассматривались.

Материалом исследования являются тексты шведских заговоров, источником которых послужила сеть Интернет, а также сборники, составленные шведскими фольклористами Л. Густавссоном (1995) и Б. Клинтбергом (2016). Тема настоящего исследования актуальна как для фольклористики, так и лингвистики, т. к. архаические традиции вычленяются в мировоззрения современного человека, а также являются неотъемлемой частью процесса познания.

Обозначенная цель требует решения следующих задач:

1. изучение теоретического материала по теме, исследование особенностей заговора как жанра;
2. изучение специфики семантического анализа, объектом которого

являются глагольные формы, представленные в шведском фольклоре;

3. перевод и классификация глагольных форм;
4. распределение их в соответствующие семантическому значению группы;
5. анализ прагматики, т. е. взаимосвязи между словами и действиями в заговорах.

Под заговором мы будем понимать элемент устного народного творчества, представленный в виде словесной формулы, обладающий, по мнению произносящего его, магической силой, и непосредственно связанный с магическим ритуалом. Говоря о заговоре, необходимо учитывать свойственную ему сакральность (лат. *sacer* – священный). Этому понятию присущи такие особенности, как: иррациональность, индивидуальная значимость, ценность [10, с. 104] и непостижимость, требующие благоговейного отношения к наделяемому священностью предмету. В структуре заговора можно выделить следующие элементы: вступление-молитва, зачин, некое описание магического действия, имеющее место в пространстве сверхъестественного мира (магический хронотоп), заклинание, закрепка, заключительная молитва [11, с. 245].

Заговоры являются в основном языческими магическими заклинаниями, но несут в себе и элементы христианского культа и тематически совершенно разнообразны: существуют медицинские, любовные, бытовые, промысловые, защитные заговоры. Поскольку в них отразились различные стороны хозяйственной, общественной и духовной жизни народа, они имеют большую историческую и культурную ценность. Для заговора как жанра фольклора типичны фонетическая и лексическая архаичность, перечисление семантически однородных элементов, в частности, тавтологических эпитетных конструкций, метафоричность и синтаксические параллелизмы.

История заговора как жанра в Швеции восходит к эпохе викингов, начиная с «заклинаний Мерзбургга» – одних из старейших известных нам, написанных на древнегерманском языке и датируемых почти началом десятого века [12, с. 205]. В это же время в Швеции утверждается христианство, что приводит к смешению языческой лексики с лексикой новой религии.

Нами было проанализировано 70 глагольных форм и 20 контекстов их употребления. Классификация глаголов, которая была нами составлена, связана с формулировкой заговора и его подачей. Так, существует несколько вариантов

развитий словесных формул, где:

1. Заговаривающий описывает процесс выполняемого им ритуала, например, «Jag släpper mitt få uti vigdan vall under Vår Herres sköld...» [13, s. 28] («Я выпускаю свой скот на пастбище под защиту Нашего Господа...») (здесь и далее: пер. – К. К.) – слово здесь связано с действием. В этих случаях важную роль играют глаголы, которые фиксируют движения самого субъекта магического ритуала в пространстве: går (иду), möter (встречаю), ger (дарю), skor (обуваю).

2. Заговаривающий описывает процесс, который как бы происходит у него на глазах. Часто такое описание имеет большую символическую ценность и является метафорой, например: «Oden rider öfver sten och bärg han rider sin häst ur vred och i led» [14] («Один скачет по камням и утесам, он скачет на своем коне в гневе и в строю»). Такое описание также определяется и природными процессами: lysa (светить), skena (сиять (о солнце)), regna (идти (о дожде)). Эти глаголы уже не связаны с обрядовым действием, но проговариваются параллельно ему, например: «...hon bad till Gud allena, att regnet måtte lena, och solen måtte skena...» [13, s. 29] («...она молится Богу в одиночестве, чтобы дождь стал ласковым, а солнце светило...» и т. д.).

3. Имеет место описание речевой формулы, произносимой заговаривающим, и объектов, на которых направлено заклинание, с помощью глаголов говорения: «Jag befäller dig genom Hans makt...» [14, s. 29] («Я приказываю тебе властью Его») или «Jag beder Gud för dig du guds skapade...» [15] («Я молю Бога за тебя, божья тварь...»). В этом случае особое место занимают глаголы-перформативы, которые не описывают действие, а сами по себе представляют действие [6, с. 12]: «Jag dedikerar mitt heliga bord, till Guden och Gudinnan på våran jord...» [14] («Я посвящаю свой священный стол Богу и Богине нашей Земли...»).

4. Весомое значение имеют глаголы состояния и чувства, т. к. могут быть направлены на изменение не только внешней ситуации, но и внутреннего состояния того, кому адресован магический текст. Они уже не связаны с конкретным формулированием заклинания: älska (любить), må (чувствовать), respektera (уважать), rädas (страшить). Например, «Mina ord skall rädas...» [13, s. 91] («Мои слова будут страшить»).

5. Часто в заговорных текстах используются глаголы, обозначающие избавление, уничтожение и отдаление, преобразование: förtär (поглощает), far ur (уходит), dröjar (проходит / заканчивается), bränner (сжигает), smältas (исчезает): «Så skall hat och avund smältas på mig i dag, som saltet smältes i friska vattnet» [13, s. 93] («Да исчезнут мои недруги и завистники, растворившись словно соль в пресной воде») или

«Ut värk flyga och vandra förty guds ord där äre sanna...» [16] («Избавляясь от боли, лети и иди, ибо слово Божье истинно...»).

В результате проделанного анализа мы приходим к выводу, что глаголы движения чаще всего встречаются в заговорах, нацеленных на защиту, исцеление, изменение погодных условий, и в последних также нередко фигурируют глаголы, описывающие природные процессы; употребление глаголов говорения не зависит от определенного типа заговоров, так как обычно такие глаголы служат как вступление перед основной частью заклинания; использование глаголов чувства и состояния направлены на внутреннюю работу, сюда относятся приворотные заговоры, заговоры на удачу и счастье, а также заговоры на внушение негативных эмоций у врагов; глаголы уничтожения, удаления употребляются в заговорах, целью которых являются избавление от болезней, негативных воздействий (сглаза) и влияния других людей.

Глаголы чаще всего употребляются в форме настоящего времени, что актуализирует установку на достоверность, веру в то, что производимые действия производят нужный заговаривающему эффект.

К преобладающей группе относятся глаголы действия, т. к. заговоры связаны с ритуалами, которые обязательно содержат в себе установку на активные поступки, нацеленные на преобразование окружающего мира, которое осуществляет субъект, произносящий магический текст. Кроме того, глаголы действия могут использоваться в символической форме, описывая определенные процессы и явления, которые по аналогии с реальными действиями направлены на достижение желаемого результата. Такие символические действия могут быть связаны с изображением природных явлений, (солнца, дождя и т. д.) и описывать процесс их трансформации.

Таким образом, глаголы действия – лексемы, без которых жанр заговора не мог бы существовать. Они играют важнейшую роль в семантике заговорных текстов и необходимы для создания нужного ритуального контекста и описания процессов и действий с целью достижения желаемого результата.

Список литературы

1. Ström F. Tro och sed i förkristen tid. – Göteborg: Akademiförlaget AB. – 1985. – 265 s.
2. Rooth A.B. Folkdikt och folktro. – Lund: Bröderna Ekstrands Tryckeri AB. – 1978. – 167 s.
3. Агапкина Т.А. Словесные формулы в магическом ритуале: аспекты взаимодействия // *Studia Litterarum*. – 2019. – № 1. – С. 310–328.
4. Ковыршина Ю.И. Интонирование заговоров и заклинаний: этномузыкологические аспекты (ритуальной) коммуникации // Сборник научных статей «Всероссийский конгресс фольклористов». – 2019. – № 4. – С. 215–226.
5. Ледовских А.Ю. Перформативная функция голоса в архаических речевых практиках // *Идеи и идеалы*. – 2021. – Т. 13. – № 3. – Ч. 2. – С. 313–320.
6. Куликовская Е.Н. Перформативные глаголы в русских заговорах как объект теории речевых актов // *МИРС*. – 2019. – № 2. – С. 12–18.
7. Куликовская Е.Н. Полуперформативные глаголы в русских заговорах: критерии и обоснование выделения // *Rhema. Рема*. – 2021. – № 1. – С. 30–52.
8. Скорик К.В. Понятие «земля» в англосаксонских заговорах // *Филология: научные исследования*. – 2019. – № 1. – С. 187–195.
9. Просяникова О.И. Глагольные формы в текстах англосаксонских и русских заговоров // *Филология: научные исследования*. – 2019. – № 1. – С. 176–186.
10. Жельвис В.И. Сакрализованный текст как объект переложения // *Вопросы психолингвистики*. – 2016. – № 1. – С. 103–109.

Список источников

11. Юдин А.В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные имена собственные в русском магическом фольклоре. – М.: МОНФ, 1997. – 319 с.
12. Маркина Л.Г., Муравлева Е.Н., Муравлева Н.В. Merseburger Zaubersprüche. Мерзебургские заклинания // *Культура Германии: лингвострановедческий словарь: свыше 5000 единиц / под общ. ред. проф. Н.В. Муравлевой*. – М.: АСТ, 2006. – С. 643.
13. Svensk dikt: från trollformler till Frostenson en antologi sammanställd av professor Lars Gustafsson. – Stockholm: Wahlström & Widstrand, 1995. – 664 s.
14. Klintberg af B. Svenska-trollformler. – Stockholm: Wahlström & Widstrand, 2016. – 139 s.
15. Blodiga trollformler // *Institutet för språk och folkminnen*. – Режим доступа: <https://haxor.ifokus.se/discussion/754025/karleksbesvarjelse> (Дата обращения: 10.04.2023).
16. Folkstro i tryck: textutdrag // *Litteraturbanken*. – Режим доступа: <https://litteraturbanken.se/presentationer/specialomraden/FolkstroITryckD.html> (Дата обращения: 10.04.2023).

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 32.019.51

Бобров Д. В., Буга В. В., Акишина И. А. Роль Объединенной пресс-службы судебной системы Санкт-Петербурга в процессе взаимодействия судебной власти и СМИ

Бобров Дмитрий Владимирович

студент, кафедра связей с общественностью в бизнесе
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, г. Санкт-Петербург
mitya743@gmail.com

Буга Василий Васильевич

студент, кафедра международной журналистики
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, г. Санкт-Петербург
akzhol0153@gmail.com

Акишина Ирина Андреевна

студентка, кафедра международной журналистики
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, г. Санкт-Петербург
irene.a01@bk.ru

The role of the United Press Service of the Judicial System of St. Petersburg in the process of interaction between the judiciary and the media

Bobrov Dmitry Vladimirovich

Student, Department of Public Relations in the Business of Journalism
St. Petersburg State University, Russian Federation, St. Petersburg

Buga Vasily Vasilievich

student, Department of International Journalism, St. Petersburg State University
Russian Federation, St. Petersburg

Akishina Irina Andreevna

student, Department of International Journalism, St. Petersburg State University
Russian Federation, St. Petersburg

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования Объединенной пресс-службы судов Санкт-Петербурга как канала для взаимодействия судебной системы и средств массовой информации на примере изучения постов телеграм-канала «Объединенная пресс-служба судов Санкт-Петербурга». Благодаря ресурсам языка сотрудники Объединенной пресс-службы судов не только увеличивают рейтинг цитируемости и просмотров, но и повышают уровень информационной открытости судебной системы, а также выстраивают активную информационную политику и создают конструктивный диалог с представителями средств массовой информации.

Ключевые слова. Пресс-служба, Telegram, судебная система, объединенная пресс-служба судов, аттрактивность

Abstract. The article discusses the features of the functioning of the United Press Service of the Courts of St. Petersburg as a channel for interaction between the judiciary and the media on the example of studying the posts of the telegram channel "The United Press Service of the Courts of St. Petersburg". Thanks to the language resources, the employees of the Joint Press Service of the Courts not only increase the citation and views rating, but also increase the level of information openness of the judiciary, as well as build an active information policy and create a constructive dialogue with the media.

Key words. Press service, Telegram, judicial system, joint press service of courts, attractiveness

Что можно считать пресс-службой? А. Гнетнев и М. Филь считают, что пресс-служба – это институт, оказывающий услуги по информационному освещению деятельности конкретного лица или организации в целом. [1] Иными словами, под пресс-службой в нашем исследовании мы будем понимать специальную организационную форму, с помощью которой осуществляется эффективная двусторонняя коммуникация субъекта PR со средствами массовой информации. Отношения между СМИ и пресс-службой могут иметь множество форм, в том числе конфронтации и позитивное взаимодействие. Однако основной формой взаимоотношений пресс-служб органов власти и СМИ является конструктивный диалог. Прессе необходим постоянный и беспрепятственный доступ к информации, а власть не может эффективно взаимодействовать с обществом без освещения своей деятельности. [2]

Объединенная пресс-служба судебной системы Санкт-Петербурга была создана 1 марта 2017 года на базе Санкт-Петербургского городского суда для взаимодействия с общественностью и СМИ по вопросам обеспечения доступа к информации о деятельности всех судов города Санкт-Петербурга. Главными целями работы пресс-службы Совет судей Санкт-Петербурга обозначил: повышение уровня открытости и доступа к информации о деятельности судов и органов судейского сообщества в Санкт-Петербурге, выстраивание активной информационной политики, принимающей во внимание потребности судебной системы, налаживание открытого, планируемого и качественного взаимодействия со СМИ, а также формирование должного понимания обществом правовых мотивов принимаемых судами решений, объективного, достоверного, оперативного и качественного информирования общества о деятельности судебной системы и укрепления доверия к правосудию. [3]

Возглавила Объединенную пресс-службу пресс-секретарь Санкт-Петербургского городского суда Дарья Лебедева. Она сформулировала три основных требования, на которых строится взаимодействие со СМИ: во-первых, предоставление информации о судопроизводстве является обязанностью, а не правом Объединенной

пресс-службы судов Петербурга. Во-вторых, масс-медиа не обязаны хвалить суды за принятие законных решений, ведь принятие обоснованных решений является прямой обязанностью правосудия. В-третьих, выстраивать дружественные отношения со СМИ вовсе не обязательно, главная миссия заключается в поддержании конструктивного диалога. Уже через два года после создания Объединенной пресс-службы судебной системы Санкт-Петербурга Совет судей Российской Федерации рекомендовал принять технологию её работы к внедрению на территории всей страны. Было отмечено, что пресс-службе удалось выстроить деловые и конструктивные отношения со СМИ, а также поддерживать спокойный информационный фон. Руководитель Объединенной пресс-службы судебной системы Санкт-Петербурга Д.С. Лебедева также отмечает, что судебная пресс-служба является политическим инструментом, которым должен руководить исключительно один человек. По ее мнению, работа PR-специалиста должна быть связана только с одним человеком, например, председателем суда, в крайнем случае, его заместителем, чтобы не попасть в область столкновения чужих интересов. Судебная система является особенной системой, и, пожалуй, единственной, у которой целевая аудитория – это все граждане РФ. Так как в разной степени деятельность судебной системы представляет интерес для всех. Соответственно, у пресс-службы суда нет необходимости формировать обращение с учетом узких характеристик. Вместе с тем рекомендуется учитывать общие характеристики основных типов аудиторий. Все информационные потоки, входящие и исходящие, должны согласовываться с пресс-службой, иначе это приведет к потере контроля над качеством информации и сложностям с оперативным реагированием на возникающие проблемы. Взаимодействие представителей средств массовой информации с судами строго через пресс-службу регламентирует информационная политика. Задачи пресс-службы включают в себя не только предоставление информации, но и ее анализ, формирование позиции органа власти по конкретным вопросам и принятие мер по управлению репутацией государственной организации. Профессионалы по связям с общественностью в судах также должны укреплять доверие людей к судебной системе. Важным аспектом деятельности судебной пресс-службы является правовое образование общества и предостережение людей от совершения правонарушений. [4]

Таким образом, взаимодействие Объединенной пресс-службы судебной системы Санкт-Петербурга со СМИ является важным инструментом для обеспечения информационной прозрачности и открытости работы судебных органов. Среди основных методов взаимодействия с масс-медиа можно выделить регулярное и

оперативное размещение информации в мессенджере Telegram, а также поддержание конструктивного диалога с представителями СМИ в режиме «онлайн». Взаимодействие судебной системы Санкт-Петербурга со СМИ позволяет поддерживать доверие общества к работе судебных органов и повышать их репутацию. Почему Объединенная пресс-служба судов решила выбрать Telegram? Telegram – это мессенджер, который позволяет общаться через интернет с помощью текстовых, голосовых и видеосообщений, отправлять файлы, фото и видео. Он был создан Павлом Дуровым в 2013 году, и на данный момент является одним из самых популярных мессенджеров в мире, по официальным данным, используется более чем 700 миллионами людей во всем мире ежемесячно.

Преимущества передачи информации в Telegram включают в себя безопасность, скорость, большой выбор функций и возможность создания больших каналов для массовой коммуникации. Одной из ключевых особенностей Telegram является его быстрый и эффективный интерфейс для коммуникации в режиме реального времени. [5] На наш взгляд, ключевыми особенностями мессенджера становятся: оперативность, прозрачность, удобство и экономия средств. Телеграм-канал Объединенной пресс-службы судов Санкт-Петербурга информирует читателей о происходящих в судах города событиях на регулярной основе. Оперативность – главный принцип работы данного канала. Информация обновляется практически мгновенно и представляет собой самое интересное и важное, произошедшее в судах города. Несмотря на то, что телеграм-канал Объединенной пресс-службы судов Санкт-Петербурга является ценным источником информации о деятельности судебной системы для журналистов и общественности, данный канал не может считаться полноценной заменой СМИ. В телеграм-канале Объединенной пресс-службы судов Санкт-Петербурга представлена подробная информация о происходящих в суде событиях: о процессах, результатах заседаний и деятельности судей. Канал публикует полные тексты решений и постановлений суда. Публикации появляются в телеграм-канале своевременно и оперативно. Новости и информация публикуются моментально после проведения заседаний суда, что позволяет следить за случившимся практически в режиме реального времени. Более того, телеграм-канал является простым и удобным способом получения информации о событиях судебной жизни. Пользователи могут подписаться на канал и получать обновления автоматически. Однако информация, которая публикуется в канале, представлена скорее в форме пресс-релиза, нежели новости. Это значит, что тексты часто содержат только факты без контекста и необходимой осмысленности, что затрудняет

понимание происходящего для читателя. В связи с этим аудитории требуется более подробное разъяснение информации на судебно-правовую тематику. Читатели ожидают, что информация будет представлена в доступной форме, с разбором терминологии, что значительно облегчит восприятие информации.

Таким образом, мы выяснили, что главными целям пресс-службы судов становится повышение уровня открытости, выстраивание активной информационной политики, формирование должного понимания обществом правоприменения. Для того, чтобы выяснить, каким образом сотрудники Объединенной пресс-службы судебной системы Санкт-Петербурга выполняют поставленные цели, необходимо произвести контент-анализ медиаматериалов телеграм-канала Объединенной пресс-службы судебной системы Санкт-Петербурга. Контент-анализ будет включать в себя анализ 30-ти медиаматериалов. Хронологические рамки исследования охватили период с 13.02.23 по 05.04.23. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что вне зависимости от времени, формы работы и производства медиаматериалов у сотрудников пресс-службы не меняются. Главным критерием для проведения контент-анализа станут использованные средства языка. Как правило, в большинстве случаев сотрудники Объединенной пресс-службы судов Санкт-Петербурга используют стилистически-окрашенные лексические единицы исключительно в заголовочном комплексе. В основном тексте авторы используют публицистический стиль с доминирующими элементами официально-делового.

В научном дискурсе существует множество подходов к пониманию функций заголовочного комплекса. Так, некоторые исследователи считают, что главной функцией заголовка в публицистических, журналистских и рекламных текстах служит воздействие на читателя [6] в то время как Р. К. Дроздов полагает, что заголовок должен не только привлекать внимание читателя, но и объяснять содержание текста. [7] Проанализировав работы вышеупомянутых ученых, можно создать собственную классификацию функций заголовочного комплекса: графическо-выделительная, номинативная, информативная, интегративная, аттрактивная.

Для публицистического стиля характерны графическо-выделительная, номинативная и информативная функции, однако в части медиаматериалов сотрудниками Объединенной пресс-службы судебной системы Санкт-Петербурга отдается предпочтение интегративной и аттрактивной функциям. Примечательно, что данные лексические единицы используются исключительно в заголовочном

комплексе. Основной текст состоит из публицистического стиля с доминирующими элементами официального-делового стиля, Л. Р Дускаева в своем пособии отмечает, что сегодня, в силу активного использования публицистического стиля во всех сферах человеческой жизни, в публицистическом стиле расширяются «зоны» межстилевого взаимодействия. [8]

Какие цели достигаются благодаря использованию данных ресурсов языка? На эти вопросы можно будет ответить после проведения контент-анализа.

Таблица 1. Контент-анализ материалов телеграм-канала Объединенной пресс-службы судебной системы Санкт-Петербурга с 13.02.23 по 05.04.23

№	Ссылка на публикацию	Дата публикации	Заголовочный комплекс	Использованные языковые средства
1	https://t.me/S PbGS/13817	13.02.23	Говорят, что огурцы выросли в цене. А у нас – яйца и в два раза, с 3 000 до 6 000. Мировой судья судебного участка №154 г. Санкт-Петербурга зарегистрировала исковое заявление Татьяны к ООО "Ройалмед" о защите прав потребителей.	Разговорное. Имитация разговорного стиля, создание в заголовке будничного, бытового диалога обязательно притянет внимание журналиста.
2	https://t.me/S PbGS/13823	13.02.23	Обидел ребенка – получил бутылкой по голове Мировой судья судебного участка №190 г. Санкт-Петербурга огласила постановление в отношении 43-летней Галины, которая обвинялась в совершении преступления, предусмотренного п.в ч.2 ст.115 УК РФ	Разговорное. В данном случае «получил» в значении пострадал от удара бутылкой, использование разговорной лексики. Галина, держа в руках стеклянную бутылку, объемом 0.5 литра, ударила любимого по темечку. Имитация разговорного стиля.
3	https://t.me/S PbGS/13824	14.02.23	26 куриц и 5 индюков Пушкинский районный суд г. Санкт-Петербурга рассмотрел гражданское дело по иску Татьяны Стегалкиной к Александру Титову о возмещении ущерба, компенсации морального вреда.	Деталь. Перечисление мелкого домашнего скота, на наш взгляд, обязательно обратит внимание журналистов.
4	https://t.me/S PbGS/13827	14.02.23	Погодные явления – не форс-мажор Выборгский районный суд г. Санкт-Петербурга рассмотрел гражданское дело по иску Сергея Гаскевича к ООО «Жилкомсервис №1 Выборгского района» о возмещении ущерба, компенсации морального вреда.	Книжное. Используется лексема «форс-мажор», характерная для книжного стиля.

5	https://t.me/SbGS/13837	14.02.23	Суд разберется со злостными похитителями свадебных платьев Мировой судья судебного участка №148 г. Санкт-Петербурга зарегистрировала Исковое заявление Ольги Копковой к ИП Е.А. Константиновой о защите прав потребителя и истребовании имущества из чужого незаконного владения.	Оценочная лексика. Слово «злостными» обладает пейоративной коннотацией, нехарактерно для пресс-службы государственного органа. «Из телевизора и одного популярного ТГ-канала девушка узнала, что она такая не одна» Имитация разговорного стиля.
6	https://t.me/SbGS/13848	15.02.23	Слабоумие и отвага Калининский районный суд г. Санкт-Петербурга огласил приговор в отношении Артема Платонина, признанного виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст.213 УК РФ.	Прецедентный феномен. Отсылка к известному в русскоязычном интернет-пространстве меме, основанном на главных персонажах мультфильма «Чип и Дейл».
7	https://t.me/SbGS/13866	18.02.23	Активный социопат просил у суда домашний арест Октябрьский районный суд г. Санкт-Петербурга рассмотрел ходатайство следствия об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Никиты Морозова, подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.228.1 УК РФ.	Использование медицинских терминов Так называет себя главное действующее лицо пресс-релиза.
8	https://t.me/SbGS/13876	21.02.23	В Барселоне сегодня +16, ясно, вероятность осадков - 4% или лайфхак от суда как можно попытаться попасть в Испанию Санкт-Петербургский городской суд рассмотрел представление заместителя директора ФСИН России о передаче осужденного для отбывания наказания в Королевство Испания.	Неологизм. «Лайфхак». Имитация разговорного стиля. Имплицидно выраженная ирония.
9	https://t.me/SbGS/13883	21.02.23	Знаете ли вы, уважаемые коллеги, чем занимается ратолог? Мы, благодаря мировым судьям, теперь знаем. Ратолог – это врач, который хомяков лечит. Итак, у нас Ирина с хомяком и Елена с собакой.	Вопросно-ответная форма. Эксплицитно выраженное обращение к журналистам. Разговорный стиль. «Итак, у нас Ирина с хомяком и Елена с собакой».
10	https://t.me/SbGS/13951	28.02.23	Комбо от суда получил водитель, разбивший 7 машин на Ириновском проспекте Мировой судья судебного участка №94 г. Санкт-Петербурга привлекла к административной ответственности по ч.1 ст.6.8 КоАП РФ, ч.2 ст.12.2 КоАП РФ, ч.1.1 ст.12.1 КоАП РФ, ч.2 ст.12.7 КоАП РФ Владислава Панова.	Неологизм, сленговое выражение, «комбо», характерное для молодежи. Междометие «ну», создающие эффект устной речи. Ну и до 22.01.2023 фигурант был дважды лишен прав, всего на 36 месяцев

11	https://t.me/SbGS/13972	02.03.23	Суд оценил принципиальность и пассивность в 10 суток Ему 22, ей 18. Была, вероятно, любовь, от которой родился ребенок. Молодая мама, будучи не готовой к такому развитию событий, написала отказ. Ребенка забрали в Дом малютки.	Стилистически-окрашенная лексика. Ирония, благодаря патетически окрашенным прилагательным, имитация разговорного стиля. «Новоявленный папа», «И вдруг папа присмотрелся и понял, что ребенок на него не похож».
12	https://t.me/SbGS/13979	02.03.23	Кто последний, тот и вор Мировая судья судебного участка №155 г. Санкт-Петербурга огласила приговор в отношении Артема Деуца, признанного виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.158 УК РФ.	Стилистически-окрашенная лексика. Из материалов дела следует, что загадочный молодой...
13	https://t.me/SbGS/14007	06.03.23	Импортозамещение по судебному Некоторое время назад, уважаемые коллеги, мы рассказывали вам о рассмотрении Колпинским районным судом г. Санкт-Петербурга дел об административных правонарушениях в отношении сотрудников склада OZON в поселке Петро-Славянка.	Обращение. Ирония. Риторические восклицания. «Но покупатели могут не переживать!»
14	https://t.me/SbGS/14012	06.03.23	«Добрый словом и пистолетом можно сделать больше, чем просто добрым словом» Санкт-Петербургский городской суд огласил приговор в отношении Гасана Мусаева, признанного виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч.2 ст.209 УК РФ, п.а ч.4 ст.162 УК РФ.	Прецедентный феномен. Заголовок отсылает читателей к цитате, автором которой в русскоязычном интернет-пространстве считается Аль Капоне, известнейший американский гангстер. Используя данные языковые средства, автор иронизирует над обвиняемым в в бандитизме.
15	https://t.me/SbGS/14038	07.03.23	Вот еду я красивая на машине, а все встречные ребята так и столбенеют, а которые послабей – так и падают, падают, падают и сами собой на капот укладываются! Красносельский районный суд г. Санкт-Петербурга рассмотрел материалы дела об административном правонарушении, предусмотренном ч.2 ст.12.24 КоАП РФ, в отношении Инны Михайловой.	Заголовок с аттрактивной функцией, имитирующий разговорную речь.

16	https://t.me/SbGS/14045	09.03.23	«Материально бытовое обеспечение не соответствует цивилизации». Петербуржец просил 88 000 рублей за отобранную в СИЗО подушку. Колпинский районный суд г. Санкт-Петербурга рассмотрел административное дело по иску Вячеслава Круглянского к ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ФСИН России о взыскании компенсации морального вреда.	<p>Цитаты, аллюзии на предметы роскоши, ирония. «Материально бытовое обеспечение не соответствует цивилизации».</p> <p>«Не Намам Pera, конечно, но для использования пригодны».</p>
17	https://t.me/SbGS/14056	10.03.23	Грызунонепроницаемость не обеспечена Петроградский районный суд г. Санкт-Петербурга привлек к административной ответственности ООО «Кейтеринг-Групп СПб» за совершение правонарушения, предусмотренного ст.6.6 КоАП РФ.	<p>Окказионализм, показывающий нарушение санитарных норм кейтеринг-службы.</p>
18	https://t.me/SbGS/14059	10.03.23	Гражданке КНР придется убрать унитаз из объекта культурного наследия Василеостровский районный суд г. Санкт-Петербурга рассмотрел гражданское дело по иску администрации Василеостровского района к Лю Юй о приведении жилого помещения в первоначальное состояние после самовольной перепланировки.	<p>Прецедентный феномен, ирония. Обращая внимание на то, что жилой дом с коммунальными квартирами является объектом культурного наследия, сотрудник пресс-службы иронизирует над необходимостью демонтажа несанкционированной перепланировки.</p>
19	https://t.me/SbGS/14065	11.03.23	Пистолет, кажется, нашел. Стрелял по рыбам из-за пришельцев. Перед девушкой хотел извиниться Красногвардейский районный суд г. Санкт-Петербурга вынес постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Романа Олейникова, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст.213 УК РФ.	<p>Имитация разговорного стиля. Человек сидел в зеленой одежде, в кабинете было много мониторов с камерами, нашему герою стало не хватать воздуха и тут появились пришельцы и рыбы.</p>
20	https://t.me/SbGS/14071	13.03.23	Суд оценил нравственные страдания несостоявшегося колориста Невский районный суд г. Санкт-Петербурга рассмотрел гражданское дело по иску Дарьи Нероновой к ИП Александру Булгакову о расторжении договора, взыскании неустойки, компенсации морального вреда.	<p>Использование юридической терминологии в ироническом ключе.</p>

21	https://t.me/SbGS/14100	15.03.23	Отправленное не туда СМС стоит 10 000 рублей Калининский районный суд г. Санкт-Петербурга рассмотрел гражданское дело по иску Валерия Гольшкина к АО «Петербургская сбытовая компания» о признании незаконным отключения электроэнергии, обязанности восстановить электроснабжение, взыскании компенсации морального вреда.	Использование разговорной лексики. «Не туда»
22	https://t.me/SbGS/14117	16.03.23	Варили мефедрон, финансировали «Правый сектор» Санкт-Петербургский городской суд зарегистрировал уголовное дело в отношении Александра Цепелева, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч.1 ст.282.3 УК РФ, п.г ч.4 ст.228.1 УК РФ, ч.5 ст.228.1 УК РФ, и Александра Панкратьева, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п.г ч.4 ст.228.1 УК РФ, ч.5 ст.228.1 УК РФ.	Использование жаргонизмов, прецедентный феномен. Используя сокращенное название наркотического вещества, а также упоминая запрещенную на территории РФ организацию, сотрудник пресс-службы обязательно привлечет внимание.
23	https://t.me/SbGS/14149	20.03.23	Украл айфоны на миллионы и в коробке от мясорубки утащил Петроградский районный суд г. Санкт-Петербурга огласил приговор в отношении Артема Молчанова, признанного виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч.3 ст.160 УК РФ (2 эпизода), ч.4 ст.160 УК РФ.	Стилистически окрашенная лексема «утащил», инверсия. «Приискал в складском помещении магазина пустую коробку».
24	https://t.me/SbGS/14151	20.03.23	Суд оценил теорию про алкоголь в яйцах Мировой судья судебного участка №101 г. Санкт-Петербурга привлекла к административной ответственности по ч.1 ст.12.8 КоАП РФ Дмитрия Давидсона.	Разговорный стиль благодаря использованию междометий. «Возможно, суд бы и дал шанс версии про яйца, да только в крови фигуранта был обнаружен не алкоголь, а тетрагидроканнабинол. Ну и показания свидетелей совсем все испортили».

25	https://t.me/S PbGS/14154	20.04.23	Актер «Бандитского Петербурга» объяснит мировому судье Петербурга отказ от освидетельствования Мировой судья судебного участка №18 г. Санкт-Петербурга зарегистрировала дело об административном правонарушении, предусмотренном ч.1 ст.12.26 КоАП РФ, в отношении Михаила Тарабукина.	Обращение к прецедентному феномену создает комический эффект и притягивает внимание к пресс-релизу.
26	https://t.me/S PbGS/14156	20.03.23	«Он пришел с цветами и двумя коробками конфет, и я ему все отписала» Смольнинский районный суд г. Санкт-Петербурга огласил приговор в отношении Александра Базымянского, признанного виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч.4 ст.159 УК РФ (8 эпизодов).	Цитатный заголовок. Разговорная лексема. Использование терминологии. «В дополнение к фабуле Минаева».
27	https://t.me/S PbGS/14218	27.03.23	Камчатский краб на миллион Сестрорецкий районный суд г. Санкт-Петербурга рассмотрел гражданское дело по иску ФГКУ «ПУ ФСБ России по ЗАР» к Сергею Гаврилову и Евгению Крупицу о взыскании ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам.	Аттрактивная функция благодаря использованию синекдохи.
28	https://t.me/S PbGS/14226	27.03.23	Сны – это субъективное восприятие образов, возникающих в сознании спящего человека. Они могут быть отражением зрительных, слуховых, тактильных, вкусовых и обонятельных чувственных представлений Мировой судья судебного участка №105 г. Санкт-Петербурга привлек к административной ответственности Викторию Бурову за совершение правонарушения, предусмотренного ст.19.13 КоАП РФ.	Аттрактивная функция благодаря использованию научной лексики.

29	https://t.me/S PbGS/14264	29.02.23	Но нет печальной повести на свете, Чем повесть о Ромео и Джульетте Петроградский районный суд г. Санкт-Петербурга рассмотрел гражданское дело по иску Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по городу Санкт-Петербургу, действующего в защиту интересов 35 граждан, к ИП Татынской Ирине Владимировне о защите прав потребителей.	Прецедентный феномен. Отсылка на известнейшее произведения западной литературы «Ромео и Джульета» Уильяма Шекспира. Благодаря использованию прецедентного феномена, автор иронизирует над сложившейся ситуацией.
30	https://t.me/S PbGS/14315	05.04.23	Говорят, что молния два раза в одно место не бьет, а вот льдина точно может Смольнинский районный суд г. Санкт-Петербурга рассмотрел гражданское дело по иску Марины Черной к ООО «Жилкомсервис №3 Центрального района» о возмещении ущерба, компенсации морального вреда, судебных расходов.	Аллюзии на пословицы. Разговорный стиль.

По итогам контент-анализа, мы можем прийти к следующим выводам. Для того чтобы увеличить интерактивность и уровень взаимодействия с представителями средств массовой информации, сотрудники Объединенной пресс-службы судебной системы Санкт-Петербурга активно используют всевозможные средства языка: прецедентные феномены, аллюзии, стилистически-окрашенную лексику, лексические единицы, характерные для разговорного функционального стиля. Благодаря задействованным ресурсам языка реализуются: коммуникативная, интегративная и аттрактивные функции. Иными словами, сотрудники Объединенной пресс-службы судебной системы Санкт-Петербурга не только увеличивают охваты и рейтинг цитируемости, но и выполняют поставленные руководством цели, в частности, повышают уровень открытости, выстраивают активную информационную политику, создают и поддерживают конструктивный диалог со средствами массовой информации, а также формируют должное понимание обществом правовых мотивов принимаемых судом решений. Сотрудники объединенной пресс-службы судебной системы Санкт-Петербурга придерживаются профессиональных стандартов, характерных для современного медиарелиза, а именно, отсутствия субъективной модальности, личного начала, эмоционально окрашенной лексики, за исключением заголовочного комплекса. Тем самым сотрудники объединенной пресс-службы судебной системы Санкт-Петербурга:

1. Повышают рейтинг цитируемости, так как яркие заголовки помогают журналистам создать информационные поводы, которые можно будет почерпнуть из объединенной пресс-службы судебной системы Санкт-Петербурга.

2. Помогают обществу изучать происходящие события в правовом ключе.

3. Формируют должное понимания обществом правовых мотивов принимаемых судами решений, объективного, достоверного, оперативного и качественного информирования общества о деятельности судебной системы и укрепления доверия к правосудию.

4. Увеличивают открытость судебной системы.

На наш взгляд, необходимо обратить внимание на этический аспект деятельности пресс-службы судебной системы Санкт-Петербурга. Несмотря на то, что персональные данные участников судебных процессов не разглашаются, ироническое описание происходящих событий со стороны сотрудников пресс-службы может нанести репутационные потери, однако её деятельность поощряется другими ветвями власти. [3]

Список литературы

1. Гнетнёв А. И. Современная пресс-служба : учебник. Ростов-на-Дону: Феникс. 2010. 414 с.
2. Богомолова Е. Г. Особенности взаимодействия органов государственной власти и средств массовой информации // Ученые записки Тамбовского отделения РoCМУ. 2013. №1. 6 с.
3. Лебедева Д.С. Методические рекомендации по взаимодействию судов и СМИ. – Санкт-Петербург: Астерион, 2021. 72 с.
4. Лытнева А. А., Дубинина А. Э. Telegram как новая площадка в средствах массовой коммуникации // Материалы Афанасьевских чтений. 2020. №2 (31) 6 с.
5. Татур И. А., Кознова Н. Н. Особенности присутствия СМИ в «Telegram» // E-Scio. 2019. №11 (38) 7 с.
6. Чуенков И. А., Питько О. А. Заголовок как исполнитель функции воздействия в СМИ // Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема. 2018. №2 6 с.
7. Дроздов Р. К. К вопросу о классификации заголовочных комплексов в современной печати // Известия ВГПУ. 2011. №7. 4 с.
8. Дускаева, Л. Р., Васильева, В. В., Коньков, В. И. и др. Стилистика и литературное редактирование : в 2-х томах : Том 1: учебное пособие. / 1-е изд. ред. Москва: Юрайт. 2018. 325 с.

УДК 811.111-26

Векю В.Р. Аспекты исследования речевых практик в публичных выступлениях профессиональных политиков

Векю Владислав Русланович

Студент Санкт-Петербургского Государственного института культуры
РФ, г. Санкт-Петербург
vladislavvechuiu00@gmail.com

Some aspects in the investigation of speech practices in public speeches of professional politicians

Vekyu Vladislav Ruslanovich

Saint-Petersburg State University of Culture, Russia, Saint-Petersburg

Аннотация. В статье рассматривается проблематика исследований речевых практик в политической сфере. Обсуждаются проблемы, связанные с выработкой качественных методов исследования политического дискурса в устных выступлениях политиков. Материалом для исследования послужили выработанные подходы лингвистов и политологов к изучению устных выступлений политиков. При рассмотрении примеров используется метод описательного анализа. Результатом данной статьи является получение информации для исследовательских работ в политической лингвистике. Проведенный в работе анализ позволяет сделать вывод об общих и частных понятиях системного подхода в создании коммуникации в рамках политического дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс, реципиент, техники, речевые практики, коммуникации.

Abstract. The article addresses the issue of studying speech practices in the sphere of politics. In this connection there is a discussion of issues related to the elaboration of qualitative methods for studying political discourse in oral political speeches. The material for the study is based on approaches suggested by linguists and by politologists to the study of political talks. The article is based on the descriptive analysis method. The purpose of this article is to obtain information for research work in political linguistics. The analysis allows us to draw a conclusion about the general and specific concepts of the systematic approach to create communication within the framework of political discourse.

Keywords: political discourse, recipient, techniques, speech practices, communications.

Оборот речи «манипулирование общественным сознанием» давно стал «визитной карточкой» политического дискурса, когда речь идёт о концептуально массовом манипулировании определенными слоями населения. Трудно различить, манипулирует ли политик сознанием людей или аргументированно излагает свою точку зрения реципиенту в процессе политического дискурса, но обе ситуации объединяет тот неотъемлемый факт, что политик использует особые речевые практики для того, чтобы укрепить свою позицию в конкретном социуме. Концепция

политического дискурса стара как мир и состоит в том, чтобы внушить адресатам, гражданам сообщества, необходимость “политически правильных взглядов/суждений/действий”. Строго говоря, цель политического дискурса состоит в том, чтобы “посеять семя раздора” в голове адресата, заставить его принять сторону политика, дав ему почву для убеждения, и побудить к действию. Устная речь политика (за некоторыми исключениями) оперирует вызовами, лозунгами, а их успех определяется тем, насколько успешно политик выдает желаемое за действительное. Политик должен уметь затрагивать струны души сознания адресата, а его высказывания должны укладываться в глобальную картину мира его адресатов, слушателей, избирателей. Будет большим заблуждением считать, что внушение всегда подается как аргументация. Залог успеха политического дискурса - правильно подобранные речевые практики к конкретной аудитории, о которых пойдет речь в данной статье.

В последние годы количество обсуждений в рамках политического дискурса растет, потому что политика плотно вошла в жизнь каждого человека, она затрагивает его даже тогда, когда люди вступают в процесс конфликта личностных интересов, споров, дебатов. Политическая лингвистика получила и продолжает получать все больше исследований, посвященных подробному изучению и систематизации стратегий и тактик в рамках политического дискурса. Среди наиболее известных исследователей следует упомянуть таких авторов, как А.К. Маркес, В. Е. Чернявская, В. Н. Василина, Е.И. Шейгал, Ж.В. Зигманн, П. Н. Хроменков.

Е.И. Шейгал, известная специалист в области политической лингвистики, полагает, что дебаты представляют политические жанры наряду с лозунгом и речью в рекламных материалах, что отличает их от ритуализованных выступлений, будь то инаугурационная или просто праздничная речь, а также от ориентационных жанров, будь то указ или подписание соглашения о сотрудничестве. [1, с. 24].

Вышеуказанная концепция подтверждается общей теорией политического дискурса в рамках психолингвистики. Безусловная часть речевых практик основана на эмоциональном уровне коммуникации между реципиентом и оратором, а эмоциональное возбуждение, переходящее в агонию - неотъемлемая часть в сфере устных выступлений профессиональных политиков.

О.С. Иссерс утверждает, что средства выражения языка, именуемые также «индикаторы речевых тактик», интерпретируются в зависимости от полного толкования высказывания. Среди индикаторов на семантическом уровне выделяют клише, особенности процесса коммуникации в конкретной ситуации, выражаемые

стилистикой лексики, уровнями экспрессивности и употребления дискурсивных слов [2, с.130].

Важными факторами, обуславливающими успешность коммуникации, являются учет социально-психологических особенностей собеседника, соблюдение правил социального взаимодействия, наличие языковых компетенций.

И.А. Стернин трактует понятие коммуникативной стратегии по-своему: «обусловленные коммуникативной целью общие стереотипы построения процесса коммуникативного воздействия в зависимости от условий общения и личности коммуникантов» [3, с. 14].

Среди менее популярного, но широко используемого метода речевой практики выделяется аргументация противоположной точки зрения как неправильной при помощи аргументов, которые хорошо ложатся в мировоззрение адресата. Успех внушения напрямую зависит от степени вовлечения в идею политика. Внедряемая идея должна быть максимально проста, но в то же время скрывать истинный посыл политика, чтобы ее реализация оказалась эффективной. Важность данного аспекта подчеркивается тем, что устная речь не подразумевает возможности длительного осмысления в рамках коммуникативного процесса в отличие от письменной.

Как правило, коммуникаторы часто прибегают к речевой практике, призывая друг друга к соблюдению моральных и этических норм.

Важное замечание: такие реплики зачастую несут дискредитационный характер, выражая упрек в косвенной форме. Политик реализует свою деятельность за счёт тактического призыва к совести/действию и призыва внимания на негативные аспекты личности оппонента.

Более того, коммуникаторы в рамках политического дискурса критикуют друг друга, выражая неявное самовосхваление на фоне оппонента. Реализация восхваления в данной ситуации направлена на воссоздание имиджа и продвижение стереотипа, призванного закрепить положительные воспоминания за политиком либо субъектом его политики, если его речь направлена в его поддержку [4, с. 18].

Анализ речей политиков в бундестаге позволил выявить тенденцию коммуникаторов к распространению обличительных и обвинительных речевых действиях. Последние, чаще всего, призывают к соблюдению общепринятых норм [5, с. 184]. В устных выступлениях коммуницирующие стороны часто используют различные тактики обвинительного характера, чаще прибегая к порицанию и указанию на лживость собеседника, призывая его к правдивости.

В рамках речевой практики профессиональных политиков в устном дискурсе можно выделить следующие коммуникативные приёмы: отождествление, дистанцирование, акцентирование положительной информации, эпатирование.

Так как эпатирование имеет место в ситуации, когда выступление происходит в живой форме, оно вносит эмоциональную составляющую в коммуникативный процесс с целью привлечения внимания за счет использования экспрессивно окрашенных языковых средств, резких оценочных высказываний, суждений, выводов и т.д.

Отождествление - это коммуникативный приём, которым пользуется профессиональный политик, чтобы причислить себя к социальному слою людей "из народа", т.е. взять на себя роль человека народа, представляющего общие интересы: простого человека, справедливого семьянина, борца за чистоту окружающей среды и т.п., располагая к себе определенные группы населения.

Дистанцирование, в свою очередь, служит средством отдаления нежелательной информации от себя или аудитории. В процессе политических дебатов коммуниканты неизбежно сталкиваются с попытками дискредитации их имиджа. Этот фактор неизбежно вызывает ответную реакцию реципиента, который подчеркивает свою обособленность в данном контексте, в частности, от негативно влияющей на его имидж информации, и таким образом улучшают свой имидж в глазах потенциальных слушателей на фоне созданного негативного образа оппонентов.

Акцентирование характеризуется как коммуникативный приём, позволяющий участникам политического дискурса еще раз заявить о своих достижениях и успехах. Реализуется на практике с помощью манипулятивных приёмов, показывая компетентность, когда политик использует афоризмы, фразеологизмы и цитаты, тем самым, уходя от основной темы выступления или дебатов.

Речевые стратегии и тактики играют ключевую роль в раскрытии и реализации основных характеристик политического дискурса, однако политологи не пришли к единой трактовке коммуникативной стратегии. Так, П.В. Зернецкий считает, что коммуникативная стратегия - это «творческая реализация коммуникантом плана построения своего речевого поведения с целью достижения общей (глобальной) языковой (неязыковой) задачи общения» [6, с. 36-41].

И.А. Стернин понимает под коммуникативной стратегией «обусловленные коммуникативной целью общие стереотипы построения процесса коммуникативного воздействия в зависимости от условий общения и личности коммуникантов» [7, с. 14].

С.А. Сухих подразумевает под данным понятием «совокупность, единство коммуникативных и практических целей» [8, с. 37-49].

Ю.В. Вознесенская определяет коммуникативную стратегию таким образом: «сверхзадача речи, в ходе решения которой происходит выбор речевых действий, оптимальных для достижения целей говорящего» [9, с. 37].

Обобщая имеющиеся данные по вопросу речевых стратегий, следует выделить общепринятые положения, в которых сходятся большинство исследователей:

1) Говорящий направляет свою речевую деятельность на изменение психически-эмоционального и ментального состояния людей;

2) Речевая стратегия располагает профессионального политика к выбору наиболее подходящих языковых единиц, служащих достижению цели по оптимальному маршруту;

3) Речевая стратегия поддается систематизации и в тоже время служит системой, которая играет решающую роль в организации дискурса.

«Выбор слова, выбор номинации - это уже субъективно-оценочный акт», - так рассуждает В. Е. Чернявская [10, с.11].

Благодаря обзорно-аналитической статье в рамках анализа средств манипулирования в политическом дискурсе, мы пришли к выводу, что манипулирование на лексическом уровне является систематическим явлением, но проявляющимся через призму определенной ситуации по-разному. Выбор тех или иных коммуникативных приёмов в устной речи профессиональных политиков зависит от ситуации и обстановки: места, времени, расположенности аудитории к теме и оратору.

Список литературы

1. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. Омск : ОГУ, 1999. 285 с.
3. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Изд- во ВГУ, 2001. 252 с.
4. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. Киев : Ваклер, 2001. 651 с.
5. Сапрыкина Е.В. Способы репрезентации речевого действия «обвинение» в парламентском дискурсе: на материале парламентских дебатов Бундестага ФРГ: дис. ... канд. филол. наук. - Уфа, 2007. 184 с.
6. Зернецкий П.В. Лингвистические аспекты теории речевой деятельности. // Языковое общение: Процессы и единицы : межвуз. сб. науч. тр. Калинин : Изд- во КГУ, 1988. С. 36-41.
7. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Изд- во ВГУ, 2001. 252 с.
8. Сухих С.А. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. М.: Этика: Энциклопедический словарь, 2001. 159 с.
9. Вознесенская Ю. В. Речевые стратегии конфликта в немецкой политической коммуникации (на материале парламентских дебатов в Бундестаге): Дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2010. 186 с.
10. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учебное пособие. М.: Флинта, 2006. 136 с.

УДК 070

Иващенко Е.Г., Кузьмичёв М.А. Информационная политика спортивных интернет-порталов «Спорт24» и «Матч!»

Иващенко Елена Геннадьевна

канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, коммуникации и журналистики
Амурский государственный университет, РФ, г. Благовещенск
eivaschenko@mail.ru

Кузьмичёв Максим Андреевич

студент кафедры русского языка, коммуникации и журналистики
Амурский государственный университет, РФ, г. Благовещенск
une_reveur7@mail.ru

Information policy of sports Internet-portals «Sport24» and «Match!»

Ivashchenko Elena Gennadievna

phD, Associate Professor, Department of the Russian Language, communication and journalism, Amur State University, Russian Federation, Blagoveshchensk

Kuzmichev Maxim Andreevich

student, Department of the Russian Language, communication and journalism
Amur State University, Russian Federation, Blagoveshchensk

Аннотация. В статье рассматривается информационная политика спортивных интернет-СМИ «Матч!» и «Спорт24», в частности, выявляются факторы, влияющие на ее формирование. Исследование порталов показывает, что важнейшими являются программные установки и направление, заданное учредителем и согласованное с редакционным коллективом, функционирование изданий в интернет-пространстве, ориентация на особую целевую аудиторию специализированных СМИ. В результате формируется идеология изданий, жанрово-тематическое и языковое своеобразие. «Матч!» тяготеет к традициям качественной журналистики, тогда как «Спорт24» делает ставку на таблоидность.

Ключевые слова: информационная политика, спортивная журналистика, спортивные интернет-СМИ, «Матч!», «Спорт24»

Abstract. The article deals with the information politics of online sports media "Match!" and "Sport24", and the main factors influencing its formation. The authors come to the conclusion that a significant role is played by such factors as functioning of the publications in online space, directions set by the founders and editorial teams that form values and ideology of the publications, as well as the focus on a specific target audience of specialized media. The ideology of publications, genre-thematic and linguistic characteristics are formed as the result. "Match!" gravitates to the traditions of high-quality journalism, while Sport24 relies on tabloid journalism.

Keywords: information policy, sports journalism, online sports media, «Match!», «Sport24»

В настоящее время одними из наиболее известных интернет-СМИ спортивной направленности в России являются порталы «Спорт24» и «Матч!». Основанные фактически одновременно в 2018 году, они заняли достойное место среди других онлайн-СМИ спортивной направленности. Целью данного исследования является попытка выявления основных факторов, оказывающих влияние на информационную политику изданий.

Различные аспекты деятельности спортивных интернет-СМИ неоднократно становились предметом научного осмысления. Так в работе У.Ю. Эшкиной «Система современных специализированных спортивных интернет-медиа в России» предпринята попытка классификации разнородных спортивных порталов [1]. Б.А. Харчевников в исследовании «Аудитория спортивных интернет-СМИ» рассмотрел специфику целевой аудитории [2]. Особенности жанрологии в современных спортивных интернет-СМИ рассмотрены в публикации Е.Г. Малышевой «Новые жанры и форматы в современном спортивном интернет-дискурсе о фигурном катании» [3]. Статья Э.С. Кузнецова «Преувеличивающий заголовок как аттрактивный прием в спортивных интернет-СМИ» посвящена языковым аспектам деятельности спортивных медиа [4]. При все многообразии исследований, проблема формирования информационной политики изданий и выявление факторов, на нее влияющих, нуждается в дальнейшем осмыслении.

В исследовательской литературе представлен широкий спектр определений термина «информационная политика», но в данной работе мы будем отталкиваться от формулировки В.В. Ковалевской: «Информационная политика редакции – это стратегия деятельности редакции, направленная на создание информационного продукта, прописанная в нормативно-правовых актах внутреннего распространения, которая определяет характер, способ обработки и порядок подачи информации» [5, с. 283].

Информационная политика изданий складывается под влиянием различных факторов. Исследование порталов Матч!» и «Спорт24» показало, что важнейшими из них являются программные установки учредителей и редакционных коллективов, формирующие ценности и идеологию изданий, функционирование изданий в интернет-пространстве, а также ориентация на целевую аудиторию (в данном случае на аудиторию специализированных СМИ, имеющую ограниченный охват). Анализ этих факторов позволяет лучше понять информационную политику изданий и выявить их разность, несмотря на сходство типологических характеристик.

Функционирование изданий в сети Интернет является мощнейшим фактором влияния на информационную политику СМИ, поскольку данный ресурс диктует как характер, так и способ обработки и представления информации. Информационно-телекоммуникационная сеть, предоставляя онлайн-СМИ большие возможности и приучив потребителей к разнообразному контенту, требует от редакций максимально разноплановой, разноформатной информации (в текстовом, видео-, аудиоформатах; в виде диаграмм, схем, таблиц, фотографий, иллюстраций и др.), что в максимальной степени соответствуют запросам спортивной журналистики. Ведь именно для данного типа изданий крайне важны как текстовая, так и нетекстовая (аудио, видео и др.) составляющие: просмотр спортивных состязаний позволяет зрителю пережить широкий спектр эмоций, а текстовые материалы (в жанрах печатных СМИ) – погрузиться в мир новостей и аналитики. Онлайн-ресурсы дают возможность просмотров прямых трансляций, программ в записи и архивных видео; позволяют представить результаты соревнований в виде таблиц, диаграмм, схем; размещать фото и иллюстративные материалы; проводить опросы, викторины, голосования и др. Кроме того, возможности сети Интернет облегчают поиск интересного потребителю контента с помощью поисковых строк и гиперссылок, позволяют целевой аудитории выразить свое мнение (через комментарии, «лайки», репосты), обеспечивают высокую скорость передачи информации и др. Вследствие этого, информационная политика анализируемых изданий строится с ориентацией на те возможности, которые предлагает Интернет.

Вторым фактором, влияющим на информационную политику, является фактор учредителя и установок редакционного коллектива. СМИ, принадлежащее крупнейшей корпорации «Газпром-Медиа Холдинг», аффилированной с госструктурами, и ООО, генеральным директором которого является частное лицо, по-разному определяют цели изданий и предъявляют аудитории общий по тематике контент. В этом наглядно можно убедиться на примере «Матч ТВ» и «Спорт 24».

Третьим фактором является специфика целевой аудитории, в данном случае, аудитория специализированных СМИ, изначально ограниченная по своему охвату. Проблемы, связанные с такой аудиторией, очевидны, – ее емкость не беспредельна. Поэтому информационная политика изданий направлена на привлечение максимально широкого количества и формирование их лояльности. Разность подходов к решению данной задачи напрямую отражается в контенте изданий.

Онлайн-издание «Матч!» является частью одного из самых крупных в России холдингов – «Газпром-Медиа Холдинга» и непосредственно связано с телеканалом

«Матч ТВ» (онлайн-ресурс появился через 3 года после начала работы телевизионного канала, в 2018 году). Возможности глобальной сети редакция задействует в полной мере: журналисты издания работают в разных жанрах, как в видео-, так и в текстовых форматах, обновляя сайт 24 часа в сутки. Основную часть видеоконтента составляют прямые трансляции спортивных соревнований, репортажи с мест проведения массовых спортивных мероприятий, обзоры, специальные репортажи, посвященные той или иной ситуации. Жанры печатных новостных СМИ представлены заметками, анонсами, аналитических – интервью и статьями. Тематический репертуар издания разнообразен, но при этом сосредоточен на освещении спортивных событий. Наиболее крупный тематический блок связан с новостями в разных видах спорта. При этом не всем спортивным дисциплинам внимание уделяется в равной степени. Проведённое исследование за период с 16 мая по 22 мая 2022 года показывает, что в данный промежуток времени было опубликовано 1242 материала, при этом футболу было посвящено 708 публикаций (57%), хоккею – 154 публикации (12,4%), баскетболу – 56 публикаций (4,5%). Оставшиеся 26,1 % материалов освещали единоборства, теннис, волейбол, фигурное катание, биатлон и др. виды спорта. В аутсайдерах оказались пятиборье, гольф, прыжки с трамплина, санный спорт и фехтование – по 1 публикации (0,08%). К причинам подобного выбора можно отнести регулярность и популярность таких видов спорта как футбол, хоккей и баскетбол и целевую аудиторию издания, состоящую преимущественно из мужчин (73% от общего количества по данным рекламного агентства «Head-Media») [6].

В целом вербальные и невербальные материалы сайта оставляют впечатление качественного контента, созданного в лучших традициях отечественной спортивной журналистики с учетом возможностей современных медиатехнологий. При этом обращает на себя внимание отказ от использования таких вариантов обратной связи с интернет-аудиторией, как комментарии и «лайки». Оставить сообщение можно только после перехода по ссылке «Обратная связь». Намеренное игнорирование возможностей, на наш взгляд, является следствием политики издания, связанного с государственными структурами: учитывая общественно-политическую ситуацию, редакция старается избежать размещения на своей платформе провокационных и экстремистских комментариев. Она отказывается от дополнительных способов расширения аудитории и повышения ее лояльности, в пользу информационной и юридической безопасности.

Информационная политика «Спорт24» несколько отлична от «Матч!». «Спорт24», как и «Матч!», был создан в 2018 году. Согласно данным сайта, издание является составной частью многопрофильного холдинга «S8 Capital», основателем которого является российский бизнесмен А.М. Саркисян [7]. Цели издания ограничиваются оперативным освещением спортивных событий: «оперативные новости, интересные статьи, откровенные интервью, яркие фото и актуальные видео, новейшие интернет-технологии, удобство и адаптивность» [7]. Акцент на использовании новейших интернет-технологий и адаптивности свидетельствует о том, что редакция стремится в полной мере задействовать возможности Интернета. При этом очевидна и разность контента с «Матч!»: на сайте преобладают жанры печатных СМИ, видеоматериалы уходят на второй план. Обращает на себя внимание новостная лента, которая регулярно обновляется, предлагая читателю актуальные новости из мира спорта. Наряду с информационными жанрами, присутствует и аналитика: прогнозы, мнения, обзоры, комментарии. Текстовые материалы сопровождаются фотографиями высокого качества, что может говорить об амбициозности издания, претендующего на статус одного из самых цитируемых спортивных СМИ России. Видеоконтент (в том числе прямые трансляции) присутствует, но значительно уступает по объему «Матч!», для которого такая форма предъявления информации является ведущей. Причина напрямую связана с фактором учредителя: «Матч!», аффилированный с телеканалом, размещает его видеоконтент; «Спорт24», не имея доступа к подобным ресурсам, делает акцент на скорости и объеме новостной информации, а также на аналитике.

Освещение событий из мира спорта, как и в случае с «Матч!», для «Спорт24» является приоритетным. Так, в период с 29 ноября по 5 декабря 2022, было опубликовано 1913 материалов. При этом футболу были посвящены 1146 публикаций (59,9%), хоккею – 244 (12,8%), ММА/боксу – 193 (10%). На последнем месте расположился киберспорт (1 публикация (0,05%). Очевидно, что и в данном случае, акцент делается на мужскую целевую аудиторию, так как освещаются традиционно мужские виды спорта.

При этом часть материалов, размещенных в «Спорт24», посвящена околоспортивной тематике или новостям на сторонние темы. Это, прежде всего, публикации на темы личной жизни спортсменов и их близких, а также известных людей из сферы шоу-бизнеса. Редакция использует не просто кликабельные, а откровенно скандальные и провокационные заголовки («Выложила откровенное фото и призналась, что любит сосать. Жена экс-футболиста «Зенита» оценила

выходку Бритни Спирс») [8], публикует откровенные фото и видео. Большое количество публикаций на «желтые» темы свидетельствует о том, что издание считает их важными для своего развития, для привлечения и расширения целевой аудитории. Подобные материалы делают портал схожим с таблоидным изданием, которое занимается освещением скандалов и подробностей личной жизни знаменитых людей. Они резко отличают «Спорт24» от «Матч!», демонстрируют разность информационной политики, идущей от редакционного коллектива и установок учредителя.

Стратегия по привлечению на сайт женской аудитории прослеживается в публикации материалов, характерных для женских журналов, при этом далеко не все материалы имеют отношение к спорту. На сайте присутствуют материалы о похудении, модных тенденциях, путешествиях и др.

Разность между изданиями также проявляется в выборе языковых и стилевых средств. «Спорт24» допускает публикацию материалов с использованием грубой просторечной лексики, жаргонизмов, причем, чаще всего в заголовочном комплексе [8]. Использование подобных лексических единиц в одной из самых важных структурных частей журналистского текста свидетельствует о том, что редакция осознанно снижает журналистские стандарты для привлечения на сайт максимально широкой аудитории, аудитории таблоидных изданий.

Подобный отход от спортивной тематики и высоких журналистских стандартов – часть информационной политики издания. Вероятно, редакция исходит из предположения, что численность любителей спорта ограничена, привлечение новых пользователей за счет расширения контента на спортивные темы и улучшения его качества сопряжено со значительными затратами (и финансовыми, и человеческими), а конкуренция в данной сфере (в том числе с изданиями, входящими в крупнейшие медиахолдинги, такими, как «Матч!») высока. Поэтому ориентация на таблоидный тип издания может стать весьма эффективной стратегией, привлекающей подписчиков, а следовательно, и рекламодателей.

Таким образом, информационная политика спортивных интернет-СМИ «Матч!» и «Спорт24», несмотря на их очевидную типологическую близость, имеет существенные различия. Факторами, оказывающими значительное влияние, являются функционирование в онлайн-пространстве, установки учредителей и редакционных коллективов, формирующие ценности и идеологию изданий, а также типичная для специализированных СМИ «узкая» целевая аудитория, требующая особых подходов, и трудности, связанные с ее расширением. Совокупность данных

факторов приводит к следующим результатам. «Матч!», входящий в холдинг «Газпром-Медиа», делает акцент на видеоконтенте, тогда как «Спорт24» более активно задействует текстовые жанры и фотоиллюстрации. Стандарты холдинга заставляют «Матч!» тяготеть к традициям качественной журналистики, тогда как «Спорт24», не обремененный подобной ответственностью и стремящийся выжить в конкурентной среде, делает ставку на таблоидность.

Список литературы

1. Эшкина У.Ю. Система современных специализированных спортивных интернет-медиа в России // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Том 10, № 4, С. 760-774.
2. Харчевников Б. А. Аудитория спортивных интернет-СМИ // Трибуна ученого. 2021. № 6. С. 129-134.
3. Малышева Е. Г. Новые жанры и форматы в современном спортивном интернет-дискурсе о фигурном катании // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 2. С. 351-367.
4. Кузнецов Э.С. Преувеличивающий заголовок как аттрактивный прием в спортивных интернет-СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 4 (38). С. 204-210.
5. Ковалевская В.В. Информационная политика издания на примере газеты «Кримська світлиця» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24 (63). 2011 г. №2. Часть 2. С. 283-288.

Список источников

6. Реклама на канале «Матч ТВ». URL: <https://head-media.ru/tvchannels/match-tv/> (дата обращения: 22.07.2023).
7. О проекте. URL: <https://sport24.ru/about> (дата обращения: 22.07.2023).
8. Выложила откровенное фото и призналась, что любит сосать. Жена экс-футболиста «Зенита» оценила выходку Бритни Спирс. URL: <https://sport24.ru/news/football/2022-12-01-vylozhila-otkrovennoye-foto-i-priznalas-cto-lyubit-sosat-zhena-eks-futbolista-zenita-otsenila-vykhodku-britni-spirs> (дата обращения: 22.07.2023).

УДК 070

Иващенко Е.Г., Штефан Д.А. Функционирование современных профессиональных изданий (на примере журнала «Журналист»)

Иващенко Елена Геннадьевна

канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, коммуникации и журналистики
Амурский государственный университет, РФ, г. Благовещенск
eivaschenko@mail.ru

Штефан Дарья Андреевна

студент кафедры русского языка коммуникации и журналистики
Амурский государственный университет, РФ, г. Благовещенск
darya.shtefan@list.ru

Functioning of modern professional publications (on the example of the "Journalist" magazine)

Ivashchenko Elena Gennadievna

phD, Associate Professor, Department of the Russian Language
communication and journalism, Amur State University
Russian Federation, Blagoveshchensk

Stefan Daria Andreevna

student, Department of the Russian Language, communication and journalism
Amur State University, Russian Federation, Blagoveshchensk

Аннотация. Статья посвящена изучению специфики функционирования профессионального издания «Журналист» в современном медиапространстве. Рассматриваются особенности размещения материалов издания на разных платформах: в печатном издании, на сайте и в социальных сетях. Выявляются причины сохранения журнала в традиционном печатном формате: следование традициям, социальная и профессиональная ответственность издания, демонстрация уверенности в том, что традиции медиапотребления будут сохранены, что российская печать, пережив трансформационный период, останется частью СМИ.

Ключевые слова: журнал «Журналист», профессиональное издание, печатное издание, социальные сети, функционирование издания

Abstract. The article studies the functioning specifics of the professional publication "Journalist" in the modern media space. We consider the features of publishing on different platforms: in a printed edition, on a website and on social media. The reasons for maintaining the publication in the traditional printed format are presented: following the traditions, social and professional responsibility of the publication, demonstrating confidence that the traditions of media consumption will be preserved, that the Russian press, having survived the transformation period, will remain part of the media.

Key words: journal "Journalist", professional edition, printed edition, social media, functioning of the media

«Журналист» – одно из немногочисленных профессиональных изданий в России, предназначенное для журналистского сообщества. Журнал, появившийся в 1914 году, претерпел существенные изменения под воздействием новых цифровых технологий. Изучение специфики его функционирования в современном медиaprостранстве, в частности особенности взаимодействия печатной версии журнала, его сайта и социальных сетей, является целью данного исследования.

Журнал выходит под эгидой Союза журналистов России. По типологическим характеристикам, согласно классификации М.И. Шостак, он относится к группе предметно-специализированных (профессиональных) изданий, под которыми понимаются ресурсы, предназначенные для специалистов в той или иной области, а также для аудитории, «только осваивающей профессию «либо связанной с ней по общей социальной ситуации» [1, с. 83].

Журнал уже становился предметом научного осмысления. В публикации С.Б. Юфкиной были выявлены его основные функции и методы формирования ценностных ориентиров [2]. Статья С.В. Максименко также была посвящена изучению основных функций профессионального издания [3]. А.Д. Маркевич изучил особенности профессиональных стереотипов, встречающихся на страницах журнала [4]. Т.Б. Исакова рассматривала «Журналист» с позиций медиаобразования в России [5].

Концепция журнала была определена еще в 1914 году. В первом номере, вышедшем под редакцией профессора Московского университета В.М. Фриче, была сформулирована основная цель издания: «Освещать экономическое положение журналистов в прошлом и настоящем, в столицах и в провинции, за границей и у нас, и тем содействовать как укреплению в журналистах чувства самосознания, так и сплочению их в крепкую профессиональную организацию» [6]. В настоящее время на сайте издания можно ознакомиться с его миссией, а также с приоритетными задачами, среди которых, как и сто лет назад, защита прав представителей журналистского сообщества, а также формирование информационного пространства страны, выстраивание взаимоотношений с властью, законотворчество, демократические преобразования [6].

Масштабность задач требует от редакционного коллектива продуманной стратегии действий, частью которой является максимальное расширение информационных потоков. С этой целью, наряду с традиционной бумажной версией издания, в 2014 году в Роскомнадзоре был зарегистрирован сайт, а после запущена работа социальных сетей. Данные платформы позволили изданию максимально

расширить свое информационное поле и повлекли за собой изменения контента, его форматов, повлияли на особенности взаимодействия с целевой аудиторией.

Исходная форма бытования журнала – бумажная. Более 100 лет подобный формат не вызывал вопросов, но в последние годы ситуация изменилась. Высокая стоимость специализированной бумаги, полиграфических услуг, сложности с распространением, удорожание почтовых перевозок наряду с повышением уровня доступности Интернета, развитием онлайн-сервисов и др. заставили многих учредителей и редакции остановить выпуск печатных изданий и перейти на электронные версии. Но «Журналист», несмотря на все сложности, усугубленные его ориентацией на достаточно узкую аудиторию, не отказался от традиционного формата. Нельзя не отметить, что целевая аудитория издания, журналистское сообщество, в силу профессиональной необходимости обладающая высокими пользовательскими навыками в сети Интернет и, в подавляющем большинстве случаев, не испытывающая проблем с трафиком, легко приняла интернет-ресурс. В этой ситуации продолжение выпуска печатного издания можно объяснить двумя факторами. Во-первых, сохранение традиционного формата – своеобразная дань прошлому, попытка сохранить преемственность традиций и богатую историю, чем могут «похвастаться» далеко не все российские СМИ. Наличие печатного журнала свидетельствует об успешности и высоком качестве журналистского продукта. Во-вторых, прекращение выпуска журнала в печатном формате, на наш взгляд, нанесло бы большой репутационный урон отрасли в целом. Ведущее российское издание в сфере СМИ не может не испытывать груз социальной и профессиональной ответственности: выпуск журнала «на бумаге» – демонстрация уверенности в том, что традиции медиапотребления будут сохранены, что российская печать, пережив трансформационный период, останется частью СМИ.

Редакция «Журналиста» делает ставку на качественный характер бумажного издания. Она не стремится к удешевлению, считая, что массовым, доступным вариантом должна быть электронная версия журнала, которую можно приобрести в формате PDF, а печатный вариант, рассчитанный на ценителей, должен быть выполнен максимально качественно. Стоимость такого номера высока. Согласно сайту журнала, за июньский выпуск 2023 года покупатель должен заплатить 910 руб. [7]. Журнал отличает не только качественный контент, но и дорогая полиграфия, фотоиллюстрации, продуманный дизайн. Редакция предлагает услугу пересылки издания, которая входит в его стоимость. Таким образом, можно утверждать, что

выпуск печатной версии «Журналиста» не столько доходная, сколько имиджевая составляющая.

С 2016 года ведущим ресурсом «Журналиста» является его сайт [8]. Он функционирует как самостоятельное СМИ, а не как сетевая версия журнала. На сайте можно приобрести PDF-версию журнала (450 руб.), а также найти гиперссылки на его социальные сети. Важнейшая задача сайта – размещение новостной информации, которая не характерна для печатного издания из-за редкого выхода номеров. В новостной контент входят публикации о законопроектах, информация о предстоящих событиях, информация о событиях, связанных с другими СМИ, о нововведениях на популярных цифровых платформах и др. Новости выходят по будням, а в выходные дни редакция выпускает «дайджесты», в которые входят материалы прикладного характера. Если в печатной версии около 90% публикаций написаны журналистами издания, то на сайте можно встретить материалы других авторитетных сетевых изданий и информационных агентств («РБК», «ТАСС», «РИА Новости», «Интерфакс», «Коммерсантъ», «Газета.ру», «Ведомости» и др.). Также на сайте можно познакомиться с разнообразными справочными, аналитическими и художественно-публицистическими материалами, которые лишь частично повторяют печатное издание. Еще одно достоинство онлайн-ресурса заключается в том, что он выступает в качестве хранилища архивной информации.

Редакция в полной мере задействует возможности интернет-СМИ. Речь идет о публикации материалов не только в формате текста, но также в видеоформатах и подкастах, высоко востребованных аудиторией.

В результате заложенный функционал делает сайт важнейшим ресурсом, необходимым для полноценного функционирования издания в медиасфере.

Еще один ресурс издания – это его социальные сети, в частности «ВКонтакте» и «Telegram». Адаптированные для мобильных устройств, они привлекают значительное число пользователей. Еще одно несомненное достоинство соцсетей – легкость установления контакта с целевой аудиторией, заложенный в функционале данных платформ. Речь идет о возможности читателей комментировать и оценивать материалы, выражать эмоции (эмодзи, стикеры, гифки), участвовать в опросах и голосованиях, получать оповещения, делиться записями сообщества и др. Редакция, в свою очередь, видит реакцию аудитории, что позволяет выстраивать оптимальный контент в востребованном у аудитории формате.

Таким образом, важнейшим фактором успешного функционирования издания в современном медиапространстве становится его выход на новые платформы при сохранении традиционных. «Журналист», демонстрируя приверженность традиционным печатным СМИ, активно развивает новые ресурсы: сайт и социальные сети, дающие дополнительный функционал, позволяющие идти в ногу со временем. Такой подход позволяет изданию представлять контент в разных форматах, воспринимать его с разных устройств, а также дает редакции возможность максимально активно взаимодействовать с целевой аудиторией.

Список литературы

1. Типология периодической печати / Под редакцией М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 236 с.
2. Юфкина С.Б. Журнал «Журналист» как профессиональное издание // Труды института бизнес-коммуникаций: Научное издание. Том 4. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. 2018. С. 126-134.
1. 3 Максименко С.В. Основные функции журнала «Журналист» на современном этапе развития // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: Материалы XIV Международной научно-практической конференции. – Москва – Пенза: Пензенский государственный технологический университет, 2022. – С. 241-245.
3. Маркевич А.Д. Профессиональные стереотипы в специализированном журнале «Журналист» // Проблемы массовой коммуникации: Материалы международной научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2020. – С. 33-35.
4. Исакова Т.Б. Освещение проблем медиаобразования в журнале «Журналист» на современном этапе // Медийно-информационная грамотность современного педагога: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет: ООО «Издательство «Оренбургская книга»», 2018. – С. 251-260.

Список источников

5. О журнале. История журнала. URL : <https://jrnlst.ru/2023/04/28/141789/> (дата обращения 24.07.2023).
6. Магазин. Печатная продукция. URL : Печатная продукция – Журналист (jrnlst.ru) (дата обращения 24.07.2023).
7. Журналист. URL : <https://jrnlst.ru/> (дата обращения 24.07.2023).

Международный научно-практический журнал
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
№ 07 (99), 2023

По вопросам и замечаниям к изданию,
а также предложениям к сотрудничеству обращаться
по электронной почте office@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов
Данный сборник распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Подписано в печать 10.08.2023
Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 7,1. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru